

ВЕСТНИК

СУРГУТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

ВЫПУСК 4 (34)

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

12+

2021

**БЮДЖЕТНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
ХАНТЫ-МАНСКИЙСКОГО АВТОНОМНОГО ОКРУГА – ЮГРЫ
«СУРГУТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»**

ВЕСТНИК

**Сургутского государственного
университета**

Научный журнал

ВЫПУСК 4 (34)

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ
ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ**

**Сургут
2021**

Учредитель и издатель:

Бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры
«Сургутский государственный университет»

Главный редактор

Грошев Александр Романович, д. э. н., профессор

Заместитель главного редактора

Филиппова Наталья Алексеевна, д. ю. н., доцент

Выпускающий редактор

Аширова Анна Владимировна

Редакционная коллегия:

Дядькин Дмитрий Сергеевич, д. ю. н., доцент
Зубарева Любовь Витальевна, д. э. н., доцент
Каратаев Алексей Сергеевич, д. э. н., профессор
Кодинцев Александр Яковлевич, д. ю. н., доцент
Крамаров Сергей Олегович, д. ф.-м. н., профессор

Нехайчик Владимир Казимирович, к. ю. н., доцент
Попова Лариса Александровна, к. ю. н., доцент
Чарковская Нозми Ивановна, к. ю. н., доцент
Чуланова Оксана Леонидовна, д. э. н., доцент
Ямпольская Наталья Юрьевна, д. э. н., доцент

Редакционный совет:

Экономические науки

Бархатов Виктор Иванович, д. э. н., профессор
Владимирова Татьяна Александровна, д. э. н., профессор
Галазова Светлана Сергеевна, д. э. н., профессор
Зырянова Татьяна Владимировна, д. э. н., профессор
Карзаева Наталья Николаевна, д. э. н., профессор

Курныкина Ольга Васильевна, д. э. н., доцент
Мильчакова Наталья Николаевна, д. э. н., профессор
Ниценко Виталий Сергеевич, д. э. н., доцент
Сахаров Геннадий Владимирович, д. э. н., профессор
Сверчкова Ольга Федоровна, д. э. н., доцент

Юридические науки

Архипов Игорь Валентинович, д. ю. н., доцент
Белкин Анатолий Рафаилович, д. ю. н., профессор
Борков Виктор Николаевич, д. ю. н., доцент
Дежнёв Александр Сергеевич, д. ю. н., доцент
Жаров Сергей Николаевич, д. ю. н., доцент
Зайцева Лариса Владимировна, д. ю. н., доцент
Зеленцов Александр Борисович, д. ю. н., профессор
Ибрагимов Солиджон Ибрагимович, д. ю. н., профессор
Казанцев Михаил Федорович, д. ю. н.

Руденко Виктор Николаевич, д. ю. н., профессор,
академик РАН
Саликов Марат Сабирьянович, д. ю. н., профессор
Сергеев Андрей Борисович, д. ю. н., профессор
Фролова Наталья Владимировна, д. ю. н., доцент
Шабуров Анатолий Степанович, д. ю. н., профессор
Шарапов Роман Дмитриевич, д. ю. н., профессор
Ястребов Олег Александрович, д. ю. н., профессор
Яцук Татьяна Федоровна, д. ю. н., профессор

Издается с декабря 2013 года
Выходит 4 раза в год

Решением Высшей аттестационной комиссии с 30 ноября 2017 года журнал включен
в «Перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты
диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук»
по следующим группам научных специальностей:
08.00.00 Экономические науки, 12.00.00 Юридические науки.

Полные тексты статей размещаются на странице журнала на сайте surguvest.elpub.ru в базе данных
Научной электронной библиотеки на сайте elibrary.ru,
сведения о публикуемых материалах включаются в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Подписной индекс Объединенного каталога «Пресса России» 43401.

Издание зарегистрировано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций. Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-76748 от 06.09.2019.

Адрес редакции:

628412, Тюменская обл., Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, д. 1.
Тел. (3462) 76-29-88, факс (3462) 76-29-29, e-mail: science.journals@surgu.ru

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Колонка главного редактора</i>	5
---	---

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

Антонова Н. Л., Ковылина Л. Л.

Формирование и развитие организационного интеллекта в системе управления знаниями	8
---	---

Васина В. Н., Кельчевская Н. Р., Пельмская И. С.

Вероятность компьютеризации профессии и ее влияние на заработки в условиях цифровизации рынка труда	17
---	----

Воронина Е. В., Мильчакова Н. Н., Сергеева И. В.

Моногорода: траектория диверсификации	28
---	----

Кравченко А. Н.

Механизмы учета экономического эффекта типизации проектных решений объектов нефтегазового назначения	39
--	----

Круг Э. А., Дмитриева Ю. В.

Развитие инклюзивного детского туризма на территории Псковской области как приграничного субъекта Российской Федерации	49
--	----

Чуланова О. Л., Охотникова В. А.

Smart talent search как инструмент подбора персонала в социальных сетях в условиях вызовов BANI-мира	59
--	----

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

Бурханов Р. А., Никулина О. В.

Учение Иммануила Канта о праве	71
--------------------------------------	----

Варакин Я. Г.

Криминалистические технологии обнаружения, фиксации, изъятия цифровых следов преступления и иной доказательной информации	81
---	----

Слепцов А. Н., Слепцова И. А.

Защита самобытной культуры и традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в контексте права интеллектуальной собственности	88
---	----

Представляем юридическую школу

Саликов М. С.

Трансформация законодательного регулирования организации публичной власти в субъектах Российской Федерации (есть ли место федерализму?)	96
---	----

Крылатова И. Ю.

Перспективы и угрозы реализации конституционного принципа достоинства личности в геномике	105
---	-----

Мочалов А. Н.

Парадокс анонимности в Интернете и проблемы ее правового регулирования	111
--	-----

Окулич А. И.

Правовая природа конституционного запрета дискриминации и его место в российском правовом порядке	122
---	-----

Панкевич Н. В., Руденко В. В.

Отдельные проблемы идентичности в документах стратегического планирования Российской Федерации	128
--	-----

Сухоруков А. С.

Особенности конституционного судебного контроля в Российской Федерации и Литве	135
--	-----

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

Уважаемые читатели и авторы статей научного журнала
«Вестник Сургутского государственного университета»!

В разделе «Экономические науки» четвертого номера, завершающего непростой 2021 год, представлены статьи авторов, проводивших исследования различных социально-экономических процессов.

Значительное внимание в представленных статьях уделяется анализу влияния происходящих изменений, связанных с цифровизацией экономики. Так, авторы из Екатеринбурга оценивают влияние цифровизации на рынок труда в России. На основе статистического анализа доступных данных за период с 2003 по 2018 г. выявлено значимое отрицательное влияние компьютеризации профессий на заработки на протяжении всего рассматриваемого периода. Исследователи также представляют свидетельства цифровой поляризации рынка труда в России. В свою очередь, авторы из Сургута сосредоточили внимание на особенностях применения конкретных цифровых технологий. Они приводят результаты сравнительного анализа возможностей платформ Smart talent search, HeadHunter и XING для реализации технологии социального найма персонала с применением социальных сетей.

Однако содержание статей номера не ограничивается исследованием влияния цифровизации. К примеру, ученые из Пскова представили результаты исследования фор-

мирования и реализации регионального туристического продукта для граждан с ограниченными возможностями здоровья в возрасте от 7 до 18 лет. Анализ базовых статистических показателей демонстрирует рост численности детей-инвалидов на территории Псковской области. В ракурсе реализации Концепции ценностей устойчивого развития авторы разработали рекомендации по совершенствованию региональной политики в сфере инклюзивного детского туризма на территории Псковской области.

В номере также приведены результаты исследователей, представляющих корпоративную науку: автор из Тюмени провел анализ открытых источников, определил механизмы учета экономического эффекта типизации проектных решений и предложил новый подход к оценке экономического эффекта типизации.

Кроме того, в фокусе внимания авторов статей журнала оказались методы формирования и развития организационного интеллекта в системе управления знаниями, проблемы диверсификации экономики северных регионов России и структурные тренды, которые могут создать новые конкурентные преимущества для моногородов.

Раздел «Юридические науки» традиционно посвящен актуальным проблемам права.

В преддверии 200-летия «Устава об управлении инородцев» (1822), первого в мировой и национальной истории кодифицированного законодательного акта, адресованного российским государством коренным народам, журнал продолжает научный марафон публикации статьей о современных проблемах коренных малочисленных народов в Российской Федерации. Завершившаяся в ноябре 2021 г. 26-я Конференция ООН по климату приняла в ряды своих участников и представителей этих народов. Одна из проблем, обсуждавшихся на полях конференции, – сохранение традиционных знаний и умений коренных народов, в том числе средствами права. Даже в рамках публичного права механизм сохранения и защиты традиционных знаний только начинает формироваться, при этом в поле «правового зрения» присутствуют либо традиционные экологические знания, либо объекты нематериального культурного наследия аборигенов. Однако ожидания коренных жителей связаны с защитой их особых знаний и умений, которые используются в процессе традиционной хозяйственной деятельности и в этом смысле становятся частью реализуемого продукта. Право на традиционные знания и иные результаты интеллектуальной деятельности индигенных народов, по мнению авторов из Якутска, может быть защищено и средствами гражданского права (в контексте права интеллектуальной собственности). Такой подход в рамках российского гражданского права остается предметом дискуссий, что неудивительно: требуют пересмотра фундаментальные положения, воспринимаемые классическим гражданским правом как аксиомы. Однако редакция журнала приняла решение о публикации статьи и приглашает заинтересованные стороны к ее обсуждению. И аксиомы могут быть предметом научного спора (вспомним хотя бы о неевклидовой геометрии).

Классике в теории права уделено внимание в статье авторов из Сургута, анализирующих учение о праве Иммануила Канта. Грядущий юбилей (300 лет со дня рождения) великого философа из Кенигсберга обострил интерес к его идеям, в том числе идеям о праве и государстве. В статье систематизи-

рованы категории кантовской правовой теории, показана их обусловленность основоположениями его практической философии.

Прикладным аспектам юриспруденции, а именно современным криминалистическим технологиям изъятия цифровых следов на примере деятельности следователей-криминалистов Следственного комитета России, посвящена статья автора из Ханты-Мансийска. Автор предпринимает попытку раскрыть содержание понятия «цифровой след» в криминалистике; исследует методики обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов.

В 2020 году исполнилось 80 лет кафедре конституционного права Уральского государственного юридического университета (ранее УрГЮА, Юридический институт). Уральская юридическая школа конституционного (государственного) права – безусловный лидер современного российского публичного права. В этом номере журнала представлено шесть статей конституционалистов этой школы, включая программную статью о перспективах федерализма в России в связи с обсуждением и принятием нового федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». Аксиологическим аспектам публичного права и публичной политики посвящена статья авторского коллектива, объединившего Екатеринбург и Пермь. В статье исследованы ценностные комплексы, составляющие основу общероссийской идентичности и отраженные в документах стратегического планирования РФ. Новейшие аспекты правового положения личности исследованы в трех статьях, представляющих уральскую юридическую школу конституционного права. Во-первых, это архиактуальное исследование в области биоэтики и медицинского права. В статье предложен комплексный анализ философско-правовых и биоэтических дилемм применения современных биотехнологий в их взаимосвязи с соматической природой прав человека и принципом неприкосновенности достоинства личности. Во-вторых, это статья о парадоксе анонимности в Интернете и проблемах ее правового регулирования. Автор обосновал вывод о необходимости поиска баланса между анонимностью и открытостью в ходе

интернет-коммуникаций, а также установления надлежащих юридических процедур раскрытия данных о пользователях и эффективных судебных гарантий в связи с раскрытием таких данных. В-третьих, это исследование правовой природы конституционного запрета дискриминации и его места в российском правопорядке. Автор доказал неприемлемость замещения этого принципа так называемым «конституционным принципом недискриминации». Завершает пред-

ставление юридической школы комплексное сравнительно-правовое исследование конституционного судебного контроля в России и Литве, проведенное с учетом новейших изменений конституционного законодательства этих государств.

Благодарю всех авторов статей этого выпуска журнала и приглашаю к сотрудничеству научных работников и практиков в области экономики и права.

*А. Р. Грошев,
главный редактор,
д. э. н., профессор, гл. научный сотрудник
научно-образовательного центра
Института экономики и управления,
профессор кафедры финансов,
денежного обращения и кредита
Сургутского государственного университета*

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 65.01

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-8-16

ФОРМИРОВАНИЕ И РАЗВИТИЕ ОРГАНИЗАЦИОННОГО ИНТЕЛЛЕКТА В СИСТЕМЕ УПРАВЛЕНИЯ ЗНАНИЯМИ

Н. Л. Антонова¹, Л. Л. Ковылина^{1, 2✉}

¹ Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

² ООО «СургутТрансТорг», Сургут, Россия

✉ E-mail: tagan-i@mail.ru

Статья посвящена рассмотрению содержания понятия «организационный интеллект», а также методам формирования и развития организационного интеллекта в системе управления знаниями.

Выявлено, что детальному описанию понятия «организационный интеллект», несмотря на его пятидесятилетнюю историю, посвящено не так много научных трудов, особенно отечественных.

С учетом концепции интеллектуальной организации, а также исследований отечественных и зарубежных ученых раскрыто содержание и описаны характеристики понятия «организационный интеллект», дана их систематизация во временном аспекте, представлено авторское определение данной дефиниции, описаны методы формирования и развития организационного интеллекта в системе управления знаниями.

Дальнейшие исследования могут расширить понимание не только содержательного компонента организационного интеллекта в новых типах организаций, но и возможностей его применения как инструмента оценки в управлении знаниями.

Ключевые слова: управление знаниями, организационный интеллект, интеллектуальная организация.

Для цитирования: Антонова Н. Л., Ковылина Л. Л. Формирование и развитие организационного интеллекта в системе управления знаниями // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 8–16. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-8-16.

FORMATION AND DEVELOPMENT OF ORGANIZATIONAL INTELLIGENCE IN THE KNOWLEDGE MANAGEMENT SYSTEM

N. L. Antonova¹, L. L. Kovylyina^{1, 2✉}

¹ Surgut State University, Surgut, Russia

² ООО SurgutTransTorg, Surgut, Russia

✉ E-mail: tagan-i@mail.ru

The article is devoted to the consideration of the content of “organizational intelligence”, as well as to the methods to form and develop organizational intelligence in the system of knowledge management.

Although the concept “organizational intelligence” is known for 50 years, it has not been described in detail in many scientific works, especially in Russian studies.

With the concept of the intellectual organization, as well as studies of Russian and foreign scientists, the content and features of the concept “organizational intelligence” are described, their systematization is given in the time aspect, the author’s definition of the concept is presented, the methods to form and develop organizational intelligence in the knowledge management system are described.

The further research can expand the understanding of both the content component of the organizational intelligence in organizations of new types and its application as the tool for assessment in knowledge management.

Keywords: knowledge management, organizational intelligence, intellectual organization.

For citation: Antonova N. L., Kovylyina L. L. Formation and Development of Organizational Intelligence in the Knowledge Management System // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 8–16. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-8-16.

ВВЕДЕНИЕ

Условия, в которых приходится существовать современным организациям, представляют динамичную, сложную, неопределенную среду, предъявляющую высокие требования к содержательным элементам внутренней среды организации как живой сложной системы. В концепции интеллектуальной организации она представляется мыслящим организмом. Организация деятельности такой системы, главную роль в которой играют знания и интеллектуальные ресурсы, требует формирования специфических подходов к управлению и выработки инструментов «подвижного равновесия» во внешней среде. Подобным инструментом является организационный интеллект (далее – ОИ).

Целью исследования является определение содержания понятия «организационный интеллект» и выявление методов формирования и развития ОИ в системе управления знаниями.

Для достижения цели следует решить следующие задачи:

- провести анализ отечественной и зарубежной литературы, посвященной содержанию понятия «организационный интеллект»;
- дать авторское определение понятию «организационный интеллект»;
- определить формы и методы развития ОИ в системе управления знаниями.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объектом данного исследования является организационный интеллект в системе управления знаниями. В процессе исследовательской деятельности были изучены научные труды с применением общенаучных методов (анализ и синтез, индукция и дедукция). Для формирования умозаключений и выводов по достижению цели авторы опирались на современные значимые концепции в области общей теории управления, стратегического управления, управления знаниями, когнитивистики. Интеллект (от лат. *intellectus* – познание – понимание, рассудок) – способность мышления, рационального познания [1].

В определении содержания ОИ значимыми являются классические работы по управлению знаниями Карла Виига, Питера Друкера, Икуджиро Нонаки, Удо Б. Зандера, Брюса Когута, Хиротака Такеучи, Питера Сенге и др. Суть всех работ сводится к утверждению, что с переходом в постиндустриальное общество основным и наиболее важным конкурентным преимуществом становятся знания. Для их получения необходим механизм, обеспечивающий управление знаниями, поэтому будущее за новаторскими, динамично развивающимися организациями, у которых существует важный ресурс – интеллектуальный капитал. Согласно теории эволюции экономических и организационных основ бизнеса Р. Майзла создание и передача новых знаний есть результат социальных взаимодействий, и в эру инноваций самые разные формы внутри- и межфирменного сотрудничества оказываются той метаспособностью, благодаря которой на основе знаний генерируются инновации и из них извлекаются экономические выгоды [2]. Заключение Р. Майзла в исследовании является основанием для определения форм и методов развития ОИ.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Организационное знание как понятие обосновано и занимает важное место в теории управления знаниями, в процессе интеллектуальной деятельности оно становится интеллектуальным капиталом организации. Преобразованное знание, выраженное в инновациях, становится фактором развития. Важным свойством организационного знания является то, что оно входит в состав ОИ и поэтому оказывает влияние на его развитие и служит основанием для формирования и развития ключевых компетенций организации. Для детального рассмотрения содержания и характеристики ОИ проанализируем генезис и взаимосвязь данного понятия с современными концепциями теории управления; изучим, как исследователи определяют и интерпретируют данную дефиницию в управлении знаниями.

ОИ применяется в теории интеллектуальной организации, однако следует признать, что термин не исследуется как объект в отечественной теории управления знаниями. Содержательный аспект ОИ имеет тенденцию переосмысления в свете развития теории управления.

Концепция интеллектуальной организации подразумевает, что не только элементы организации, такие как персонал и менеджмент, но и сама организация – это особый мыслящий организм. Данная концепция является логическим развитием концепции обучающейся организации (The Thinking Organization – в 1990-х годах), поэтому в ее содержании присутствуют новейшие теории интеллектуального капитала, развития организационной культуры, сетевые формы организации, а главное – когнитивные способности при действиях со знаниями.

Концепция интеллектуального предприятия, основанная на знаниях и услугах, предложена Дж. Б. Куинном [3]. Ученый выделяет признаки «интеллектуализации» организации: быстрая адаптация к изменениям во внешней и внутренней среде, управление инновациями, диверсификация стратегий деятельности, структурные изменения, расширенное производство, управление интеллектуальным капиталом.

Тесную связь с ИО имеет и концепция «живой компании» (The Living Company), представленная в 1977 г. Анри де Гиусом [4]. Основной смысл ее содержания в том, что любая компания, как и любой живой организм, существует для собственного выживания и развития. Целью компании является реализация собственного потенциала и развития до максимально возможного состояния. Компании могут обучаться, потому что они являются живыми существами.

В зарубежных исследованиях понятие ОИ получило большее развитие и исследуется большим числом ученых. Так, следует отметить, что еще в 1967 г. Гарольд Л. Виленски [5] рассматривал ОИ как способность организации собирать информацию и извлекать из нее знания. Позднее Т. Мацуда [6] развил и дополнил концепцию. Подход автора интересен тем, что ОИ рассматривается с двух позиций: в динамике – процесс, в ко-

торый входят такие элементы ОИ, как познание, общение, решение проблем, память и обучение; в статике – процесс, отраженный в продукте как совокупность структурированной, синтезированной и целенаправленной информации. В свою очередь, В. Халал [7] сосредоточился на создании коэффициента ОИ для более глубокого измерения уровня интеллекта организации. Вопросу измерения ОИ также посвятил свою работу К. Альбрехт [8], он выделил семь измерений ОИ, которые формируют динамику организации.

Отечественные исследования ОИ представлены работами Б. З. Мильнера, который считает, что организационные знания составляют интеллект организации, основанный на информационных технологиях, технологиях принятия решений и скорости восприятия нововведений [9, с. 408]. Попытки дать определение и характеристики ОИ можно увидеть в статье Р. Ш. Закирова, который определяет ОИ как объединение интеллектов сотрудников и формализованных знаний [10]. В свою очередь, Г. Н. Степанова и Е. Ю. Мастерова считают, что если интеллект построен на получении информации, способности к рассуждению и скорости понимания, то ОИ находится в зависимости от способности к извлечению, манипулированию, анализу, интерпретации информации для построения умозаключений, а также от способности к обучению и генерированию новых знаний [11]. С позиций синергетики и теории систем С. М. Авдошин и В. Б. Тарасов [12] выделяют такие показатели ОИ, как совокупный опыт предприятия, системная единица предприятия, структура предприятия, связи, поведение предприятия, развитие предприятия, управление, компьютерные технологии, история и культура предприятия. Авторы считают, что именно ОИ выполняет функцию балансира между гибкостью и равновесием в поведении организации. Достигается данный баланс, с одной стороны, постоянной «структурной самореорганизацией» в динамичной среде, а с другой – преобразованием и формированием благоприятного окружения.

Определения и характеристики понятия ОИ, приводимые различными авторами, представлены в табл. 1.

Таблица 1

Содержание понятия «организационный интеллект»

№	Автор	Год	Определение и характеристика ОИ
Зарубежные авторы			
1	H. Wilensky [5]	1967	Включает комбинацию сбора, обработки и передачи информации, используемой в процессе принятия решений в любой среде
2	T. Matsuda [6]	1992	Интеллектуальная рабочая сила организации, решающая способность организации. Состоит из совокупности информации, опыта, знаний и понимания, объединяет существующий человеческий и машинный интеллект организации
3	M. McMaster [13]	1996	Способность организации к сбору информации, инновациям и генерации знаний, а также эффективные действия, основанные на накопленных знаниях
4	W. Halal [7]	1998	Способность компании создавать знания с целью стратегической адаптации в данной среде. Измеряется коэффициентом интеллекта (IQ), рассчитанным по организационным возможностям в перспективе, названным коэффициентом организационного интеллекта (OIQ)
5	J. Liebowitz [14]	2000	Совокупность всех возможных способностей организации, применяемых для поощрения организационного обучения
6	K. Albrecht [8]	2002	Способность организации любого типа активировать общую интеллектуальную мощь и сосредоточить ее на выполнении миссии. Определение включает следующие измерения: стратегическое видение, общая судьба, стремление к переменам, сопереживание, согласованность, разрывывание знаний, влияние на производительность
7	M. Yolles [15]	2005	Расширение идей, знаний, которые являются центром операций. Включает в себя субъекты (множественные или одиночные), которые различают, ассоциируют, применяют и адаптируют культурные знания, основанные на интеллекте, для идентификации этих знаний в определенной среде. Связывает теорию ОИ с организацией и отдельными лицами
Отечественные авторы			
8	С. М. Авдошин, В. Б. Тарасов [12]	2006	Ключевое свойство интеллекта как сложной, динамической, открытой системы – способность к обучению и самообучению
9	В. В. Зябриков [16]	2007	«Живая компания» обладает интеллектом, он (по аналогии с человеком) необходим для адаптации к изменяющейся внешней среде. При этом имеется в виду, что это не сумма интеллекта персонала, но свойство организации как системы
10	Р. Ш. Закиров [10]	2008	Специфическое объединение интеллектов всех сотрудников в виде человеческого капитала и формализованных знаний в виде структурного капитала
11	Б. З. Мильнер [9]	2010	Интеллект организации основан на информационных технологиях, технологиях принятия решений и скорости восприятия нововведений
12	Г. Н. Степанова, Е. Ю. Мастерова [11]	2011	Цель интеллекта организации заключается в развитии способностей, которые добавляют новую ценность производимому продукту с точки зрения потребителя

Примечание: составлено авторами по [5–16].

После серии теоретических изысканий в последующие годы ученые начинают активно применять ОИ как индикатор успешности компаний, продолжаются попытки определить взаимосвязь ОИ с показателями деятельности организации.

В зарубежных исследованиях выявлено влияние ОИ на производительность труда. Например, I. Simic [17] доказал, что организации, обладающие более высоким органи-

зационным интеллектом, превосходят другие организации в области понимания проблем и повышения производительности.

В условиях глобальных потрясений, когда среда становится нестабильной, неопределенной, сложной, неоднозначной (VUCA), для каждой организации важными характеристиками являются гибкость, ясность, понимание и видение перспектив согласно модели VUCA Prime Боба Йохансена.

В оригинальной статье группы ученых из Ирана [18] проведено эмпирическое исследование влияния ОИ на организационную гибкость, а также опосредующей роли организационного обучения. Результаты показали, что организационное обучение действует как посредник в отношениях организационного интеллекта и организационной гибкости. Сегодня появляются исследования в области организационного культурного интеллекта, который рассматривается как способность фирмы эффективно функционировать в сложном и непредсказуемом многокультурном мире [19], что требует определения соотношения и взаимосвязи с ОИ.

Для определения понятия ОИ важным является свойство эмерджентности систем (системный эффект). Организации представляют собой системы, обладающие этим свойством. Эмерджентность в теории систем является свойством больших систем. Это свойство возникает при существовании определенных связей между элементами системы, которые не сводятся к свойствам элементов ее составляющих. Свойство эмерджентности определяется представлением, что система – нечто большее, а возможно, качественно отличное от суммы ее элементов. При этом система может обладать новыми свойствами, не присущими ее подсистемам [20]. Организационное знание, на наш взгляд, является, с одной стороны, производным от деятельности ОИ, а с другой – первопричиной создания ключевых компетенций.

Организационный интеллект – это способность интеллектуальной организации как организованной, сложной, динамичной системы производить организационное знание, самообучаться и формировать ключевые компетенции для непрерывного развития. В результате действия системы взаимосвязанных элементов коллективного интеллекта, усиленного информационно-коммуникационными технологиями, получается новое качественное образование – организационный интеллект, который обусловлен свойством эмерджентности организации как системы.

Исследовав содержание понятия «организационный интеллект» в системе управления знаниями, перейдем к выявлению методов формирования и развития ОИ.

В интеллектуальной организации процесс управления, направленный на ОИ, в первую очередь основывается на правилах, нормах, ценностях, которые будут формироваться в интеллектуальной культуре. Так, Р. Хант выделил следующие элементы, необходимые для возникновения и развития интеллектуальной культуры организации: формирование среды, направленной на развитие индивида, интеллектуальное развитие проектной группы и развитие стремления к победе [21]. В системе управления знаниями изменение организационной стратегии взаимосвязано с процессами преобразования в организационной культуре. Большая часть знаний в современных организациях находится в головах у людей, которые трудно поддаются формализации (в неявном виде), поэтому необходимо создание условий развития организации через организационную культуру и неформальные коммуникации, коллективные методы принятия решений и развитие персонала, так как это способствует развитию ОИ.

Важными составляющими развития ОИ являются осознание персоналом смысла существования компании, развитие толерантности, творчества, самореализации, сопричастности.

Для формирования и развития ОИ в условиях хаотичной, быстро меняющейся ситуации, когда изменения не поддаются прогнозам, от лидеров компании требуются усилия по выработке системного мышления персонала, заключающегося в создании целостной, объективной картины процессов, закономерностей и явлений, которые действуют в организации. Системное мышление с привлечением неявных знаний и интуиции основано как на дедуктивном, так и на индуктивном мышлении. Развитие стратегического мышления персонала также является необходимым условием для ОИ. Оно позволяет видеть перспективы, обеспечивать возможность изменений, что отражает динамические способности организации. Кроме выше предложенных методов, считаем актуальными и обоснованными методы, предлагаемые различными исследователями: развитие креативности, выявление, привлечение и удержание талантливых сотрудников, усиление

интеллекта персонала посредством информационно-коммуникационных технологий, сетевое взаимодействие и командная органи-

зация труда. Представим данные методы и их характеристики в табл. 2.

Таблица 2

**Характеристики методов развития организационного интеллекта
в парадигме управления знаниями**

Метод	Характеристика
Развитие креативности	Творчество как генерация идей. Первый шаг к инновациям. Приоритетами в развитии следует считать восприимчивость к новым идеям, оригинальность взглядов, любознательность, открытость, упорство, концентрацию на сущности проблемы. Формирование и развитие через приверженность целям компании, мотивацию, организационную культуру
Выявление, привлечение и удержание талантливых сотрудников	Талантливые сотрудники как экономический ресурс и успех организации, генераторы знаний. Управление талантами: поиск, привлечение, удержание, возвращение талантов, преемственность. Формирование и развитие через создание условий для самореализации, развитие компетенций, новаторство
Усиление интеллекта персонала посредством информационно-коммуникационных технологий	Органическое взаимодействие и развитие персонала с помощью информационно-коммуникационных технологий. Возможности самообучения и саморазвития, оперативность коммуникаций, увеличение интеллектуальной мощи, инновационного развития компании
Сетевое взаимодействие	Рабочие группы как нервные клетки; для их жизнеспособности необходимо обеспечить их ресурсами и информацией, а для управления обучением – умело влиять на коммуникации и ротацию. Развитие сетей с помощью общих ценностей, норм, идентичности, формирование доверия, управление информацией
Командная организация труда	Команда как автономный элемент системы. Развитие через интеллектуальное общение (дискуссии, конференции), общие цели, коллективную ответственность, удовлетворенность, самоуправление

Примечание: составлено авторами по [11, 22–24].

Организационная культура является необходимым инструментом для формирования ОИ и рассматривается нами как незаменимый инструмент, который может сформировать оптимальные условия для развития компании. С другой стороны, она также является частью организационного знания. В ситуации сложных для всего человечества трансформаций организационная культура является стабилизирующим, центрирующим и создающим ценности элементом организации, особенно в условиях пандемии, когда культура пластична и текуча на уровне наблюдения, но ее этико-смысловые коды базового уровня остаются неизменными [25].

Обучающиеся и интеллектуальные компании являются наиболее развитыми формами организации деятельности, поэтому формирование и развитие ОИ в них следует основывать на формировании интеллектуальной

культуры, инновационной среды, а также на непрерывном обучении и развитии.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Организационный интеллект как новое понятие зародился в трудах зарубежных исследователей-экономистов более 50 лет назад. Новый раздел в управленческой мысли – управление знаниями – появился в связи с переходом развитых стран к инновационной экономике, главную роль в которой играют интеллектуальные ресурсы. Данный термин развивался в теориях управления знаниями. В частности, в теориях обучающейся и интеллектуальной организации, «живой компании» происходит накопление смысловой и атрибутивной составляющей ОИ. В зарубежных исследованиях данный термин находит большее применение, чем в отечественных исследованиях. Мы считаем, что ОИ обусловлен свой-

ствами эмерджентности организации как системы. ОИ является качественным образованием системы взаимосвязанных элементов коллективного интеллекта, усиленного информационно-коммуникационными технологиями. Использование ОИ в диагностике организаций для оценки потенциала в условиях управления знаниями, экологической конку-

рентности, уровня адаптации организации к сложным условиям внешней среды представляет перспективу его использования в методологии управления. Для развития организационного интеллекта даны характеристики методов, которые будут способствовать «подвижному равновесию» организации во внешней среде.

ЛИТЕРАТУРА

1. Большой энциклопедический словарь / ред. А. М. Прохоров. 2-е изд., перераб. и доп. М. : Большая Рос.Энцикл. ; СПб. : Норинт, 1998. 1434 с.
2. Miles R. E., Snow C. C., Miles G. TheFuture.org // Long Range Plann. 2000. Vol. 33, Is. 3. P. 300–321.
3. Quinn J. B. The Intelligent Enterprise a New Paradigm // AMP. 1992. Vol. 6, No. 4. P. 48–63. DOI 10.5465/ame.1992.4274474.
4. Ари де Гиус. Живая компания. Рост, научение и долгожительство в деловой среде. СПб. : Стокгольмская школа экономики в Санкт-Петербурге, 2004. 224 с.
5. Wilensky H. L. Organizational Intelligence: Knowledge and Policy in Government and Industry. New York : Basic Books, 1967. 226 p.
6. Matsuda T. Organizational Intelligence: Its Significance as a Process and as a Product // Proceedings of the International Conference on Economics, Management and Information Technology, 1992. Tokyo, Japan, August 31 – September 4, 1992. P. 219–222.
7. Halal W. Organizational Intelligence. What Is It, and How Do Managers Use It to Improve Performance? // Knowledge Management Review. 2006. Vol. 1. P. 20–25.
8. Albrecht K. The Power of Minds at Work – Organizational Intelligence in Action. New York : AMACOM, 2002. 240 p.
9. Мильнер Б. З., Маевский В. И., Сильвестров С. Н. и др. Инновационное развитие: экономика, интеллектуальные ресурсы, управление знаниями / под общ. ред. д-ра экон. наук, проф. Б. З. Мильнера. М. : ИНФРА-М, 2009. 624 с.
10. Закиров Р. Ш. Организационный интеллект предпринимательства // Путеводитель предпринимателя. 2008. № 1. С. 125–134.
11. Степанова Г. Н., Мастерова Е. Ю. Интеллектуальная организация: принципы построения и функционирования в экономике знаний XXI века // Изв. высш. учеб. заведений. Проблемы полиграфии и издат. дела. 2011. № 5. С. 181–191.
12. Авдошин С. М., Тарасов В. Б. Синергетические организации в экономике XXI-го века // Изв. АИН им. А. М. Прохорова. Бизнес-информатика. 2006. Т. 17. С. 155–163.
13. McMaster M. The Intelligence Advantage: Organizing for Complexity. Boston : Butterworth-Heinemann, 1996. 246 p.

REFERENCES

1. Bolshoi entsiklopedicheskii slovar / Ed. A. M. Prokhorov. 2nd ed., Rev. ed. Moscow : Bolshaia Ros. Entsikl. ; St. Petersburg : Norint, 1998. 1434 p. (In Russian).
2. Miles R. E., Snow C. C., Miles G. TheFuture.org // Long Range Plann. 2000. Vol. 33, Is. 3. P. 300–321.
3. Quinn J. B. The Intelligent Enterprise a New Paradigm // AMP. 1992. Vol. 6, No. 4. P. 48–63. DOI 10.5465/ame.1992.4274474.
4. Arie de Geus The Living Company: Growth, Learning and Longevity in Business. St. Petersburg : Stockholm School of Economics in St. Petersburg, 2004. 224 p. (In Russian).
5. Wilensky H. L. Organizational Intelligence: Knowledge and Policy in Government and Industry. New York : Basic Books, 1967. 226 p.
6. Matsuda T. Organizational Intelligence: Its Significance as a Process and as a Product // Proceedings of the International Conference on Economics, Management and Information Technology, 1992. Tokyo, Japan, August 31 – September 4, 1992. P. 219–222.
7. Halal W. Organizational Intelligence. What Is It, and How Do Managers Use It to Improve Performance? // Knowledge Management Review. 2006. Vol. 1. P. 20–25.
8. Albrecht K. The Power of Minds at Work – Organizational Intelligence in Action. New York : AMACOM, 2002. 240 p.
9. Milner B. Z., Maevsky V. I., Silvestrov S. N. et al. Innovatsionnoe razvitiie: ekonomika, intellektualnye resursy, upravlenie znaniiami / Ed. Doctor of Sciences (Economics), Professor B. Z. Milner. Moscow : INFRA-M, 2009. 624 p. (In Russian).
10. Zakirov R. Sh. Organizatsionnyi intellect predprinimatelstva // Putevoditel predprinimatelia. 2008. No. 1. P. 125–134. (In Russian).
11. Stepanova G. N., Masterova E. Yu. Intellektualnaia organizatsiia: printsipy postroeniia i funktsionirovaniia v ekonomike znaniia XXI veka // Izv. vyssh. ucheb. zavedenii. Problemy poligrafii i izdat. dela. 2011. No. 5. P. 181–191. (In Russian).
12. Avdoshin S. M., Tarasov V. B. Sinergeticheskie organizatsii v ekonomike XXI-go veka // Izv. AIN im. A. M. Prokhorova. Biznes-informatika. 2006. Vol. 17. P. 155–163. (In Russian).
13. McMaster M. The Intelligence Advantage: Organizing for Complexity. Boston : Butterworth-Heinemann, 1996. 246 p.

14. Liebowitz J. Building Organizational Intelligence: A Knowledge Management Primer. CRC Press, 2000. 156 p.
15. Yolles M. Organisational Intelligence // Journal of Workplace Learning. 2005. Vol. 17, No. 1–2. P. 99–114.
16. Зябриков В. В Концепция интеллектуальной организации // Проблемы современ. экономики. 2007. № 3 (23). С. 46–52.
17. Simic I. Organizational Learning as a Component of Organizational Intelligence // Manage Inf & Mark Aspect of the Econ Devel of the Balkan Count. 2005. P. 189–196.
18. Bahramia M. A., Kianib M. M., Montazeralfaraja R., Zadeh H. F., Zadeh M. M. The Mediating Role of Organizational Learning in the Relationship of Organizational Intelligence and Organizational Agility // Osong Public Health Res Perspect. 2016. Vol. 7, Is. 3. P. 190–196.
19. Livermore D., Dyne L. V., Ang S. Organizational CQ: Cultural intelligence (CQ) for 21st Century Organizations // Business Horizons. 2021. DOI 10.1016/j.bushor.2021.11.001.
20. Розанов Ф. И. Феномен эмерджентности и проблема описания социальных макросистем в теории социального обмена // Тр. Братск. гос. ун-та: Сер. Гуманитар. и социал. проблемы развития регионов. Братск : ГОУ ВПО «БрГУ», 2007. С. 251–254.
21. Хант Р., Базан Т. Как создать Интеллектуальную организацию. М., 2002. 230 с.
22. Семина А. П. Команда как групповая форма организации труда // Вестн. Алтайск. Акад. экономики и права. 2019. № 12–1. С. 128–133.
23. Жукова Ю. М., Черняев С. И. Некоторые аспекты управления знаниями и интеллектуальным капиталом в вузе // Фундаментал. исслед. 2016. № 5–1. С. 123–130.
24. Абдикеев Н. М., Богачев Ю. С., Октябрьский А. М. Сетевые организационные структуры производства высокотехнологичной продукции как инструмент технологического прорыва в России // Экономич. наука современ. России. 2019. № 3 (86). С. 91–103. DOI 10.33293/1609-1442-2019-3(86)-91-103.
25. Аксеновская Л. Н. Пандемия: трансформация организационной культуры и ее этико-смысловых кодов. URL: <https://www.sgu.ru/conference/organizacionnaya-psihologiya-lyudi-i-riski-3/pandemiya-transformaciya-organizacionnoy-kultury-i-ee> (дата обращения: 09.11.2021).
14. Liebowitz J. Building Organizational Intelligence: A Knowledge Management Primer. CRC Press, 2000. 156 p.
15. Yolles M. Organisational Intelligence // Journal of Workplace Learning. 2005. Vol. 17, No. 1–2. P. 99–114.
16. Zyabrikov V. V. Kontseptsiiia intellektualnoi organizatsii // Problemy sovremen. ekonomiki. 2007. No. 3 (23). P. 46–52. (In Russian).
17. Simic I. Organizational Learning as a Component of Organizational Intelligence // Manage Inf & Mark Aspect of the Econ Devel of the Balkan Count. 2005. P. 189–196.
18. Bahramia M. A., Kianib M. M., Montazeralfaraja R., Zadeh H. F., Zadeh M. M. The Mediating Role of Organizational Learning in the Relationship of Organizational Intelligence and Organizational Agility // Osong Public Health Res Perspect. 2016. Vol. 7, Is. 3. P. 190–196.
19. Livermore D., Dyne L. V., Ang S. Organizational CQ: Cultural intelligence (CQ) for 21st Century Organizations // Business Horizons. 2021. DOI 10.1016/j.bushor.2021.11.001.
20. Rozanov F. I. Fenomen emerdzhentnosti i problema opisaniia sotsialnykh makrosistem v teorii sotsialnogo obmena // Tr. Bratsk. gos. un-ta: Ser. Gumanitar. i sotsial. problemy razvitiia regionov. Bratsk : GOU VPO “BrGU”, 2007. P. 251–254. (In Russian).
21. Khant R., Bazan T. Kak sozdat Intellektualnuu organizatsiiu. Moscow, 2002. 230 p. (In Russian).
22. Semina A. P. Team as a Collective Form of Labor Organization // Vestn. Altaisk. Akad. ekonomiki i prava. 2019. No. 12–1. P. 128–133. (In Russian).
23. Zhukova Yu. M., Chernyaev S. I. Some Aspects of Management of Knowledge and the Intellectual Capital in Higher Education Institution // Fundamental Research. 2016. No. 5–1. P. 123–130. (In Russian).
24. Abdikeev N. M., Bogachev Yu. S., Oktyabrsky A. M. Network Organizational Structures of Production of High-Tech Products as a Tool of Technological Breakthrough in Russia // Economics of Contemporary Russia. 2019. No. 3 (86). P. 91–103. DOI 10.33293/1609-1442-2019-3(86)-91-103. (In Russian).
25. Aksenovskaya L. N. The Pandemic: Transformation of Organizational Culture and Its Ethical and Sensing Codes. URL: <https://www.sgu.ru/conference/organizacionnaya-psihologiya-lyudi-i-riski-3/pandemiya-transformaciya-organizacionnoy-kultury-i-ee> (accessed: 09.11.2021). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Антонова Надежда Леонидовна – кандидат экономических наук, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

E-mail: antonova.surgu@mail.ru

Ковылина Лидия Леонидовна – аспирант, Сургутский государственный университет; заместитель директора, ООО «СургутТрансТорг», Сургут, Россия.

E-mail: tagan-i@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Nadezhda L. Antonova – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Management and Business, Surgut State University, Surgut, Russia.

E-mail: antonova.surgu@mail.ru

Lidiya L. Kovylyina – Postgraduate, Surgut State University; Deputy Director, ООО SurgutTransTorg, Surgut, Russia.

E-mail: tagan-i@mail.ru

УДК 33:004

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-17-27

ВЕРОЯТНОСТЬ КОМПЬЮТЕРИЗАЦИИ ПРОФЕССИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА ЗАРАБОТКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ РЫНКА ТРУДА

В. Н. Васина[✉], Н. Р. Кельчевская, И. С. Пельмская

*Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина,
Екатеринбург, Россия*

[✉]E-mail: v.n.vasina@urfu.ru

Исследование нацелено на проверку гипотез о влиянии цифровизации на рынок труда в России в период с 2003 по 2018 г. Авторы изучают два ключевых фактора трансформации рынка труда в условиях цифровизации, связанных с повышением вероятности компьютеризации для ряда рутинных профессий и цифровой поляризацией.

Методы исследования включают линейный регрессионный анализ с применением моделей по типу Минсера, в которых зависимой переменной является логарифм заработков.

Научная новизна заключается в том, что в отличие от предыдущих исследований в модель была добавлена переменная, отражающая вероятность компьютеризации профессии. Также авторы впервые представляют свидетельства цифровой поляризации рынка труда в России. Подобная поляризация отражается в одновременном увеличении числа профессий, с большей вероятностью подверженных компьютеризации, также как и профессий, базирующихся на комплексных, абстрактных, нерутинных задачах, которые не могут быть полностью компьютеризированы.

Результаты исследования демонстрируют значимое отрицательное влияние вероятности компьютеризации профессий на заработки на протяжении всего исследованного периода. Показанные эффекты цифровой поляризации говорят о существенном разрыве в большинстве профессий по уровню вероятности компьютеризации, что может стать проблемой для структурной трансформации национального рынка труда.

Результаты исследования могут быть применены на практике для мониторинга профессий, находящихся под угрозой цифровой автоматизации на российском рынке труда, а также для обоснования дополнительных инвестиций в человеческий капитал.

Ключевые слова: цифровизация, рынок труда, трансформация, поляризация, вероятность компьютеризации, дифференциация заработков, Россия.

Для цитирования: Васина В. Н., Кельчевская Н. Р., Пельмская И. С. Вероятность компьютеризации профессии и ее влияние на заработки в условиях цифровизации рынка труда // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 17–27. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-17-27.

PROFESSION COMPUTERIZATION: ITS PROBABILITY AND EFFECT ON EARNINGS IN FACE OF LABOR MARKET DIGITALIZATION

V. N. Vasina[✉], N. R. Kelchevskaya, I. S. Pelymskaya

*Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin,
Yekaterinburg, Russia*

[✉]E-mail: v.n.vasina@urfu.ru

The study aims to test the hypotheses about the effect of digitalization on the labor market in Russia for the period of 2003–2018. The authors analyze the two key factors for labor market transformation in face of the digitalization associated with the increasing probability of computerization for a number of routine professions and digital polarization.

The research methods are the following: linear regression analysis using Mincer-type models, in which logarithm of earnings is dependent variable.

In comparison with previous researches, the scientific novelty of the study is variable added to the model that reflects the probability of computerization of profession. In addition to that, the authors present for the first time the evidence of digital polarization of the labor market in Russia. Such polarization is reflected in simultaneous increase in the number of professions, which are more influenced by computeriza-

tion, and professions, which are based on the complex, abstract, non-routine objectives that cannot be fully computerized.

The results of the study demonstrate the significant negative effect of the probability of computerization of professions on the earnings during the whole period of the study. The shown effects of digital polarization indicate about the significant gap between the level of computerization probability in the majority of professions that can become the problem for structural transformation of the national labor market.

The results of the study can be applied in practical use for monitoring of professions that are under the threat of digital automatization in the Russian labor market, as well as for substantiation of additional investments in the human capital.

Keywords: digitalization, labor market, transformation, polarization, probability of computerization, differentiation of earnings, Russia.

For citation: Vasina V. N., Kelchevskaya N. R., Pelymskaya I. S. Profession Computerization: Its Probability and Effect on Earnings in Face of Labor Market Digitalization // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 17–27. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-17-27.

ВВЕДЕНИЕ

Распространение цифровых технологий, с одной стороны, обуславливает возможности на рынке труда для повышения индивидуальных доходов работников, с другой – приводит к существенным структурным переменам. Накопленный запас компетенций, необходимых для конкуренции на рынке труда, реализуется в человеческом капитале, который является существенной переменной для изучения в условиях цифровизации [1]. Человеческий капитал становится важным фактором, определяющим различия в заработках в условиях интенсивных технологических изменений.

Изменения в отдаче от человеческого капитала, в свою очередь, отражают риск безработицы [2]. Несмотря на то что концепция технологической безработицы не является новой, на российском рынке труда наблюдаются беспрецедентные по масштабу интервенции компьютерных технологий в профессиональные сферы, которые сильно зависят от преимущественно «человеческих» способностей. Уязвимые области включают интеллектуальные операции с неструктурированными данными, адаптацию к изменениям и обучение, решение абстрактных задач [2].

Предполагается, что отечественная экономика развивается в соответствии с глобальными тенденциями цифровизации, поскольку снижение технологического отставания [3] и внедрение прикладной цифровизации на основе Индустрии 4.0 становятся важными вехами для региональной и национальной политики [4]. Значимой идеей циф-

ровой модернизации в России является реализация широкого спектра проектов, направленных на использование местных разработок для развития инфраструктуры и человеческого капитала [1]. Цифровизация, несомненно, затронула российский рынок труда, обеспечив формирование преимуществ для ряда профессий и рабочих мест, а также повысив ценность отдельных навыков. Например, владение продвинутыми цифровыми компетенциями в 2016 г. обеспечивало существенный выигрыш в заработках на уровне 14–22 % для большинства сфер деятельности [5, с. 479]. Напротив, исследователь Л. Матраева и соавт. показывают, что скорость технологических изменений приводит к институциональным ловушкам, значительно снижающим выгоды работников на российском рынке труда, которые связаны с отсутствием необходимой квалификации, дисбалансом спроса на рабочую силу и последующей структурной безработицей среди рутинных интеллектуальных профессий [6]. Все это говорит о неоднозначности влияния цифровизации на национальную экономику и одновременном возникновении как возможностей, так и угроз для национального рынка труда.

Целью исследования является проверка гипотез о влиянии цифровизации на рынок труда в России в долгосрочной перспективе в период с 2003 по 2018 г. Авторы изучают два ключевых фактора трансформации рынка труда в условиях цифровизации: повышение вероятности компьютеризации для ряда рутинных профессий и цифровую поляризацию.

Особенностью исследования является рассмотрение влияния цифровизации за относительно продолжительный период. Безусловно, это важный начальный этап компьютеризации, трансформирующий бизнес-среду и национальный рынок труда.

Цифровизация профессии, дифференциация заработков и поляризация рынка труда. Значительная часть существующих исследователей при анализе влияния цифровизации на рынок труда использует агрегированные данные и акцентирует внимание на проблемах трансформации и сохранения рабочих мест [6, 7], структуре профессиональной занятости [8]; значительно меньше публикаций в сфере использования индивидуального человеческого капитала в цифровой экономике [5]. Поэтому данная работа фокусируется на исследовании индивидуальных аспектов, а именно дифференциации заработных плат работников.

Компьютеризация и цифровизация используются в литературе как дополняющие или даже заменяющие друг друга термины. По сути, это автоматизация рабочих мест с помощью контролируемого компьютера оборудования, которая приводит к вытеснению низкопроизводительного труда [8]. Информационные и компьютерные технологии (ИИКТ) становятся инструментом для совершенствования бизнес-процессов в компаниях и формирования индивидуальных траекторий развития профессий. Так, М. Маттес и С. Канкель отмечают, что в отличие от предыдущих технологических революций цифровизация напрямую обеспечивает индивидуализированное развитие профессиональных компетенций [9]. Компании также получают возможность напрямую «присваивать» простые интеллектуальные навыки сотрудников через «обучение» искусственного интеллекта, который имеет форму структурного капитала. Цифровая среда становится посредником или платформой, которая обеспечивает удаленное размещение человеческого капитала и создает условия для выравнивания конкурентоспособности национальных рынков труда [10].

Между тем, когда стоимость вычислительных мощностей ИИКТ снижается до уровня совокупных затрат на содержание рабочей

силы, происходит непосредственное замещение рутинных интеллектуальных операций. Как отмечают К. Фрей и М. Осборн, стоимость высокоточных роботов с возможностями машинного зрения снижалась с 2013 г. по меньшей мере на 10 % ежегодно [11, с. 261], делая инвестиции в физический капитал более привлекательными, чем в человеческий [12]. Изменения в склонности внедрять цифровизацию под влиянием экономических факторов приводят к *поляризации рынка труда*, которая заключается в существенном сокращении числа профессий среднего звена. Одновременно растет количество высококвалифицированных и низкоквалифицированных профессий [13]. Таким образом, высокая скорость технологических изменений в краткосрочном периоде может сказаться на существенной потере индивидуальных заработков на рынке труда. Вызванные поляризацией структурные трансформации рынка труда приводят к усилению неравенства в распределении доходов и в определенных условиях могут привести к росту социальной напряженности.

Согласно теории экономического развития «O-ring» [14, с. 6] технологические улучшения производительности в действительности повышают ценность всей производственной цепочки и набора задействованных в ней комплементарных навыков, именно поэтому в работе организаций всегда присутствует неслучайный подбор факторов капитала и рабочей силы, а люди с одинаковым уровнем навыков работают вместе. Подобная модель касается, на наш взгляд, и современной цифровизации, поскольку вытеснение навыков в одном профессиональном звене создает угрозу для всей логики создания ценности во всей производственной цепочке. Например, исследование К. Фрей и М. Осборн демонстрирует, что порядка 50 % населения США занято в профессиях, связанных с логистикой и транспортом, офисной административной работой. С высокой долей вероятности эти профессии подвергнутся компьютеризации в ближайшие 10–15 лет [11]. Это означает, что перестройка рынка труда, влекущая за собой разрушительные последствия для уже накопленного человеческого капитала, займет достаточно

длительное время. Подавляющая часть новых технологий в цифровой среде направлена на то, чтобы сократить объем привлекаемой рабочей силы. Вследствие этого конечное перераспределение усилий работников при компьютеризации отражается в высвобождении времени рутинной интеллектуальной работы и лучшем использовании профессиональных компетенций более высокого уровня, требующих креативности, решения неструктурированных задач, умения убеждать. Следовательно, выдвигаем гипотезу:

Н1. Повышение вероятности компьютеризации профессии и замещения низкопроизводительного труда вследствие цифровизации значимо положительно влияет на заработную плату работников.

Влияние цифровизации формальных профессиональных компетенций на дифференциацию заработков. Цифровая среда создает серьезные предпосылки для упрощения задач, их структурирования, формируя частные области профессиональных компетенций, которые не требуют глубокого понимания всего вопроса в целом. С одной стороны, профессиональное сообщество зачастую выражает обеспокоенность подобной *фрагментацией*: по сути, «цифровые фабрики», или «виртуальный тейлоризм» [15, с. 290], в сервисном секторе могут систематически эксплуатировать узкий ряд компетенций сотрудников и не предоставлять возможности для развития человеческого капитала, ограничивая также карьерное продвижение [16, с. 130]. С другой стороны, цифровизация упрощает процесс обучения на работе и повышает релевантность целенаправленного формального обучения по узкому кругу вопросов. Например, технологии искусственного интеллекта «рафинируют» и кристаллизуют информацию и превращают ее в знание. Обработывая текстовые данные, можно получить определения терминов, ссылки на практические решения и рекомендации и т. п. Это сокращает время на поиск и повышает вовлеченность. Кроме того, общее влияние цифровизации на развитие человеческого капитала отражается в *индивидуализации образовательных стратегий*. Индивидуализированные образовательные траектории внедряются в консервативную среду третичного об-

разования, обеспечивая удаленный доступ к лучшим учебным курсам, позволяя создавать их комбинацию и повышать уникальность полученного образования.

Формальное образование продолжает оставаться важной характеристикой общего запаса человеческого капитала на индивидуальном уровне даже в цифровой экономике. Работодатели при этом предполагают наличие у сотрудников не только фрагментированного «практического» знания, но и системных индивидуальных компетенций. В общем случае мы предполагаем, что профессии, которые подвержены компьютеризации в большей степени, должны приносить работникам выигрыш в заработках, поэтому получение релевантного, индивидуализированного формального обучения также становится важной предпосылкой для дифференциации заработных плат, если специальность формального обучения относится к области не заменяемых цифровизацией навыков. Следовательно, можно выдвинуть гипотезу:

Н2. Повышение вероятности компьютеризации в области полученного профессионального образования значимо положительно влияет на заработную плату работников.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Для проверки выдвинутых гипотез применяется метод множественной линейной регрессии, в основе используемых моделей лежит модифицированное уравнение минсеровского типа.

В качестве *зависимой переменной* используется показатель натурального логарифма годовой заработной платы, выраженной в рублях (*wage_year*). Соответственно, значимая положительная связь переменных будет говорить о формировании возможностей на рынке труда при использовании индивидуального человеческого капитала, а отрицательная – о наличии угроз, выраженных в прямых потерях индивидуальных заработков.

В качестве *контрольных независимых переменных* используется ряд показателей, которые, как мы полагаем, будут пригодны для проверки выдвинутых ранее гипотез. Для оценки общего человеческого капитала использовали показатель накопленных лет формального обучения в годах (*edu_imp*), для

оценки производственного опыта (*expir*) – показатель общего трудового стажа, а для специального опыта (*expir_sp*) – количество лет занятости по последнему месту работы. Также были рассчитаны дамми-переменные, связанные с полом (*male*), наличием подчиненных сотрудников на работе (*boss*) и государственной собственностью предприятия (*gov_prop*). Ожидается, что все контрольные переменные, кроме наличия государственной собственности, вносят значимый положительный вклад в формирование заработков.

Для репрезентативной выборки был рассчитан ряд независимых переменных, связанных с вероятностью компьютеризации рабочей профессии (*digit_prob_prof*) и профессии по полученному диплому третичного образования (*digit_prob_edu_3*), которые относятся к коду ISCO-08 в исходной базе. Вероятность компьютеризации отражает ожидание полного вытеснения цифровыми технологиями рабочей силы и соответствующего человеческого капитала из конкретной профессии в соответствии с ее кодом. Данный показатель был адаптирован из работы К. Фрей и М. Осборн [11], он учитывает узкие места компьютеризации, такие как социальный интеллект, креативность, восприятие и манипулирование.

Эмпирической базой исследования являются данные Российского мониторинга экономического положения и здоровья населения (РМЭЗ НИУ ВШЭ) [17] и данные Росстата [18]. Всего в репрезентативной выборке использованы данные 105 770 наблюдений за 16 лет (период с 2003 по 2018 г.) по всем федеральным округам России, включая города федерального значения – Москву и Санкт-Петербург. В дальнейшем приводятся оцененные коэффициенты регрессии из уравнений для трех лет: 2003, 2011 и 2018 г.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Описательные статистики для исследуемой репрезентативной выборки представлены в табл. 1. Анализ показывает в рассмотренный период профессии, интенсивно использующие компьютерные и информационные технологии: это специалисты в области информации и связи, финансовой, профессиональной технической и научной деятельности, государственного управления и социального обеспечения, стабильно ассоциированные с преимуществами в заработках. Вероятно, это связано с интенсивностью развития, уровнем конкуренции и степенью использования человеческого капитала в данных сферах.

Таблица 1

Описательные статистики по исследованным переменным

Код переменной и метка	Профессии ИИКТ (2003)		Другие профессии (2003)		Профессии ИИКТ (2011)	
	Mean	S.D.	Mean	S.D.	Mean	S.D.
wage_year, логарифм годовой зарплаты в рублях	10,86	0,91	10,53	0,94	12,24	0,77
male, дамми, пол мужской = 1	0,4	0,49	0,48	0,5	0,41	0,49
boss, дамми, управленческие компетенции = 1	0,38	0,49	0,16	0,37	0,35	0,48
gov_prop, дамми, государственная собственность = 1	0,59	0,49	0,61	0,49	0,42	0,49
edu_imp, количество лет обучения	13,87	2,03	12,68	2,03	14,03	2,07
expir, количество лет опыта	19,5	12,04	19,62	12,5	18,45	12,3
expir_sp, годы специального опыта	8,68	10,09	6,83	8,74	7,82	9,09
digit_prob_prof, вероятность компьютеризации профессии по месту работы	0,5	0,38	0,61	0,34	0,49	0,38
digit_prob_edu_3, вероятность компьютеризации профессии по образованию	0,2	0,26	0,2	0,26	0,24	0,28
	Профессии ИИКТ (2011)		Другие профессии (2018)		Профессии ИИКТ (2018)	
	Mean	S.D.	Mean	S.D.	Mean	S.D.
wage_year, логарифм годовой зарплаты в рублях	12,01	0,68	12,8	0,72	12,61	0,62
male, дамми, пол мужской = 1	0,48	0,5	0,39	0,49	0,48	0,5
boss, дамми, управленческие компетенции = 1	0,14	0,35	0,34	0,47	0,13	0,34

Окончание табл. 1

Код переменной и метка	Профессии ИИКТ (2011)		Другие профессии (2018)		Профессии ИИКТ (2018)	
gov_rgor, дамми, государственная собственность = 1	0,48	0,5	0,39	0,49	0,45	0,5
edu_imp, количество лет обучения	12,73	2,22	14,35	1,81	13,12	1,97
expir, количество лет опыта	21,26	12,73	19,92	11,87	22,02	12,2
expir_sp, годы специального опыта	7,32	8,86	9,05	9,42	7,82	8,73
digit_prob_prof, вероятность компьютеризации профессии по месту работы	0,6	0,35	0,48	0,38	0,55	0,36
digit_prob_edu_3, вероятность компьютеризации профессии по образованию	0,24	0,28	0,24	0,26	0,23	0,27

Примечание: составлено авторами.

Влияние вероятности компьютеризации профессии на заработки. Поляризация, как отмечалось ранее, тесно связана с дизайном работы в принципе и действительным распределением усилий и времени работников на практике. Полученные результаты подтверждают предположения о наличии профессиональной поляризации на рынке труда с пози-

ций цифровизации, которая отражается в значительном количестве профессий с относительно низким уровнем квалификации, которые в большей степени подвержены компьютеризации, а также профессий с высоким уровнем квалификации, которые не подвержены компьютеризации (рис. 1).

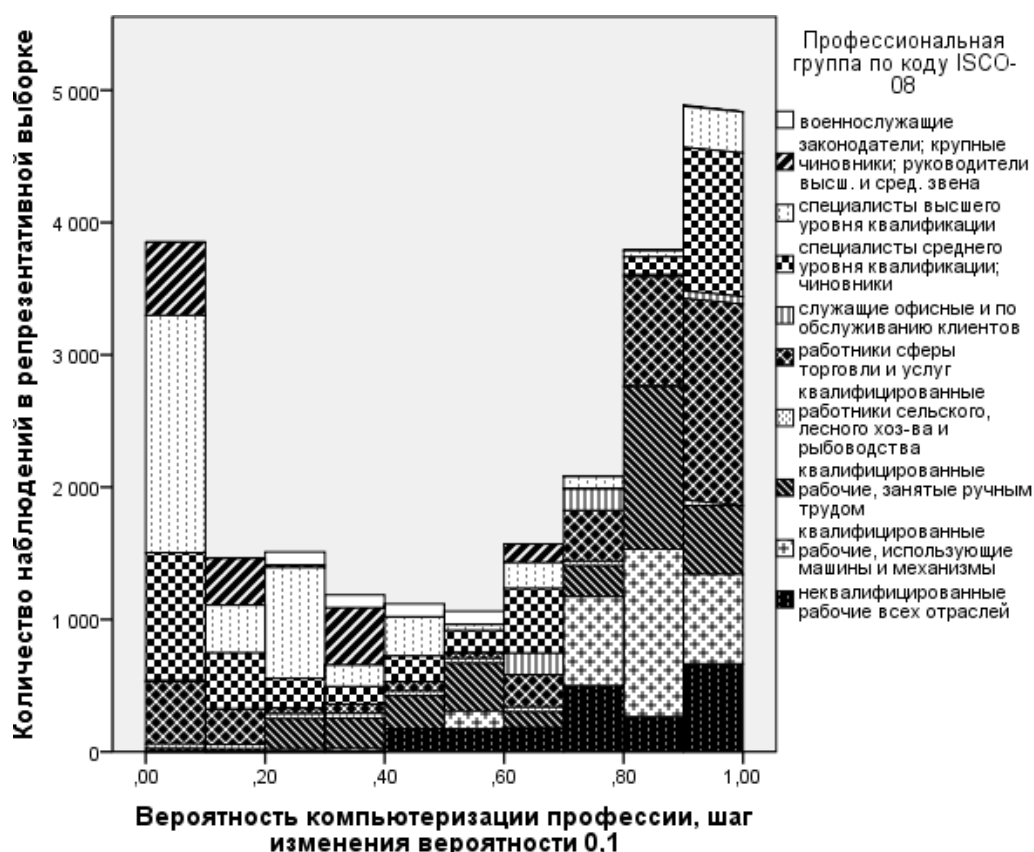

Рис. 1. Распределение вероятности компьютеризации профессии в разрезе профессиональных групп с 2003 по 2018 г. Продemonстрирован феномен цифровой поляризации рынка труда в России

Примечание: составлено авторами.

Результаты исследования сопоставимы с результатами предшествующих исследований американского рынка труда [11, с. 267]. Наблюдается «провал» в занятости по про-

фессиям среднего звена, мало подверженным цифровизации, что создает определенные угрозы на рынке труда. Во-первых, существенной угрозой является наличие значительного количества занятых в профессиях, которые с высокой долей вероятности будут компьютеризированы в ближайшие годы. Значительная часть этих специалистов – работники торговли и неквалифицированные рабочие, а также операторы оборудования, работа которых с высокой степенью вероят-

ности будет компьютеризирована в ближайшие годы. Во-вторых, вероятность компьютеризации, как видно из результатов регрессионного анализа в табл. 2, в большинстве случаев отрицательно сказывается на заработках, особенно в сфере профессий ИИКТ и в регионах с высоким уровнем цифровизации. Это означает, что компьютеризация связана с существенным снижением заработков. Следовательно, **первая выдвинутая гипотеза опровергнута.**

Таблица 2

Результаты регрессионного анализа, нестандартизованные коэффициенты регрессии по уравнениям для проверки первой гипотезы

Независимые переменные	Профессии ИИКТ (2003)	Другие профессии (2003)	Профессии ИИКТ (2011)	Другие профессии (2011)
Константа	9,596***	8,906***	11,216***	10,994***
male	0,363***	0,489***	0,337***	0,345***
boss	0,209***	0,348***	0,288***	0,255***
gov_prop	-0,344***	-0,292***	-0,157***	-0,167***
edu_imp	0,086***	0,100***	0,058***	0,060***
expir	0,009***	0,010***	0,008***	0,006***
expir_sp	0,001	0,002	-0,001	0,003***
digit_prob	-0,263***	0,051	-0,202***	-0,030
R ²	0,205	0,250	0,230	0,219
R ² Adj	0,201	0,248	0,225	0,218
F	52,9***	77,1***	88,5***	123,0***
D-W	1,673	1,566	1,478	1,533
Число наблюдений	1 445	3 067	2 827	5 831
Независимые переменные	Профессии ИИКТ (2018)	Другие профессии (2018)	Профессии ИИКТ (все данные)	Другие профессии (все данные)
Константа	11,424***	11,428***	10,871***	10,802***
male	0,328***	0,29***	0,31***	0,387***
boss	0,233***	0,283***	0,248***	0,284***
gov_prop	-0,134***	-0,077***	-0,251***	-0,235***
edu_imp	0,079***	0,068***	0,082***	0,067***
expir	0,009***	0,005***	0,009***	0,009***
expir_sp	-0,001	0,005***	0,000	0,007***
digit_prob	-0,159***	-0,015	-0,176***	-0,062***
R ²	0,277	0,230	0,355	0,370
R ² Adj	0,274	0,229	0,355	0,365
F	63,4***	99,8***	367,2***	554,2***
D-W	1,691	1,641	1,736	1,409
Число наблюдений	2 079	4 690	43 809	93 692

Примечание: ИИКТ – отобраны респонденты с кодами профессий ISCO-08, предполагающими интенсивное использование ИТ [19]; R² – коэффициент детерминации; R² Adj – скорректированный коэффициент детерминации; F – критерий Фишера; D-W – критерий Дарбина – Уотсона, *** – значим на уровне < 1 %. Составлено авторами.

Условные потери заработков от повышения вероятности компьютеризации профессии с течением времени снижаются (рис. 2), зачастую они находятся в пределах 10–20 %, в 2006 и 2007 г. условные потери составляли

почти четверть заработной платы. Наблюдаемые тенденции связаны с аккумуляцией человеческого капитала низкого качества в областях, которые подвержены компьютеризации: угроза в том, что потеря заработков

и рабочих мест может наступить в короткий период времени в ближайшие 10–15 лет, что усугубит последствия структурной пере-

стройки рынка труда и может привести к дальнейшей социальной напряженности.

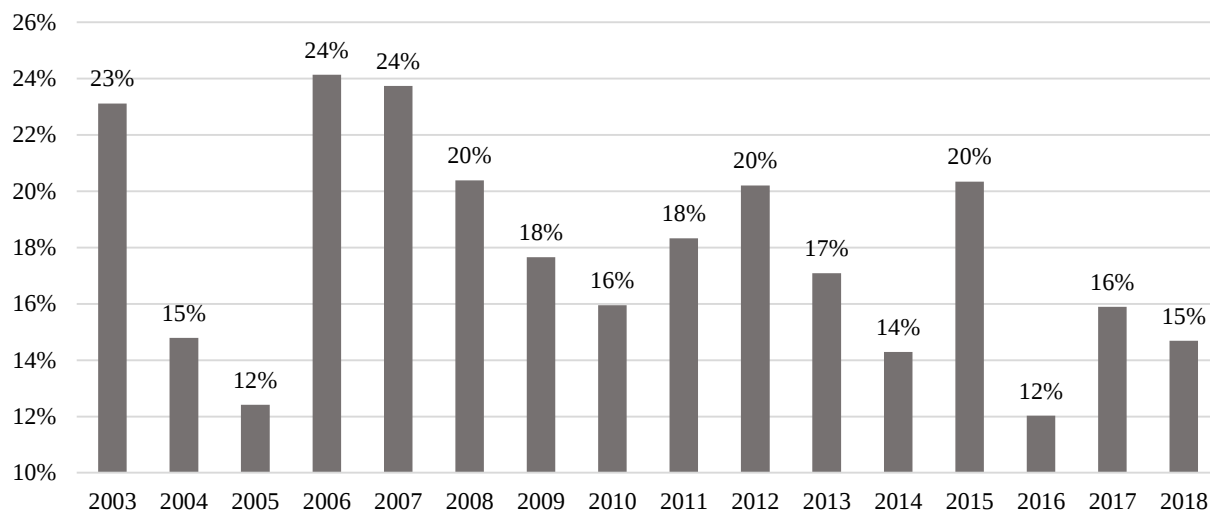

Рис. 2. Условные потери индивидуальных заработков при полной компьютеризации рабочего места в ближайшие годы для профессий с интенсивным использованием ИИКТ с 2003 по 2018 г. (%). Для всех коэффициентов $p < 5\%$
Примечание: составлено авторами.

Влияние цифровизации формальных профессиональных компетенций на заработки. Индивидуализированные возможности для реализации формальных профессиональных компетенций на рынке труда в условиях цифровизации также были проверены на основе регрессионного анализа (табл. 3). Для оценки эффектов использовался показатель вероятности компьютеризации профессии по полученному третичному образованию (диплому о высшем образовании). Практически во всех рассмотренных

периодах данная переменная не является статистически значимой, несмотря на то что в целом полученное формальное образование зачастую подразумевает низкую вероятность компьютеризации (в среднем 24 против 48 % вероятности компьютеризации по профессии в 2018 г., см. табл. 1), на практике значительная часть рассмотренных наблюдений говорит о несоответствии полученного образования и профессии по основному месту работы.

Таблица 3

Результаты регрессионного анализа, нестандартизованные коэффициенты регрессии по уравнениям для проверки второй гипотезы. Влияние вероятности компьютеризации профессии, соответствующей третичному образованию

Независимые переменные	2003	2011	2018
Константа	9,689***	11,295***	11,328***
male	0,384***	0,336***	0,308***
boss	0,328***	0,307***	0,268***
gov_prop	-0,467***	-0,157***	-0,122***
edu_imp	0,07***	0,044***	0,08***
expir	0,01***	0,01***	0,009***
expir_sp	0,004	0,000	0,001
digit_prob_prof	-0,068	-0,073*	-0,098***

Окончание табл. 3

Независимые переменные	2003	2011	2018
digit_prob_edu_3	0,135	0,048	-0,056
R ²	0,312	0,350	0,346
R ² Adj	0,308	0,348	0,343
F	49,3***	71,3***	59,2***
D-W	1,745	1,599	1,775
Количество наблюдений	1 470	3 230	2 788

Примечание: R² – коэффициент детерминации; R² Adj – скорректированный коэффициент детерминации; F – критерий Фишера; D-W – критерий Дарбина – Уотсона, *** – значим на уровне < 1 %; * – значим на уровне < 10 %. Составлено авторами.

В таких условиях индивидуализация образовательных стратегий при получении формального образования не имеет смысла, поскольку основная часть релевантных для рынка труда компетенций получается в ходе освоения профессии и накопления производственного опыта непосредственно на рынке труда. С этой точки зрения работодателям впоследствии необходимо увеличить инвестиции в человеческий капитал для обеспечения высокопроизводительных рабочих мест. Следовательно, **вторая гипотеза опровергнута.**

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании продемонстрировано, что цифровизация на российском рынке труда приводит к существенной структурной трансформации, подобно предыдущим технологическим революциям. В краткосрочном периоде повышение вероятности компьютеризации связано с замещением низкопроизводительного труда и увеличением отдачи от индивидуального человеческого капитала. Данные тенденции актуальны для профессий, требующих высокого уровня специальных компетенций, необходимых для работы в цифровой среде. В соответствии с результатами исследования авторы предполагают, что значительное количество занятых, рабочие места которых могут быть автоматизированы в ближайшие 10–15 лет, с высокой долей вероятности будут испытывать существенную потерю заработков в период трансформации. Предполагается, что в дальнейшем это усилит социальную напряженность. Результаты проведенного исследования сопоставимы с результатами более ранних исследований по анализу рынков труда в развитых странах [11]. Прогнозируемые изменения будут сжатыми и интенсивными, поэтому от региональных властей потребуется грамотная со-

циально-экономическая политика для стимулирования рынка труда и привлечения дополнительных инвестиций в человеческий капитал со стороны работодателей.

Практические рекомендации по результатам проведенного исследования связаны прежде всего с совершенствованием политики мониторинга и регулирования регионального рынка труда с позиций цифровизации. Сейчас не внедрены в практику инструменты мониторинга и прогнозирования вероятности компьютеризации и автоматизации профессий, а также изменения профессиональной структуры рынка труда в динамике в сферах ИИКТ в детализации ISCO-08 на региональном уровне. Существенным потенциалом обладают инструменты анализа дифференциации оплаты труда, связанные с продвинутой цифровизацией на основе достижений Индустрии 4.0. Кроме того, работники, занятые в профессиональных областях с высокой вероятностью компьютеризации, должны рассмотреть возможность инвестирования в собственное цифровое образование.

Ограничения и дальнейшие исследования. В работе применены общие подходы к измерению цифровых компетенций, которые ограничиваются базовыми навыками владения Интернетом и компьютерами. За последние годы такие компетенции показали высокий уровень отдачи, однако это сравнительное преимущество будет снижаться после перехода от цифрового «бума» к цифровой зрелости. Поэтому в последующих исследованиях необходимо сфокусироваться на развернутых цифровых компетенциях для достижения преимущества в заработках, а также создать модель оценки вероятности компьютеризации профессий для национального и регионального рынка труда.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ширинкина Е. В. Влияние цифровизации на принципы управления человеческим капиталом работников промышленности // Экономика и менеджмент систем управления. 2018. Т. 30, № 4–3. С. 397–402.
2. Autor D. H., Levy F., Murnane R. J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration // Q J Econ. 2003. Vol. 118, Is. 4. P. 1279–1333.
3. Turovets Y., Vishnevskiy K. Patterns of Digitalisation in Machinery-Building Industries: Evidence from Russia // Engineering Management in Production and Services. 2019. Vol. 11, Is. 4. P. 7–22.
4. Vodenko K. V., Lyausheva S. A. Science and Education in the Form 4.0: Public Policy and Organization Based on Human and Artificial Intellectual Capital // Journal of Intellectual Capital. 2020. Vol. 21, No. 4. P. 549–564.
5. Кельчевская Н. Р., Ширинкина Е. В. Региональные детерминанты эффективного использования человеческого капитала в цифровой экономике // Экономика региона. 2019. Т. 15, Вып. 2. С. 465–482.
6. Matraeva L., Vasiutina E., Belyak A. The Effects of Digitalisation on the Labour Market: The Case of Russia // Work Organisation, Labour & Globalisation. 2020. Vol. 14, No. 2. P. 31–45.
7. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R. The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, No. 2. P. 84–96.
8. Sorgner A. The Automation of Jobs: A Threat for Employment or a Source of New Entrepreneurial Opportunities? // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11, No. 3. P. 37–48.
9. Matthes M., Kunkel S. Structural Change and Digitalization in Developing Countries: Conceptually Linking the Two Transformations // Technology in Society. 2020. Vol. 63. P. 101428.
10. Dunn M. Making Gigs Work: Digital Platforms, Job Quality and Worker Motivations // New Tech Work Employ. 2020. Vol. 35, Is. 2. P. 232–249.
11. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? // Technol Forecast Soc. 2017. Vol. 114. P. 254–280.
12. Genz S., Janser M., Lehmer F. The Impact of Investments in New Digital Technologies on Wages – Worker-Level Evidence from Germany // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 2019. Vol. 239, Is. 3. P. 483–521.
13. Foote C. L., Ryan R. W. Labor-Market Polarization Over the Business Cycle // NBER Macroecon Annu. 2014. Vol. 29. P. 371–413.
14. Autor D. H. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation // J Econ Perspect. 2015. Vol. 29, No. 3. P. 3–30.
15. Staab P. The Consumption Dilemma of Digital Capitalism // Transfer: European Review of Labour and Research. 2017. Vol. 23, Is. 3. P. 281–294.

REFERENCES

1. Shirinkina E. V. The Impact of Digitalization on the Principles of Human Capital Management of Industrial Workers // Ekonomika i menedzhment sistem upravleniia. 2018. Vol. 30, No. 4–3. P. 397–402. (In Russian).
2. Autor D. H., Levy F., Murnane R. J. The Skill Content of Recent Technological Change: An Empirical Exploration // Q J Econ. 2003. Vol. 118, Is. 4. P. 1279–1333.
3. Turovets Y., Vishnevskiy K. Patterns of Digitalisation in Machinery-Building Industries: Evidence from Russia // Engineering Management in Production and Services. 2019. Vol. 11, Is. 4. P. 7–22.
4. Vodenko K. V., Lyausheva S. A. Science and Education in the Form 4.0: Public Policy and Organization Based on Human and Artificial Intellectual Capital // Journal of Intellectual Capital. 2020. Vol. 21, No. 4. P. 549–564.
5. Kelchevskaya N. R., Shirinkina E. V. Regional Determinants of Effective Use of Human Capital in the Digital Economy // Economy of Region. 2019. Vol. 15, Is. 2. P. 465–482. (In Russian).
6. Matraeva L., Vasiutina E., Belyak A. The Effects of Digitalisation on the Labour Market: The Case of Russia // Work Organisation, Labour & Globalisation. 2020. Vol. 14, No. 2. P. 31–45.
7. Zemtsov S., Barinova V., Semenova R. The Risks of Digitalization and the Adaptation of Regional Labor Markets in Russia // Foresight and STI Governance. 2019. Vol. 13, No. 2. P. 84–96.
8. Sorgner A. The Automation of Jobs: A Threat for Employment or a Source of New Entrepreneurial Opportunities? // Foresight and STI Governance. 2017. Vol. 11, No. 3. P. 37–48.
9. Matthes M., Kunkel S. Structural Change and Digitalization in Developing Countries: Conceptually Linking the Two Transformations // Technology in Society. 2020. Vol. 63. P. 101428.
10. Dunn M. Making Gigs Work: Digital Platforms, Job Quality and Worker Motivations // New Tech Work Employ. 2020. Vol. 35, Is. 2. P. 232–249.
11. Frey C. B., Osborne M. A. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? // Technol Forecast Soc. 2017. Vol. 114. P. 254–280.
12. Genz S., Janser M., Lehmer F. The Impact of Investments in New Digital Technologies on Wages – Worker-Level Evidence from Germany // Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 2019. Vol. 239, Is. 3. P. 483–521.
13. Foote C. L., Ryan R. W. Labor-Market Polarization Over the Business Cycle // NBER Macroecon Annu. 2014. Vol. 29. P. 371–413.
14. Autor D. H. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Workplace Automation // J Econ Perspect. 2015. Vol. 29, No. 3. P. 3–30.
15. Staab P. The Consumption Dilemma of Digital Capitalism // Transfer: European Review of Labour and Research. 2017. Vol. 23, Is. 3. P. 281–294.

16. Valenduc G., Vendramin P. Digitalisation, Between Disruption and Evolution // Transfer: European Review of Labour and Research. 2017. Vol. 23, Is. 2. P. 121–134.
17. Российский мониторинг экономического положения и здоровья населения НИУ ВШЭ. URL: <https://www.hse.ru/rims/> (дата обращения: 01.10.2021).
18. Окладников С. М., Булгакова Н. С., Гохберг Л. М. Регионы России. Социальные и экономические показатели 2019. М. : Росстат, 2019. 1204 с.
19. Абдрахманова Г. И., Вишневецкий К. О., Гохберг Л. М. и др. Индикаторы цифровой экономики: 2020 : статистический сборник. М. : НИУ ВШЭ, 2020. 360 с.
16. Valenduc G., Vendramin P. Digitalisation, Between Disruption and Evolution // Transfer: European Review of Labour and Research. 2017. Vol. 23, Is. 2. P. 121–134.
17. Russian Longitudinal Monitoring Survey – HSE. URL: <https://www.hse.ru/rims/> (accessed: 01.10.2021). (In Russian).
18. Okladnikov S. M., Bulgakova N. S., Gokhberg L. M. Regions of Russia: Social and Economic Indicators. 2019. Moscow : Rosstat, 2019. 1204 p. (In Russian)
19. Abdрахmanova G. I., Vishnevskiy K. O., Gokhberg L. M. et al. Digital Economy Indicators in the Russian Federation: 2020 : Data Book. Moscow : HSE, 2020. 360 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Васина Вероника Николаевна – аспирант, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.
E-mail: v.n.vasina@urfu.ru

Кельчевская Наталья Рэмовна – доктор экономических наук, профессор заведующая кафедрой экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

Пельмская Ирина Сергеевна – кандидат экономических наук, доцент кафедры экономики и управления на металлургических и машиностроительных предприятиях, Институт экономики и управления, Уральский федеральный университет им. первого Президента России Б. Н. Ельцина, Екатеринбург, Россия.

ABOUT THE AUTHORS

Veronika N. Vasina – Postgraduate, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: v.n.vasina@urfu.ru

Natalya R. Kelchevskaya – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Head, Department of Economics and Management of Metallurgy and Industrial Enterprises, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

Irina S. Pelymskaya – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Economics and Management of Metallurgy and Industrial Enterprises, Institute of Economics and Management, Ural Federal University named after the first President of Russia B. N. Yeltsin, Yekaterinburg, Russia.

УДК 332.1

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-28-38

МОНОГОРОДА: ТРАЕКТОРИЯ ДИВЕРСИФИКАЦИИ

Е. В. Воронина^{1✉}, **Н. Н. Мильчакова**^{1, 2}, **И. В. Сергеева**¹

¹Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

²Тюменский государственный университет, Тюмень, Россия,

✉ E-mail: uquine_v@mail.ru

Предметом исследования выступает траектория развития северных моногородов в условиях необходимости диверсификации их экономики. Целью исследования является разработка структурной модели изменения функциональной роли северных моногородов в соответствии с траекторией диверсификации экономики этих территорий.

Задачи исследования: рассмотреть основные подходы к содержанию термина «моногород», в том числе законодательные, на их основе предложить авторскую трактовку понятия; сформировать классификационные признаки моногородов в зависимости от сложившейся в них социально-экономической ситуации; изучить стратегические направления диверсификации экономики северных регионов России с целью выявления основных траекторий их развития; представить структурную модель изменения функциональной роли северных моногородов для диверсификации их экономик и реализации целевой задачи обеспечения устойчивого развития через конкурентные преимущества и субъективную конкурентную позицию региона.

Выбор общенаучных и экономических методов проведения исследования (синтез, метод научных абстракций, исторический анализ экономических явлений, экономическое моделирование, экономическая индукция, построение экономических гипотез, графический метод) обусловлен его логикой.

Особенностью авторского подхода является выявление структурных трендов, которые могут создать новые конкурентные преимущества моногородов с точки зрения социально-экономического развития в условиях пандемии.

Научная новизна исследования состоит в графической разработке и обосновании направлений развития современных моногородов, которые могут обеспечить переход к диверсифицированной национальной экономической системе.

Ключевые слова: моногород, монопрофильный город, диверсификация, стратегия, градообразующее предприятие, северные территории, социально-экономическое развитие, функциональная роль.

Для цитирования: Воронина Е. В., Мильчакова Н. Н., Сергеева И. В. Моногорода: траектория диверсификации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 28–38. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-28-38.

SINGLE-INDUSTRY TOWNS: THE COURSE OF DIVERSIFICATION

E. V. Voronina^{1✉}, **N. N. Milchakova**^{1, 2}, **I. V. Sergeeva**¹

¹Surgut State University, Surgut, Russia

²University of Tyumen, Tyumen, Russia,

✉ E-mail: uquine_v@mail.ru

The subject of the study is the course of development of the northern single-industry towns in face of the necessity of diversification in economics. The aim of the study is to develop a structural model of changing the functional role of northern single-industry towns according to the course of economic diversification of these territories.

The objectives of the study are the following: to consider the main approaches, including legislative, to the content of “single-industry towns”, and, to propose the author’s interpretation of the concept based on these approaches; to form the classification features of single-industry towns depending on their current social and economic state; to study the strategic directions of economic diversification of northern regions of

Russia in order to identify the main courses of their development; to present a structural model to change the functional role of northern single-industry towns for diversification of their economics and implementation of purpose-oriented objective to provide sustainable development via competitive advantages and subjective competitive position of the region.

The choice of general scientific and economic methods for conducting the research (synthesis, method of scientific abstractions, historical analysis of economic phenomena, economic modeling, economic induction, construction of economic hypotheses, graphic method) is conditioned by its logic.

The peculiarity of the author's approach is the identification of structural trends that can create new competitive advantages of single-industry towns in terms of social and economic development in face of the pandemic conditions.

The novelty of the research consists in the graphic development and substantiation of the development trends for modern single-industry towns, which can provide the transition to a diversified national economic system.

Keywords: single-industry town, single-industry town, diversification, strategy, city-forming enterprise, northern territories, social and economic development, functional role.

For citation: Voronina E. V., Milchakova N. N., Sergeeva I. V. Single-Industry Towns: The Course of Diversification // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 28–38. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-28-38.

ВВЕДЕНИЕ

В СССР массовому появлению монопрофильных промышленных городов (моногородов) способствовала первая волна индустриализации в 1920-х годах, а затем и вторая – в 1950-х годах. Первые моногорода образовывались в числе других причин для расширения добычи природных ресурсов в местах их залегания (что характерно для северных территорий). Вокруг таких поселений, особенно северных, сложился «ореол успешности», благодаря финансовой устойчивости градообразующего предприятия, стабильно выплачиваемой заработной плате, более высокому уровню жизни населения в сравнении со среднероссийским.

В постсоветский период многие из градообразующих предприятий моногородов оказались банкротами, а выжившие после смены формы собственности и адаптации к новым экономическим условиям продолжили финансово-хозяйственную деятельность. На современном этапе становится очевидно, что жизненный цикл северных моногородов находится в «точке перелома», причиной чего стали новые вызовы внешней среды и происходящие структурные сдвиги в экономике. Иными словами, в случае сохранения функциональной роли градообразующих предприятий северных моногородов «как есть», существенно возрастают риски территориального социально-экономического развития этих территорий,

не соответствующего современным стратегическим целям и задачам.

Целью исследования является разработка структурной модели изменения функциональной роли северных моногородов в соответствии с траекторией диверсификации экономики этих территорий.

Для достижения поставленной цели необходимо решить следующие задачи:

- рассмотреть основные подходы к содержанию термина «моногород», в том числе законодательные, на их основе сформулировать авторскую трактовку понятия;
- сформировать классификационные признаки моногородов в зависимости от сложившейся в них социально-экономической ситуации;
- изучить стратегические направления диверсификации экономики северных регионов России с целью выявления основных траекторий их развития;
- представить структурную модель изменения функциональной роли северных моногородов.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объектом исследования являются современные моногорода северных территорий России. Отметим, что в целях нашего исследования мы исходим из сложившихся к настоящему времени в российской науке групп критериев отнесения города к катего-

рии «монопрофильный» (качественных и количественных) [1].

Качественные критерии включают бюджетную зависимость от деятельности градообразующих предприятий, отсутствие развитой инфраструктуры, высокие непреодолимые риски внешней экономической среды.

Количественные критерии предполагают наличие предприятия (-ий) с высокой долей численности занятых в данном населенном пункте, долей одной отрасли, составляющей высокий процент от общего производства в населенном пункте.

В работе использованы общие и частные методики экономического исследования: от аналитических приемов, средств и способов, применимых к экономическим явлениям и процессам вообще, к конкретным инструментам изучения экономики северных моногородов как явления, находящегося на этапе трансформации.

Последовательность выполнения исследования связана с достижением поставленных задач: собраны, обработаны и интерпретированы необходимые теоретико-методические положения, вопросы нормативно-правового регулирования деятельности объекта исследования, сформулирована и обоснована гипотеза исследования, представлены авторские выводы относительно изменения функциональной роли моногородов на современном этапе.

Выбор общенаучных и экономических методов проведения исследования (синтез, метод научных абстракций, исторический

анализ экономических явлений, экономическое моделирование, экономическая индукция, построение экономических гипотез, графический метод) обусловлен его логикой.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

До настоящего времени содержание термина «моногород» остается дискуссионным, как и вопросы влияния изменения уровня диверсификации на устойчивое развитие региона [2].

Так, И. С. Антонова проанализировала российские и иностранные подходы к понятию термина «моногород» [3], на основе чего сделала вывод, что ученые «...достаточно редко обращаются к непосредственному формулированию данного определения, ограничиваясь выделением подходов к их трактовке на основе критериев или описанию их специфики» [3, с. 432]. Автор предложила следующее определение: «Моногород – относительно обособленная общность компактно проживающих людей, являющаяся частью макросистемы, представляющая особый тип социальной организации, который характеризуется системным единством города и градообразующего предприятия и моноцентричным характером экономики, связанным с выполнением определенной общественно значимой функции в макросистеме» [3, с. 432].

В табл. 1 представлены некоторые подходы отечественных авторов к определению термина «моногород».

Таблица 1

Некоторые подходы отечественных авторов к определению термина «моногород»

Автор/авторы	Группировочный признак	Критерии
Дулесов А. Н., Бехтерев Д. В. [4]	Сформулировали вывод, что проанализированные точки зрения российских и иностранных ученых «...во главу угла ставят зависимость населенного пункта от градообразующего предприятия»	Градообразующее предприятие
Крекотнев С. Н. [5]	Моногород представляет собой сложную систему, в которой город и предприятие (комплекс однородных предприятий) неразрывно связаны	Связь города и предприятия (комплекса однородных предприятий)
Тургель И. Д., Зиновьева В. В. [6]	Фундаментальную основу функционирования моногородов составляют градообразующие предприятия	Градообразующее предприятие

Примечание: составлено авторами.

Таким образом, исходя из представленных определений, под моногородом мы будем понимать такие территориальные образования, экономика которых моноотраслевая, зависит от деятельности, как правило, одного градообразующего предприятия, что ограничивает их социально-экономическое развитие на современном этапе.

Можно выделить следующие академические критерии, характеризующие моногород:

- общность людей как часть макросистемы;
- единство акторов «город» и «градообразующее предприятие»;
- моноцентричность экономики.

Рассмотрим, как трактуется понятие моногородов в современном российском законодательстве. Нормативно-правовая база на текущий момент состоит из двух основных документов [7, 8].

С введением Распоряжения были установлены ограничения на признание муниципальных образований моногородами, специализирующимися «...на добыче и производстве/переработке промышленной продукции...» [9, с. 71]. Соответственно, предприятия Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, например, были исключены из государственного перечня и лишились статуса моногорода.

Также, основываясь на нормативно-правовых документах, можно провести классификацию моногородов по степени сложности социально-экономической ситуации:

- а) осуществление производственной деятельности;
- б) высвобождение работников градообразующей организации;
- в) конъюнктура рынка отрасли;
- г) уровень регистрируемой безработицы;
- д) оценка экономической ситуации населением.

Совокупность выявленных признаков позволяет интерпретировать полученные результаты следующим образом:

1. Наиболее сложное социально-экономическое положение (все признаки).
2. Есть риски ухудшения социально-экономической ситуации (не менее двух признаков).
3. Стабильная социально-экономическая ситуация (один из признаков).

Следует отметить, что установленные критерии и их количественные параметры в России изменялись. Поэтому ряд ученых [1, 6, 10–13] формулирует точку зрения о противоречивости подходов к определению критериев для выделения моногородов и необходимости их уточнения, с чем согласны и мы.

В частности, по мнению Ю. Н. Шедько, «статус ранее считавшихся моногородами отдельных населенных пунктов Ханты-Мансийского автономного округа – Югры изменился в результате изменения критериев отнесения городов к монопрофильным <...>. Вместе с тем моноотраслевая направленность не исчезла, и целесообразно при разработке перспективных планов развития муниципальных образований учитывать среднюю и высокую степень монопрофильности и, как следствие – зависимость процессов социально-экономического развития территории от градообразующего предприятия» [14, с. 103].

Таким образом, ввиду противоречивости формализации критериев отнесения муниципальных образований к моногородам, в рамках нашего исследования не будем исходить из законодательной трактовки, а присоединимся к мнению Ю. Н. Шедько о том, что монопрофильность территорий не исчезла вследствие их исключения из Перечня и влияние на социально-экономическое развитие муниципальных образований, субъектов Российской Федерации, страны в целом сохраняется. Наличие градообразующего предприятия (одного или нескольких на территории) при этом является ключевым критерием отнесения к категории моногородов.

Отметим, что в регионах ведется работа по идентификации статуса градообразующих предприятий и моногородов, целью которой является подчеркивание их особой значимости в социально-экономическом развитии региона. Так, в Ханты-Мансийском автономном округе – Югре в марте 2020 г. Правительством был сформирован перечень системообразующих организаций в целях проведения мониторинга негативных факторов, влияющих на «устойчивое развитие таких организаций» [15].

В то же время основным трендом выстраивания стратегических направлений социально-экономического развития на современном этапе для моноотраслевых территорий является развитие небазовых секторов экономики при сохранении роли базового. Другими словами, речь идет о развитии инновационном, социально-ориентированном, направленном на повышение качества человеческого капитала и диверсификацию экономики.

В работе [16] отмечается актуальность поиска новых инструментов и механизмов развития сектора малого и среднего предпринимательства для диверсификации экономики монопрофильных муниципальных образований и улучшения их социально-экономического положения.

Исследование действующих стратегий развития северных территорий России позволило выявить следующие направления диверсификации экономики (табл. 2).

Таблица 2

**Стратегические направления диверсификации
экономики северных регионов России**

Субъект РФ	Направления, объекты диверсификации экономики
Архангельская область [17]	Производственная специализация моногородов, городских и сельских населенных пунктов за счет развития сети предприятий по производству продукции и услуг
Магаданская область [18]	1. Горнопромышленный комплекс, машиностроение, энергетика, рыболовство и рыбобоводство. 2. Экспорт: расширение спектра предприятий, выходящих на мировой уровень. 3. Внедрение инноваций. 4. Туризм
Красноярский край [19]	1. Растениеводство: возрастет производство крупных культур, а также овощей открытого и защищенного грунта, что позволит круглогодично обеспечивать население края витаминной продукцией. 2. Немырьевой сектор: повышение конкурентоспособности экономики края, возрастание устойчивости к колебаниям мировой экономики и конъюнктуры рынков сырья, снижение внешних рисков и ослабление негативного влияния кризисов
Республика Карелия [20]	1. Предпринимательская активность, поддержка малого бизнеса. 2. Инвестиции, организация новых производств на территории моногородов (формирование инвестиционных площадок, создание ТОР, промышленных парков и т. д.). 3. Комфортность проживания в моногородах. 4. Объекты социальной инфраструктуры
Республика Коми [21]	1. Развитие человеческого капитала. 2. Инновационный и технологический потенциал. 3. Преодоление инфраструктурных ограничений, комплексное развитие территорий региона. 4. Товарно-отраслевая структура: расширение специализации сельхозпроизводства, создание новых производств, расширение ассортимента производимой пищевой продукции
Республика Саха (Якутия) [22]	1. Малый и средний бизнес, ориентированный преимущественно на экспорт. 2. Трансформация бизнес-процессов в цифровой и дистанционный формат. 3. Новые бизнес-модели. 4. Внешнеэкономическая специализация (нефте- и газопереработка, производство продуктов питания, производство строительных материалов, обработка алмазов и ювелирное производство, туризм, судостроение, лесозаготовка и лесопереработка, черная металлургия, производство питьевой воды, биоресурсов, чистого воздуха и др. продуктов, востребованных на глобальном рынке). 5. Инновации: информационные технологии, цифровые решения, низкотемпературные испытания, технологии и услуги для добывающих секторов, новые технологии в энергетике и транспорте. 6. Креативные секторы экономики: коммерциализация деятельности в области культуры, медиа, дизайна, маркетинга и др.
Ханты-Мансийский автономный округ – Югра [23]	1. Нефтедобывающая отрасль. 2. Внедрение маркетингового мышления как основы диверсификации и становления округа технологическим плацдармом России в освоении Севера и Арктики. 3. Развитие смежных видов деятельности экономики Югры

Субъект РФ	Направления, объекты диверсификации экономики
Ямало-Ненецкий автономный округ [24]	1. Туристско-рекреационный комплекс. 2. Развитие экспортной деятельности

Примечание: составлено авторами по действующим и проектируемым Стратегиям развития территорий.

Как показал обзор стратегий социально-экономического развития «северных» субъектов, наиболее распространен подход к углубленной диверсификации как действующих приоритетных, базовых направлений экономики, так и небазовых секторов за счет сельского хозяйства, туризма, усиления экспорта производимой продукции, инноваций, развития малого и среднего бизнеса, других направлений. Следует отметить, что наиболее соответствующими траектории диверсификации, современным внешним и внутренним вызовам выглядят объекты, обозначенные в Стратегии республики Саха (Якутия), причиной видится утвержденная актуализация документа до 2050 г.

Согласно исследованиям отдельных групп ученых на сегодняшний день имеется мировой опыт развития моноспециализированных городов, позволяющий выделить три основные модели развития моногородов в зависимости от функционирования градообразующего предприятия [25]:

1. «Управляемое сжатие».
2. «Стабилизация моногорода».
3. «Индустриальная диверсификация».

История появления моногородов, специфика их природы, проблем и внешних мер государственной поддержки видится оправданной в силу грандиозных изначальных планов развития северных регионов. Однако односторонность и несостоятельность применяемых мер позволяет констатировать нерешенность основных задач при принятии решений по актуальным проектам. Следует заметить, что развитие моногородов было относительно эффективным в советский период, когда они выполняли конкретные функции в большой связанной плановой экономике и унифицированной среде жизнеобеспечения. Сегодня ситуация полярно изменилась.

Трансформация функциональной роли северных моногородов в соответствии с траекторией диверсификации экономики этих

территорий зависит от выбора модели стратегического развития (рисунок).

Продвинутые системы информации, коммуникации и многообразный окружающий мир предопределили и новые функции городов-кластеров. Сегодня это не просто центры перераспределения ресурсов, а объединения сообществ, имеющих общие цели, интересы, ценности и коммуникативные связи. Функциональная роль таких сообществ состоит в предоставлении всем участникам возникающей коммуникативно-организационной сети глобальных связей и проектного соединения. Этот процесс позволит сократить неоправданные финансовые вложения, сохранить производственно-пространственную структуру.

С нашей точки зрения, возможны следующие направления, которые могут обеспечить переход к диверсифицированной экономической системе:

1. Мονοрыночная капиталистическая система предполагает диверсификацию в направлениях обеспечения текущей деятельности, модернизации действующих градообразующих предприятий с помощью соответствующих инструментов, поддерживаемых ресурсами бюджетной системы, фондом развития моногородов.

2. Система социально-ориентированного типа предполагает развитие социального предпринимательства, новых социальных проектов с помощью соответствующих инструментов, поддерживаемых ресурсами бюджетной системы, группы ВЭБ, организаций развития.

3. Система постиндустриального типа предполагает развитие небазовых секторов экономики через создание новых бизнесов, поддержку экспортной составляющей деятельности с помощью соответствующих инструментов, поддерживаемых ресурсами бюджетной системы, фондов поддержки малого и среднего предпринимательства, российского экспортного центра.

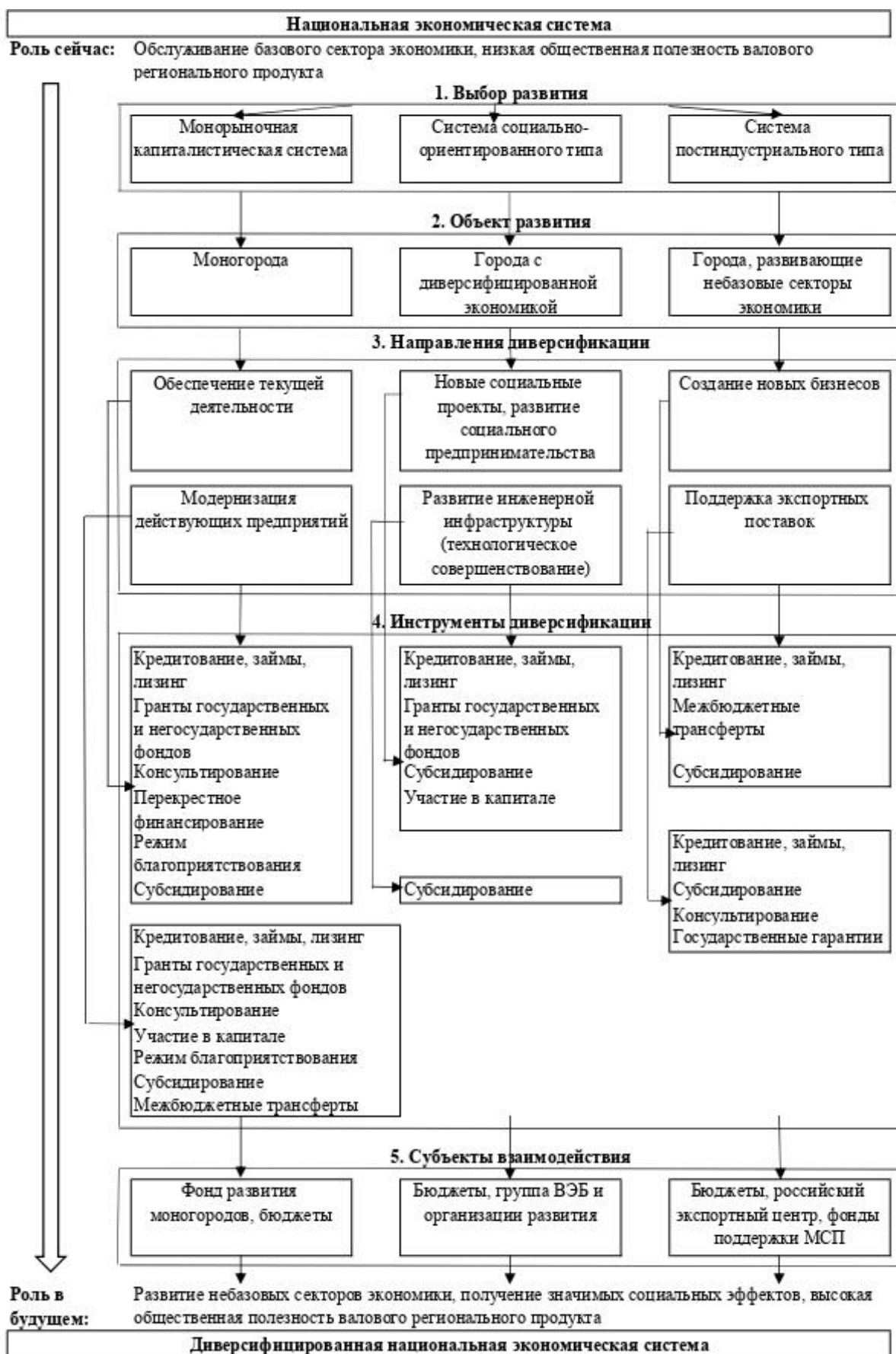

Рисунок. Структурная модель изменения функциональной роли северных моногородов

Примечание: составлено авторами.

Таким образом, изменение функциональной роли северных моногородов в соответствии с траекторией диверсификации экономики на сегодняшний день возможно и представляется необходимым условием их качественного социально-экономического развития, сохранения достигнутого уровня и качества жизни населения и его повышения.

Трансформация экономической системы воздействует на все хозяйствующие субъекты, преобразуя их и требуя адекватной траектории развития. В настоящий период в такой траектории нуждаются не только традиционные субъекты хозяйственной экономической системы, но и их различные комбинации и подмножества (города, мегаполисы, агломерации). Реальная качественная оценка происходящих процессов создает предпосылки для разработки отдельных направлений трансформации систем на основе диверсификации.

Наконец, реализация основной целевой задачи функционирования и обеспечения

устойчивого развития хозяйствующего субъекта осуществляется через конкурентные преимущества и субъективную конкурентную позицию региона.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В исследовании обоснован подход к углубленной диверсификации как действующих приоритетных, базовых направлений экономики, так и небазовых секторов.

«Новая» роль моногородов заключается в уходе от моноцентричности, получении значимых социальных эффектов с достижением высокой общественной полезности валового регионального продукта.

Разработана универсальная структурная модель изменения траекторий диверсификации северных моногородов, особенностью которой является вариативность ее структурных элементов при разработке стратегий социально-экономического развития территорий.

ЛИТЕРАТУРА

1. Ивашина Н. С., Улякина Н. А. Монопрофильные города: проблемы определения в современных условиях // Формирование парадигмы современного инновационного предприятия: проблемы управления риском. 2011. № 1 (1). С. 28–31.
2. Аvezова М. М., Мансурова М. Г. Приоритетные направления повышения диверсификации экономики региона // Управление. 2021. Т. 9, № 1. С. 5–15.
3. Антонова И. С. Динамический подход к оценке процесса диверсификации экономики моногорода // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2017. Т. 13, Вып. 3. С. 431–441.
4. Дулесов А. Н., Бехтерев Д. В. Классификация моногородов по их жизненному циклу // Фундаментальные исследования. 2015. № 10. С. 161–165.
5. Крекотнев С. Н. К вопросу о политических механизмах решения проблем городов с моноспециализацией // ПОИСК: Политика. Обществоведение. Искусство. Социология. Культура. 2015. № 1 (48). С. 38–46.
6. Тургель И. Д., Зиновьева В. В. К вопросу о выборе критериев определения градообразующих организаций в моногородах (российский и зарубежный опыт) // Вестник Научно-исследовательского центра корпоративного права, управления и венчурного инвестирования Сыктывкарского государственного университета. 2017. № 4. С. 51–60.

REFERENCES

1. Ivashina N. S., Ulyakina N. A. Monoprofilnye goroda: problema opredeleniia v sovremennykh usloviakh // Formirovanie paradigmy sovremennogo innovatsionnogo predpriatiia: problemy upravleniia riskom. 2011. No. 1 (1). P. 28–31. (In Russian).
2. Avezova M. M., Mansurova M. G. Priority Directions for Increasing Diversification of the Regional Economy // Management. 2021. Vol. 9, No. 1. P. 5–15. (In Russian).
3. Antonova I. S. A Dynamic Approach to Evaluating the Diversification of the Single-Industry Town Economy // National Interests: Priorities and Security. 2017. Vol. 13, Is. 3. P. 431–441. (In Russian).
4. Dulesov A. N., Bekhterev D. V. Classification on Monocities Their Life Cycle // Fundamental Research. 2015. No 10. P. 161–165. (In Russian).
5. Krekotnev S. N. K voprosu o politicheskikh mekhanizmkh resheniia problem gorodov c monospetsializatsiei // POISK: Politika. Obshchestvovedenie. Iskusstvo. Sotsiologii. Kultura. 2015. No. 1 (48). P. 38–46. (In Russian).
6. Turgel I. D., Zinovyeva V. V. About Criteria for Determining the Core Enterprises in the Single-Industry Towns (Russian and Foreign Experience) // Corporate Governance and Innovative Economic Development of the North: Bulletin of Research Center of Corporate Law, Management and Venture Investment of Syktyvkar State University. 2017. No. 4. P. 51–60. (In Russian).

7. О критериях отнесения муниципальных образований Российской Федерации к монопрофильным (моногородам) и категориях монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) в зависимости ухудшения их социально-экономического положения : постановление Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 № 709. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) : распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.07.2014 № 1398-р. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Кутергина Г. В., Лапин А. В. Управление развитием моногородов: отечественные и зарубежные подходы к моделированию // Вестн. Перм. ун-та. 2015. Вып. 3 (26). С. 69–77.
10. Колесник Е. А. Совершенствование управления социально-экономическим развитием монопромышленного города : дисс. ... канд. экон. наук. Челябинск, 2010. 184 с.
11. Бегун Т. В. Управление устойчивым развитием моногородов и градообразующих предприятий : моногр. Курск : ЗАО «Университетская книга», 2015. 217 с.
12. Тургель И. Д. Новые критерии выделения моногородов: проблемы применения // Экономика и политика. 2015. № 3 (6). С. 99–103.
13. Пьянкова С. Г. Критерии отнесения города к монопрофильной территории // Сибирская финансовая школа. 2012. № 3 (92). С. 14–21.
14. Шедько Ю. Н. Проблемы и перспективы устойчивого развития монопрофильного муниципального образования (город Сургут) // Вопросы региональной экономики. 2015. № 1 (22). С. 102–110.
15. О перечне системообразующих организаций и исполнительных органов государственной власти Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, ответственных за взаимодействие с ними, и регламенте проведения мониторинга финансово-экономического состояния системообразующих организаций Ханты-Мансийского автономного округа – Югры : распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 31.03.2020 № 153-рп. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
16. Социально-экономическое развитие северо-арктических территорий России: монография / колл. авт. ; под науч. ред. Т. П. Скуфьиной, Е. Е. Емельяновой. Апатиты : ФИЦ КНЦ РАН, 2019. 119 с.
17. Стратегия социально-экономического развития Архангельской области до 2035 года. URL: <https://economy.gov.ru/material/file/08be543e21dfe07f4d4a48e559603d7f/strategarch.pdf> (дата обращения: 21.11.2021).
18. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Магаданской области на период
7. On Criteria of Classification of Municipalities of the Russian Federation to Monoprofile Cities (Single-Industry Towns) and Categories of Monoprofile Municipalities of the Russian Federation (Single-Industry Towns) According to the Worsening of Their Social and Economic State : Resolution of the Government of the Russian Federation No. 709 of 29.07.2014. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
8. On Adoption of the List of Monoprofile Municipalities of the Russian Federation (Single-Industry Towns) : Order of the Government of the Russian Federation No. 1398-r of 29.07.2014. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
9. Kutergina G. V., Lapin A. V. Management of One-Industry Towns Development: Russian and Foreign Modelling Approaches // Perm University Herald. Economy 2015. Is. 3 (26). P. 69–77. (In Russian).
10. Kolesnik E. A. Sovershenstvovanie upravleniia sotsialno-ekonomicheskim razvitiem monopromyshlennogo goroda : Cand. Sci. Dissertation (Economics). Chelyabinsk, 2010. 184 p. (In Russian).
11. Begun T. V. Upravlenie ustoichivym razvitiem monogorodov i gradoobrazuiushchikh predpriatii : Monograph. Kursk : ZAO “Unversitetskaia kniga”, 2015. 217 p. (In Russian).
12. Turgel I. D. New Criteria of Monotowns Selection: Implementation Problems // Economics and Politics. 2015. No. 3 (6). P. 99–103. (In Russian).
13. Pyankova S. G. City Criteria for Single-Industry Territory // Siberian Financial School. 2012. No. 3 (92). P. 14–21. (In Russian).
14. Shedko Yu. N. Problems and Prospects of Sustainable Development of the Municipality Monoprofile (Surgut) // Problems of Regional Economy. 2015. No. 1 (22). P. 102–110. (In Russian).
15. On List of the System-Forming Organizations and Executive Bodies of the Public Authority of the Khanty-Mansi Autonomous Orkug – Ugra Responsible for Interaction with Them, and the Regulations for Monitoring the Financial and Economic Condition of System-Forming Organizations of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra : Resolution of the Government of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra No. 153-rp of 31.03.2020. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
16. Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie severo-arkticheskikh territorii Rossii: Monograph / Group of authors ; Eds. T. P. Skufyina, E. E. Emelyanova. Apatity : FITs KNTs RAN, 2019. 119 p. (In Russian).
17. The Strategy for Social and Economic Development of the Arkhangelsk Oblast up to 2035. URL: <https://economy.gov.ru/material/file/08be543e21dfe07f4d4a48e559603d7f/strategarch.pdf> (accessed: 21.11.2021). (In Russian).
18. On Adoption of the Strategy of Social and Economic Development of the Magadan Oblast up to 2030 :

- до 2030 года : постановление Правительства Магаданской области от 05.03.2020 № 146-пп. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561763699> (дата обращения: 21.11.2021).
19. Об утверждении стратегии социально-экономического развития Красноярского края до 2030 года : постановление Правительства Красноярского края от 30.10.2018 № 647-п. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550243058> (дата обращения: 21.11.2021).
 20. Об утверждении Стратегии социально-экономического развития Республики Карелия на период до 2030 года : распоряжение Правительства Республики Карелия от 29.12.2018 № 899р-П. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465420565> (дата обращения: 21.11.2021).
 21. О Стратегии социально-экономического развития Республики Коми на период до 2035 года : постановление Правительства Республики Коми от 11.04.2019 № 185. URL: https://econom.rkomi.ru/uploads/documents/185_pdf_2019-12-13_12-38-03.pdf (дата обращения: 21.11.2021).
 22. О стратегии социально-экономического развития республики Саха (Якутия) до 2032 года с целевым видением до 2050 года : закон республики Саха (Якутия) от 19.12.2018 2077-3 № 45-VI. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550299670> (дата обращения: 21.11.2021).
 23. О стратегии социально-экономического развития Ханты-Мансийского автономного округа – Югры до 2030 года: распоряжение Правительства Ханты-Мансийского автономного округа – Югры от 22.03.2013 № 101-рп. URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/897/Rasporyazhenie-Pravitelstva-KHMAO-_YUgry-ot-22.03.2013-N-101_gp.pdf (дата обращения: 21.11.2021).
 24. Проект стратегии социально-экономического развития Ямало-Ненецкого автономного округа. URL: <https://www.yanao.ru/documents/all/73108/> (дата обращения: 21.11.2021).
 25. Алексеев-Апраксин А. М., Богданова Р. Ю. Современные проблемы моногородов и их кластерная история // Человек и культура. 2019. № 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31068 (дата обращения: 30.11.2021).
 - Resolution of the Government of the Magadan Oblast No. 146-pp of 05.03.2020. URL: <https://docs.cntd.ru/document/561763699> (accessed: 21.11.2021). (In Russian).
 19. On Adoption of the Strategy of Social and Economic Development of the Krasnoyarsk Region up to 2030 : Resolution of the Government of the Krasnoyarsk Region No. 647-p of 30.10.2018. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550243058> (accessed: 21.11.2021). (In Russian).
 20. On Adoption of the Strategy of Social and Economic Development of the Republic of Karelia up to 2030 : Order of the Government of the Republic of Karelia No. 899r-P of 29.12.2018. URL: <https://docs.cntd.ru/document/465420565> (accessed: 21.11.2021). (In Russian).
 21. On Adoption of the Strategy of Social and Economic Development of the Republic of Komi up to 2035 : Resolution of the Government of the Republic of Komi No. 185 of 11.04.2019. URL: https://econom.rkomi.ru/uploads/documents/185_pdf_2019-12-13_12-38-03.pdf (accessed: 21.11.2021). (In Russian).
 22. On Adoption of the Strategy of Social and Economic Development of the Republic of Sakha (Yakutia) up to 2032 with Purpose-Oriented View up to 2050 : Law of the Republic of Sakha (Yakutia) 2077-3 No. 45-VI of 19.12.2018. URL: <https://docs.cntd.ru/document/550299670> (accessed: 21.11.2021). (In Russian).
 23. On Adoption of the Strategy of Social and Economic Development of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra up to 2030 : Order of the Government of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra No. 101-rp of 22.03.2013. URL: https://depeconom.admhmao.ru/upload/iblock/897/Rasporyazhenie-Pravitelstva-KHMAO-_YUgry-ot-22.03.2013-N-101_gp.pdf (accessed: 21.11.2021). (In Russian).
 24. The Strategy Project for Social and Economic Development of the Yamalo-Nenets Autonomous Okrug. URL: <https://www.yanao.ru/documents/all/73108/> (accessed: 21.11.2021). (In Russian).
 25. Alekseev-Apraksin A. M., Bogdanova R. Yu. Current Issues of Monotowns and Their Cluster History // Man and Culture. 2019. No. 5. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=31068 (accessed: 30.11.2021). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Воронина Евгения Васильевна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры менеджмента и бизнеса, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

E-mail: ugine_v@mail.ru

Мильчакова Наталья Николаевна – доктор экономических наук, профессор, профессор кафедры экономики и финансов, Тюменский государственный

ABOUT THE AUTHORS

Evgeniya V. Voronina – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Associate Professor, Department of Management and Business, Surgut State University, Surgut, Russia.

E-mail: ugine_v@mail.ru

Natalya N. Milchakova – Doctor of Sciences (Economics), Professor, Professor of the Department of Economics and Finance, University of Tyumen, Tyumen,

университет, Тюмень, Россия; профессор кафедры менеджмента и бизнеса, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

E-mail: n.n.milchakova@utmn.ru

Сергеева Ирина Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры государственного, муниципального управления и управления персоналом, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

E-mail: sergeeva_iv86@mail.ru

Russia; Professor, Department of Management and Business, Surgut State University, Surgut, Russia.

E-mail: n.n.milchakova@utmn.ru

Irina V. Sergeeva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of State and Municipal Management, Department of Personnel Management, Surgut State University, Surgut, Russia.

E-mail: sergeeva_iv86@mail.ru

УДК 338.28:622.3

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-39-48

МЕХАНИЗМЫ УЧЕТА ЭКОНОМИЧЕСКОГО ЭФФЕКТА ТИПИЗАЦИИ ПРОЕКТНЫХ РЕШЕНИЙ ОБЪЕКТОВ НЕФТЕГАЗОВОГО НАЗНАЧЕНИЯ

А. Н. Кравченко

ООО «Тюменский нефтяной научный центр», Тюмень, Россия

E-mail: ankravchenko-tnk@tnnc.rosneft.ru

Настоящая статья продолжает серию публикаций, посвященных проблематике оценки эффективности применения типовых решений в нефтегазовом секторе.

Российские нефтегазовые компании применяют при выпуске проектно-сметной документации типовые решения, которые в итоге должны привести к сокращению капитальных вложений, ресурсных и операционных затрат при проектировании и строительстве объектов. На государственном уровне в РФ поддерживается тренд типизации и унификации. Но в настоящее время отсутствует единый подход к оценке эффективности типовых решений. Авторами проведен анализ открытых источников, определены механизмы учета экономического эффекта типизации проектных решений, предложено видение оптимального подхода к оценке экономического эффекта типизации.

Ключевые слова: проектирование, оптимизация, типизация, унификация, стандартизация, типовое проектирование, эффект, экономическая эффективность.

Для цитирования: Кравченко А. Н. Механизмы учета экономического эффекта типизации проектных решений объектов нефтегазового назначения // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 39–48. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-39-48.

MECHANISMS FOR ACCOUNTING THE ECONOMIC EFFECT OF TYPIFICATION OF DESIGN SOLUTIONS FOR OIL AND GAS FACILITIES

A. N. Kravchenko

LLC Tyumen Oil Research Center, Tyumen, Russia

E-mail: ankravchenko-tnk@tnnc.rosneft.ru

The article continues a series of publications devoted to the assessment of the efficiency of standard solutions applied in the oil and gas sector.

The Russian oil and gas companies apply standard solutions in issuing the design and estimate documentation. These standard solutions should reduce capital investments, resource and operating expenditures in designing and constructing the facilities. In the Russian Federation the tendency of typification and unification is supported at the state level. However, at the present there is no unified approach to assess the efficiency of standard solutions. The authors analyzed the open resources, determined the mechanisms for accounting of economic effect of typification of design solutions, proposed the optimal approach to assess the economic effect of typification.

Keywords: design, optimization, typification, unification, standardization, standard design, effect, economic efficiency.

For citation: Kravchenko A. N. Mechanisms for Accounting the Economic Effect of Typification of Design Solutions for Oil And Gas Facilities // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 39–48. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-39-48.

ВВЕДЕНИЕ

Проектирование объектов нефтегазовой отрасли – это комплексный и трудоемкий процесс, в котором учитывается множество тех-

нических особенностей и взаимосвязей по самым различным направлениям деятельности.

Ранее было определено, что за счет применения типовых проектных решений и

унифицированного оборудования возможно достичь снижения стоимости проектирования, материально-технических ресурсов (МТР), а также строительно-монтажных работ (СМР) [1–2].

В результате изучения научных публикаций, посвященных методологии формирования механизмов учета экономического эффекта типизации проектных решений объектов нефтегазового назначения, выявлено, что применение типовых (унифицированных) проектных решений позволяет не только сократить сроки разработки проектной документации, добиться снижения ее стоимости, но и обеспечить в конечном итоге снижение сметной стоимости объектов капитального строительства (КС). Типовые проекты должны предусматривать технические решения, оптимальные по функциональным, техническим и экономическим показателям и позволяющие наиболее эффективно использовать капитальные вложения, широко применять индустриальные методы строительства и др. Оптимальность типовых решений должна подтверждаться технико-экономическими расчетами и сведениями о применении новых технологий и материалов, а экономический эффект должен подтверждаться механизмами учета.

Типизация и унификация начали внедряться еще в СССР и касались металлургической и машиностроительной промышленности, а также жилищного строительства.

В отношении современных производственных объектов типизация и тиражирование подкреплены стандартизацией применяемого технологического оборудования, требованиями к охране труда, промышленной и экологической безопасности. Часть эффективных решений при этом лежит за пределами ограничений, заданных нормами и правилами Российской Федерации. Для массового внедрения такой вариант неэффективен. Поэтому как российские, так и мировые лидеры нефтяной отрасли (Shell, BP, ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Газпром», ПАО «Лукойл», ПАО «Транснефть», ОАО «Сургутнефтегаз» и др.) занимаются развитием собственных систем стандартизации, унификации и типизации.

Крупные иностранные предприятия (Shell, BP, Eni и др.) имеют опыт стандартизации внутри компаний, а также вкладывают средства в разработку и внедрение международных стандартов, что обусловлено сложившейся практикой проведения тендеров при реализации крупных инвестиционных проектов, где международные стандарты выступают в качестве поставочных спецификаций.

Концерн Shell и Китайская национальная нефтегазовая корпорация создали совместное предприятие, которое предоставляет комплексные услуги и разрабатывает инновационные системы для типового строительства скважин по стандартным проектам с использованием стандартных компонентов. Все проекты индивидуальны, при этом в каждом из них присутствуют стандартные, типовые элементы, которые можно повторить в других проектах, что позволяет сокращать затраты и сроки выполнения работ.

Локализация технических требований в Exxon Mobil осуществляется путем уточнения/детализации положений документов уровня Global Practice (GL) с целью адаптации документов GL под конкретные локальные условия проекта, в том числе для:

- обеспечения соответствия действующей нормативной базе;
- оптимизации технических решений, исходя из сочетания локальных условий/факторов;
- обеспечения необходимого уровня надежности, безопасности, долговечности, HSE.

В российских нефтегазовых компаниях (ПАО «НК «Роснефть», ПАО «Газпром нефть», ПАО «Газпром», ПАО «Транснефть» и др.) развитие получили работы по созданию корпоративных систем и стандартов, при этом следует отметить различия в уровне стандартизации и «открытости» компаний, что приводит к тематической и структурной разобщенности создаваемых стандартов.

В ПАО «НК «Роснефть» создана система типового проектирования [3], которая объединяет лучшие практики и с точки зрения структуры и идеологии развивается аналогично системам стандартизации, успешно функционирующим в ведущих западных и российских нефтегазовых компаниях. В ПАО «НК «Роснефть» особенностью про-

граммы типизации проектных и технических решений является многоуровневый подход, достижение которого связано с внедрением локальных нормативных документов (методология, объемы типового проектирования, проектные дисциплины, макрорегионы, взаимодействие между участниками, охват элементов и объектов типизацией и т. д.). Детализация подразумевает не только разработку, но и внедрение типовой документации, в состав которой входят унифицированные элементы, заказная документация, проектные и технические решения и т. д. [4].

В ПАО «Газпром нефть» был разработан модульный подход к обустройству месторождений [5]. Унификация блочно-модульных решений и типовая документация (типовые проектные решения, опросные листы, конструкторская документация) позволяют сократить сроки проектирования и поставки блочно-модульных единиц на площадку. В настоящее время модульный подход принят в компании в качестве стандарта для опытно-промышленной эксплуатации новых месторождений. Также в 2020 г. был создан прототип экспертной системы по подбору типовых технологических решений для трудноизвлекаемых запасов ачимовской толщи [6].

В ПАО «Транснефть» наработан большой объем технических типовых решений: разработаны типовые проекты по основным элементам нефтепроводов (задвижки, переходы через препятствия, камеры СОД и т. д.), имеется значительное количество типовых проектов по резервуарам [7]. Типовые проекты прошли апробацию при применении на объектах проектирования.

ПАО «Газпром» разработаны унифицированные проектные решения [8] для капитального ремонта линейной части (в различных условиях), они могут использоваться как шаблоны (образцы) для разработки документации капитального ремонта газопроводов. Также разработаны унифицированные проектные решения для небольших площадочных объектов (задвижки, переходы и т. п.). Разработан ряд унифицированных проектных решений по ремонту подводных переходов.

Итак, типовое проектирование является важным элементом в интенсивном развитии

крупных предприятий и организаций. Тренд типизации и унификации развивается многими нефтегазовыми компаниями и поддерживается на государственном уровне.

Документация типового проектирования используется в качестве шаблонов (образцов) при разработке проектной продукции, в состав которой входят детализированные, апробированные и согласованные технические решения. Применение данной документации приводит к значительному снижению капитальных вложений и прочих затрат (ресурсных и операционных) как при проектировании, так и при строительстве объектов [4].

Обязательное использование критериев экономической эффективности проектной документации повторного использования распространяется только на объекты КС, строительство которых обеспечивается федеральным органом исполнительной власти или органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации. Для других объектов инженерной инфраструктуры типизация и стандартизация проектной документации осуществляются путем включения ее в федеральный реестр экономически эффективной проектной документации повторного использования [9].

Экономическая эффективность проектной документации повторного использования должна подтверждаться положительным заключением государственной экспертизы и положительным заключением о достоверности определения сметной стоимости строительства объекта капитального строительства [10–11].

Целью применения механизмов учета экономического эффекта типизации проектных решений является не только определение правильности выбранного курса стандартизации, но и мониторинг достижения заявленных стратегических задач нефтегазовых компаний (достижение целевого эффекта, охват проектов документацией типового проектирования, востребованность документации типового проектирования, формирование и учет отказов от применения типовой документации).

Анализ открытых источников показал отсутствие единого подхода компаний к оцен-

ке эффективности разработанных типовых решений [12–20].

В настоящей статье будут рассмотрены существующие механизмы учета и контроля эффекта от типизации проектных решений.

Целью исследования является выявление механизмов учета экономического эффекта типизации проектных решений объектов нефтегазового назначения.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объектом исследования выступают отечественные компании нефтегазового комплекса.

Автором обобщен современный опыт формирования механизмов учета экономического эффекта типизации проектных решений объектов нефтегазового назначения с применением аналитического и сравнительного метода.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Механизмы учета экономического эффекта типизации проектных решений. В результате анализа мирового опыта по типовому проектированию, в частности накопившегося опыта отечественных компаний нефтегазовой сферы, не удалось определить единые инструменты и механизмы учета экономического эффекта типизации проектных решений, позволяющие структурировать информацию, отслеживать достижение стратегических целей и принимать управленческие решения.

Однако среди существующего многообразия механизмов можно выделить 2 основных варианта (направления):

1. Экономический эффект за счет внедрения типизированных проектных и технических решений, оптимизирующих трудозатраты по разработке проектной продукции при повторном ее применении и способствующих сокращению трудозатрат в рамках закупки материально-технических ресурсов [16].

2. Механизм расчета эффекта способом тиражирования. Методика основана на принципах определения экономической эффективности стандартизации (применяемой в СССР согласно ГОСТ 20779-81 «Экономическая эффективность стандартизации. Методы определения. Основные положения»).

Оба варианта (направления) оценки имеют свои преимущества и недостатки. Рассмотрим их более подробно.

1-й вариант. Базовым принципом первого механизма является метод технико-экономического сравнения решений, предусмотренных в объекте-аналоге, с объектом капитального строительства с применением типовых решений.

Основное преимущество этого метода оценки – его простота: необходимы типовые решения и объект, запроектированный без их применения. Используются накопленные данные об ожидаемом результате внедрения типовой документации и фактические данные о внедрении документации типового проектирования, полученные методом полноценного сравнения проектных решений объекта с применением типовых решений и объекта-аналога без них.

По прошествии некоторого временного периода с учетом накопления проектных документов с примененными типовыми решениями возможно создание сводного перечня и интегральных показателей эффектов применения типовых решений по объектам проектирования.

При этом к типовой проектной документации относятся в первую очередь технические и проектные решения, без включения сметной документации. В результате отсутствует возможность проведения сравнительного анализа для оценки экономической эффективности от внедрения типовой документации. Эффект при этом определяется в натуральных показателях (меньше/больше ресурсов и работ), которые в последствии могут быть типизированы.

2-й вариант. Второй механизм оценки эффекта применения типовых решений основан на принципах определения экономической эффективности стандартизации, применяемых в СССР согласно ГОСТ 20779-81. Экономическая эффективность типизации рассматривается комплексно с учетом всех экономических, технических и организационных аспектов, а также объема и продолжительности внедрения.

Должны быть определены коэффициенты влияния типовой документации на расчет-

ную стоимость строительства путем сравнения долей стоимости строительства сооружений, проектируемых с типовой документацией, в общей стоимости проектируемых объектов капитального строительства и эффекта от применения типовых проектных решений.

В стоимости проектных работ оценка выполняется посредством включения установленных коэффициентов типизации в базовую стоимость проектирования объектов. Указанные коэффициенты должны быть рассчитаны для типовых объектов с учетом регионального принципа.

Базовая стоимость разработки проектной продукции с применением типовых решений рассчитывается по формуле:

$$C_T = C \cdot K_T, \quad (1)$$

где C – базовая стоимость разработки проектной (ПД) и рабочей документации (РД), рассчитанная на основании Методических указаний по применению справочников базовых цен на проектные работы в строительстве, утвержденных приказом Минрегиона РФ от 29.12.2009 № 620;

K_T – коэффициент типизации.

В стоимости строительно-монтажных работ оценка выполняется посредством учета экономии всех видов ресурсов, необходимых для строительства (материалы, технологическое оборудование, строительная техника, машино-часы, человеко-часы, горюче-смазочные материалы и т. п.), возникающей от:

- внедрения типовых проектных решений, уже содержащих мероприятия по экономии строительных ресурсов;

- разработки уникальных проектных решений на комплекс технологических объектов с применением правил и методов проектирования, которые позволяют оптимизировать состав и расположение объектов в пространстве; учитывать для объектов в комплексе синергетический эффект при назначении технико-экономических показателей, в том числе имеющих в проекте динамику развития; снижать совокупные технологические риски; минимизировать резервы по мощности.

Эффект обеспечивается за счет воспроизведения как в разрезе каждого входящего

в состав объекта КС здания/сооружения, так и по объекту КС в целом экономии материальных ресурсов, которая была зафиксирована как расчетная.

Оценка эффекта от снижения стоимости МТР выполняется посредством учета снижения фактических затрат на закупку оснащенных типовой заказной документацией МТР по долгосрочным прейскурантным договорам по отношению к их начальной минимальной (рыночной) цене. Эффект применения типовой документации для МТР носит в основном качественный характер, но отдельные направления данного эффекта могут быть оценены в стоимостном выражении. Стоимостная оценка эффекта отражает результат снижения закупочной цены по сравнению с рыночной для МТР, закупаемых по долгосрочным прейскурантным договорам, когда компания получает значительные скидки от объема закупаемой продукции. Применение фактической цены на закупленные в процессе долгосрочных прейскурантных договоров МТР в сметных расчетах позволяет снизить резерв капитальных вложений (КВ) на объект, внесенный в титульный список строительства, как минимум, на величину вышеупомянутого снижения.

В итоге мы имеем достаточно трудоемкий сложный механизм, при котором последовательно проводится оценка множества показателей каждого проекта, сравнение плановых и фактических результатов. Достигнутый эффект может нивелироваться увеличением трудозатрат на его оценку.

Альтернативный вариант. Необходимо отметить целесообразность дальнейшего развития и совершенствования данных методологических подходов. Альтернативным и оптимальным направлением видится симбиоз между первым и вторым вариантом механизма учета экономического эффекта типизации проектных решений.

На первых этапах развития типизации экономический эффект будет достигаться за счет оптимизации трудозатрат на проектную деятельность при повторном использовании проектной продукции и сокращения трудозатрат в рамках закупочной деятельности, а также за счет типизации только оптимальных с технико-экономической точки зрения

решений. При этом экономический эффект от применения типовых проектных решений должен возрастать пропорционально масштабу применения наработанной типовой продукции.

На основе фактической стоимости уже реализованных проектов определяется средняя стоимость каждой стадии и среднее значение операционных затрат. Объекты для сравнения должны выбираться с соблюдением условий сопоставимости по функциональному назначению, техническим условиям, согласно климатическому районированию, а в случае сравнения объектов – с учетом привязки по инженерно-геологическим условиям.

Накопленный массив данных по эффективности применения типовой продукции станет основой формирования методологии определения удельных показателей стоимости строительства объектов капитального строительства.

Ключевым показателем успеха типизации является охват проектной документации типовыми решениями, а также эффективность

проектных решений по сравнению с аналогичными решениями, применявшимися до ее внедрения.

Наряду со сравнительными критериями экономической эффективности проектной документации возможно определение пороговых и расчетных показателей эффективности применения типовой документации. Поэтому следующим этапом оценки эффективности является разработка методологии определения целевых и плановых показателей эффекта при бизнес-планировании.

Целесообразно ежегодно выполнять определение пороговых показателей от объемов КВ объектов плана проектно-изыскательских работ (ПИР) отчетного года с доведением до участников процесса (проектных организаций и заказчиков). При этом для определения порогового показателя эффекта оптимизации КВ необходимо привлечение заказчиков проектной продукции, которые могут самостоятельно выбирать подходящие проекты по схеме, представленной на рисунке.

**Рисунок. Принцип формирования порогового значения эффекта
за счет применения документации типового проектирования**

Примечание: составлено автором.

Расчетный показатель эффекта оптимизации капитальных вложений за счет применения типовых решений является замыкающим инструментом внутрисистемного контроля, подтверждающим, что все предусмотренные

документацией типового проектирования оптимизационные решения реализованы в проекте.

Подобный метод оценки эффективности применения типовых решений успешно

функционирует в ПАО «НК «Роснефть», где с 2013 г. развивается система типового проектирования [3].

Данный механизм сбора и фиксации эффектов от применения документации типового проектирования является наиболее эффективным инструментом с обратной связью для повышения результативности применения типовых решений.

Инструменты мониторинга эффективности. Учитывая тот факт, что цели и задачи типизации проектных решений часто интегрированы в реализацию стратегических задач нефтегазовых компаний [21], основной вектор развития типизации связан с разработкой и внедрением инструментов и методик, обеспечивающих расширение использования типовых решений и автоматизацию бизнес-процессов в проектной зоне. Из-за сложности и трудоемкости процедуры оценки эффективности типизации проектных решений особое значение имеет процедура мониторинга эффективности.

Целью мониторинга эффекта от применения типовых решений является подтверждение снижения стоимости объектов капитального строительства, проектная документация на строительство которых разработана с применением типовой документации.

Процедура мониторинга включает в себя сбор, обработку и оценку данных, сравнение плановых и фактических показателей эффективности.

Для фиксации реального эффекта от применения документации типового проектирования в стоимости ПИР, МТР и капитального строительства необходимы инструменты сбора и фиксации данных с обратной связью для повышения результативности применения типовой документации.

Создание и развитие механизмов и инструментов фиксации и учета экономического эффекта типизации проектных решений объектов нефтегазового назначения позволит структурировать информацию, отслеживать достижение стратегической цели и принимать управленческие решения.

Портальные решения. В качестве такого инструмента, особенно в период актуальности дистанционной работы, связанной с неблагоприятными санитарно-эпидемиологи-

ческими условиями, могут использоваться корпоративные порталы (сайты) с интегрированным функционалом мониторинга эффективности применения документации типового проектирования.

Инструмент автоматизированного мониторинга/визуализации данных о подтвержденном в проектно-сметной документации (ПСД) эффекте от применения документации типового проектирования поможет снизить трудоемкость рутинных процессов по проверке ПСД на соответствие требованиям типовых проектных решений, упростит и автоматизирует процедуры сбора и анализа данных по эффектам от применения типовой документации в стоимости ПИР, МТР, СМР.

Структурированная информация позволяет отслеживать факт достижения экономического эффекта от применения типовых проектных решений для каждого проекта. Верификация отчетности и мониторинга эффективности применения типовых решений позволит управлять рисками выполнения целевых показателей.

Примером портального решения является корпоративный портал системы типового проектирования ПАО «НК «Роснефть» [1].

Информационные системы управления. Актуальным является также развитие функциональности корпоративных информационных систем для снижения рутинных процессов трудовой деятельности специалистов обществ нефтегазовой отрасли и проектных институтов. Внедрение таких продуктов позволит любому проектировщику быть в курсе последних новостей и технологий в области проектирования, пользоваться современными инструментами в области IT-технологий и получать рекомендации по выбору оптимальных проектных решений, в том числе и типовых, в соответствии с указанным набором исходных данных. Подобные системы могут стать эффективными инструментами реинжиниринга бизнес-процессов ПИР.

Примером такой системы является «Программа для управления инженерными данными и технической документацией для обеспечения технологии типового проектирования» ПАО «НК «Роснефть». Данное программное средство предназначено для обеспечения совместного доступа добываю-

щих обществ и проектных институтов ПАО «НК «Роснефть» к типовой проектной документации, контроля и автоматизации процессов ее применения [22].

На основании вышеизложенного можно сделать вывод, что постоянный мониторинг эффективности применения типовой документации является базовым инструментом реализации технических политик современных нефтегазовых компаний, снижающим нагрузку на инструменты контроля всех уровней.

Развитие типового проектирования позволяет реализовать качественные и экономические преимущества тиражирования оптимальных технических решений, выраженные в повышении качества проектных решений, сокращении затрат и сроков проектирования и ведения строительно-монтажных работ.

Затраты на проработку типовых решений позволяют в итоге повысить эффективность и оптимизировать капитальные вложения в строительстве, снизить трудоемкость рутинных процессов в проектной зоне и использовать высвободившиеся ресурсы на поиск новых прорывных инновационных решений.

Примером эффективной работы в направлении типизации является ПАО «НК «Роснефть»: «Развитие системы типового проектирования Компании и ее активное внедрение в производственную деятельность к настоящему времени обеспечили охват объектов Компании типовыми проектными решениями в 83 % (35 % в 2016 г.), что позволило получить эффект при планировании капитальных вложений на 2018–2022 гг. более 31 млрд руб.» [23].

В соответствии с проведенным исследованием открытых источников отмечаем,

что в настоящее время в компаниях нефтегазового сектора отсутствует единый подход к оценке эффективности применения типовых решений, что в какой-то степени обусловлено отсутствием соответствующих нормативно-технических документов государственного уровня.

В настоящей статье отражены два основных варианта механизма оценки эффективности применения типовых решений. Среди рассмотренных механизмов, в т. ч. советских, оптимальным является альтернативное сочетание сложной схемы с упрощенной, дополненной инструментами цифровизации и автоматизации.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная статья является частью серии публикаций об экономической эффективности типизации объектов нефтегазового назначения. Ранее было рассмотрено снижение стоимости проектирования, снижение стоимости МТР, а также снижение стоимости строительно-монтажных работ за счет применения типовых проектных решений и унифицированного, типизированного, блочного оборудования.

Проанализированы механизмы учета экономического эффекта типизации проектных решений объектов нефтегазового назначения с использованием инструментов цифровизации и автоматизации.

По мнению автора, потенциальный экономический эффект от типизации проектных решений объектов нефтегазового назначения может достигаться за счет снижения стоимости СМР (до 2 %) и закупок МТР (до 3 %). В дальнейшем планируется исследовать технологии повышения эффективности типизации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кравченко А. Н., Косарев А. С., Павлов В. А. и др. Типовое проектирование – на пульсе времени // Нефтяное хозяйство. 2020. № 11. С. 13–15.
2. Кравченко А. Н. Возрождение института типового проектирования как фактор эффективности деятельности компании нефтегазовой отрасли в России // Инженер-нефтяник. 2020. № 4. С. 5–7.
3. Глушков Е. А., Гнилицкий Р. А., Бакшеев С. Е. и др. Система типового проектирования в ПАО «НК «Роснефть»: ключевые аспекты внедрения и перспективы развития // Нефтяное хозяйство. 2019. № 3. С. 78–80.

REFERENCES

1. Kravchenko A. N., Kosarev A. S., Pavlov V. A. et al. Standard Design – Moving with the Times // Oil Industry. 2020. No. 11. P. 13–15. (In Russian).
2. Kravchenko A. N. Revival of the Institute of Standard Design as an Efficiency Factor of Oil and Gas Companies in Russia // Inzhener-neftianik. 2020. No. 4. P. 5–7. (In Russian).
3. Glushkov E. A., Gnilitzky R. A., Baksheev S. E. et al. Standard Design System in Rosneft Oil Company: Key Aspects of Implementation and Development Potential // Oil Industry. 2019. No. 3. P. 78–80. (In Russian).

4. Сушко Ю. В., Каверин А. А., Коркин А. М., Агафонцев А. Ф., Шафиков И. С. Подходы к типизации проектных решений в ОАО «НК «Роснефть» // Нефтяное хозяйство. 2013. № 11. С. 61–63.
5. Сугаипов Д. А., Батрашкин В. П., Хасанов М. М. и др. Основные принципы модульной стратегии обустройства месторождений в ПАО «Газпром нефть» // Нефтяное хозяйство. 2018. № 12. С. 68–71.
6. Годовой отчет 2020 ПАО «Газпром нефть». URL: https://ar2020.gazprom-neft.ru/download/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_gazprom-neft_2020.pdf (дата обращения: 20.10.2021).
7. Заметки ГИПа. «Модная тема» типового проектирования. URL: http://transenergostroy.ru/blog/zametki_gipa_modnaya_tema_tipovogo_proektirovaniya.html (дата обращения: 09.10.2021).
8. Унификация проектных решений – выгода для всех участников процесса // Проектировщик. 2019. № 10 (45). С. 4–5.
9. О формировании реестра типовой проектной документации и внесении изменений в некоторые постановления Правительства Российской Федерации : постановление Правительства РФ от 27.09.2011 № 791 (с изменениями и дополнениями). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. О критериях экономической эффективности проектной документации : постановление Правительства РФ от 12.11.2016 № 1159. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
11. О порядке признания проектной документации экономически эффективной проектной документацией повторного использования : постановление Правительства РФ от 31.03.2016 № 389. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420395384> (дата обращения: 09.10.2021).
12. Шнайдер О. В., Федулова Н. Н. Основные пути повышения эффективности использования производственного потенциала предприятия // Балканское научное обозрение. 2017. № 1. С. 40–42.
13. Щербакова Н. С. Направления повышения эффективности деятельности в области государственного регулирования ТЭК // Управление экономическими системами: электронный научный журнал. 2017. № 2 (96). С. 27.
14. Рыбин М. В. Применение ключевых показателей эффективности инновационного развития в отечественных и зарубежных предприятиях топливно-энергетического комплекса // Друкеровский вестник. 2019. № 5 (31). С. 57–62.
15. Некрасов А. С., Синяк Ю. В. Перспективы развития ТЭК России на период до 2030 года // Проблемы прогнозирования. 2007. № 4. С. 21–55.
16. Каверин А. А., Коркин А. М., Беляев П. В. Оценка эффекта от внедрения системы типового проектирования в ОАО «НК «Роснефть» // Нефтяное хозяйство. 2015. № 11. С. 60–63.
17. Кудряшов С. И., Белкина Е. Ю., Исмагилов А. Ф. и др. Мониторинг стоимости строительства объек-
4. Sushko Yu. V., Kaverin A. A., Korkin A. M., Agafontsev A. F., Shafikov I. S. Unified Design Solutions in Rosneft Oil Company // Oil Industry. 2013. No. 11. P. 61–63. (In Russian).
5. Sugaipov D. A., Batrashkin V. P., Khasanov M. M. et al. Principles of Gazprom Neft's Modular Strategy for Field Infrastructure Development // Oil Industry. 2018. No. 12. P. 68–71. (In Russian).
6. Godovoi otchet 2020 PAO "Gazprom neft". URL: https://ar2020.gazprom-neft.ru/download/full-reports/ar_ru_annual-report_pages_gazprom-neft_2020.pdf (accessed: 20.10.2021). (In Russian).
7. Zametki GIPa "Modnaya tema" tipovogo proektirovaniia. URL: http://transenergostroy.ru/blog/zametki_gipa_modnaya_tema_tipovogo_proektirovaniya.html (accessed: 09.10.2021). (In Russian).
8. Unifikatsiia proektnykh reshenii – vygoda dlia vsehkh uchastnikov protsessa // Proektirovshchik. 2019. No. 10 (45). P. 4–5. (In Russian).
9. On Formation of Standard Design Documentation Register and Amendments into Some Resolutions of the Government of the Russian Federation : Resolution of the Government of the Russian Federation No. 791 of 27.09.2011 (with Amendments). Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". (In Russian).
10. On Criteria of Economic Efficiency of Design Documentation : Resolution of the Government of the Russian Federation No. 1159 of 12.11.2016. Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". (In Russian).
11. On Order of Approving Design Documentation as the Economic Efficient Design Documents for Reuse : Resolution of the Government of the Russian Federation No. 389 of 31.03.2016. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420395384> (accessed: 09.10.2021). (In Russian).
12. Shnaider O. V., Fedulova N. N. The Main Ways of Increase of Efficiency of Use of Industrial Potential of the Enterprise // Balkan Scientific Review. 2017. No. 1. P. 40–42. (In Russian).
13. Shcherbakova N. S. Napravleniia povysheniia effektivnosti deiatelnosti v oblasti gosudarstvennogo regulirovaniia TEK // Upravlenie ekonomicheskimi sistemami: elektronnyi nauchnyi zhurnal. 2017. No. 2 (96). P. 27. (In Russian).
14. Rybin M. V. The Use of Key Performance Indicators of Innovative Development in Domestic and Foreign Enterprises of the Fuel and Energy Complex // Drukenovskij vestik. 2019. No. 5 (31). P. 57–62. (In Russian).
15. Nekrasov A. S., Sinyak Yu. V. Perspektivy razvitiia TEK Rossii na period do 2030 goda // Problemy prognozirovaniia. 2007. No. 4. P. 21–55. (In Russian).
16. Kaverin A. A., Korkin A. M., Belyaev P. V. Assessment of Effects from Implementation of Unified Design Solutions in Rosneft Oil Company OJSC // Oil Industry. 2015. No. 11. P. 60–63. (In Russian).
17. Kudryashov S. I., Belkina E. Yu., Ismagilov A. F. et al. Cost Monitoring in Oilfield Construction at Dif-

- тов обустройства месторождений на различных стадиях инвестиционного цикла // Нефтяное хозяйство. 2015. № 11. С. 72–75.
18. Silka D., Butyrin A. Development of a System of Standard Designs in Industrial Construction // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 244. P. 05013.
19. Winiarski D., Halverson M., Jiang W. DOE's Commercial Building Benchmarks: Development of Typical Construction Practices for Building Envelope and Mechanical Systems from the 2003 Commercial Building Energy Consumption Survey // Proceedings from the 2008 ACEE Summer Study on Energy Efficiency in Buildings. 2008. P. 3-354–3-369.
20. Neves L. O., Melo A. P., Rodrigues L. L. Energy Performance of Mixed-Mode Office Buildings: Assessing Typical Construction Design Practices // Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 234. P. 451–466.
21. Новая стратегия «Роснефть-2022». URL: <https://www.rosneft.ru/docs/report/2017/ru/strategy.html> (дата обращения: 12.11.2021).
22. Коркин А. М., Павлов В. А., Мотус С. Э. и др. Автоматизация применения типовой проектной документации в НК «Роснефть» // Нефтяное хозяйство. 2018. № 8. С. 100–101. DOI 10.24887/0028-2448-2018-8-100-101.
23. Годовой отчет 2019 ПАО «НК «Роснефть». URL: <https://www.rosneft.ru/docs/report/2019/index.html> (дата обращения: 20.11.2021).
- ferent Stages of the Investment Cycle // Oil Industry. 2015. No. 11. P. 72–75. (In Russian).
18. Silka D., Butyrin A. Development of a System of Standard Designs in Industrial Construction // E3S Web of Conferences. 2021. Vol. 244. P. 05013.
19. Winiarski D., Halverson M., Jiang W. DOE's Commercial Building Benchmarks: Development of Typical Construction Practices for Building Envelope and Mechanical Systems from the 2003 Commercial Building Energy Consumption Survey // Proceedings from the 2008 ACEE Summer Study on Energy Efficiency in Buildings. 2008. P. 3-354–3-369.
20. Neves L. O., Melo A. P., Rodrigues L. L. Energy Performance of Mixed-Mode Office Buildings: Assessing Typical Construction Design Practices // Journal of Cleaner Production. 2019. Vol. 234. P. 451–466.
21. Novaia strategiiia “Rosneft-2022” URL: <https://www.rosneft.ru/docs/report/2017/ru/strategy.html> (accessed: 12.11.2021). (In Russian).
22. Korkin A. M., Pavlov V. A., Motus S. E. et al. Automated Use of Standard Design Documentation in Rosneft Oil Company // Oil Industry. 2018. No. 8. P. 100–101. DOI 10.24887/0028-2448-2018-8-100-101. (In Russian).
23. Godovoi otchet 2019 PAO "NK "Rosneft". URL: <https://www.rosneft.ru/docs/report/2019/index.html> (accessed: 20.11.2021). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Кравченко Александр Николаевич – начальник управления по развитию систем проектирования, ООО «Тюменский нефтяной научный центр», Тюмень, Россия.

E-mail: ankravchenko-tnk@tnnc.rosneft.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksandr N. Kravchenko – Head, Department of Design Systems Development, LLC Tyumen Oil Research Center, Tyumen, Russia.

E-mail: ankravchenko-tnk@tnnc.rosneft.ru

УДК 338.482.22-053.2

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-49-58

РАЗВИТИЕ ИНКЛЮЗИВНОГО ДЕТСКОГО ТУРИЗМА НА ТЕРРИТОРИИ ПСКОВСКОЙ ОБЛАСТИ КАК ПРИГРАНИЧНОГО СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Э. А. Круг [✉], Ю. В. Дмитриева

Псковский государственный университет, Псков, Россия

[✉] E-mail: eleonora_krug@mail.ru

В статье предлагаются к осмыслению вопросы состояния и развития инклюзивного детского туризма на территории приграничного субъекта Российской Федерации (на примере Псковской области). В соответствии со стратегией развития внутреннего туризма в РФ продвигается инициатива разработки и внедрения новых туристических направлений для детей с разной степенью инвалидности. В ракурсе Концепции ценностей устойчивого развития предлагается понимание детского инклюзивного туризма как организованного вида путешествия лиц с ограниченными возможностями физиологического, психологического и духовного характера с целью приобщения детей к природе, познания мира и развития личности, а также для обучения, воспитания и оздоровления.

Представлены результаты исследования формирования и реализации регионального туристического продукта для граждан с ограниченными возможностями здоровья в возрасте от 7 до 18 лет. Проведен анализ базовых статистических показателей, демонстрирующих рост численности детей-инвалидов, рассмотрено развитие детского туризма и внедрение инклюзивных туристских маршрутов для детей-инвалидов. Разработаны рекомендации по реализации региональной политики в сфере инклюзивного детского туризма на территории Псковской области.

Ключевые слова: инклюзия, инклюзивный туризм, дети-инвалиды, доступная среда, барьеры развития.

Для цитирования: Круг Э. А., Дмитриева Ю. В. Развитие инклюзивного детского туризма на территории Псковской области как приграничного субъекта Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 49–58. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-49-58.

DEVELOPMENT OF INCLUSIVE CHILDREN TOURISM IN THE TERRITORY OF PSKOV OBLAST AS A BORDER SUBJECT OF THE RUSSIAN FEDERATION

E. A. Krug [✉], Yu. V. Dmitrieva

Pskov State University, Pskov, Russia

[✉] E-mail: eleonora_krug@mail.ru

The article proposes to comprehend the issues of the state and development of inclusive children tourism on the territory of the border subject of the Russian Federation (on the example of the Pskov Oblast). According to the strategy of the development of domestic tourism in the Russian Federation, an initiative is being promoted to develop and implement new tourist destinations for children with various disabilities. From the perspective of the Concept of Sustainable Development Values, it is proposed to understand children inclusive tourism as an organized type of travel for persons with physiological, psychological and spiritual disabilities in order to familiarize children with nature, discover the world and develop a personality, as well as for education, upbringing and health improvement.

The results of the study on the formation and implementation of a regional tourism product for the category of citizens “with disabilities” aged from 7 to 18 years old are presented. The analysis of basic statistical indicators demonstrating an increase in the number of disabled children, the development of children tourism, the implementation of inclusive tourist routes for children with disabilities is carried out. Recom-

mendations for the implementation of regional policy in the field of inclusive children tourism in the Pskov Oblast are developed.

Keywords: inclusion, inclusive tourism, disabled children, accessible environment, development barriers.

For citation: Krug E. A., Dmitrieva Yu. V. Development of Inclusive Children Tourism in the Territory of Pskov Oblast as a Border Subject of the Russian Federation // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 49–58. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-49-58.

ВВЕДЕНИЕ

Развитие детского инклюзивного туризма на территории субъекта Российской Федерации связано с видами поддержки, получившими непросто наименование «инклюзивная туристская практика», а также с управлением организацией жизни и деятельности детей с ограниченными возможностями здоровья.

Несмотря на возрастающий интерес к развитию инклюзивного туризма (О. А. Аникеева [2], Н. М. Борисенко-Клепач [5], Н. В. Маньшина [4], Л. А. Межова [3], В. Д. Иванова [8] и др.), в научных исследованиях и стратегических документах регионального развития не определены и юридически не закреплены в полной мере целевые ориентиры в управлении развитием детской туристской отрасли в ракурсе инклюзивной практики.

Цель настоящей статьи – ознакомить с результатами исследования на предмет выявления результативности развития детского инклюзивного туризма на территории Псковской области как приграничного субъекта Российской Федерации.

Степень изученности проблемы связана со спецификой регионального развития приграничных территорий РФ, которая характеризуется рядом проблем:

- 1) унификацией нормативно-правового регулирования туристской деятельности;
- 2) недостаточным вниманием органов власти к значимости базовых исторически обусловленных ракурсов регионального развития (практически не учитываются в определении программно-целевых ориентиров при разработке и внедрении туристских проектов).

Научная новизна проводимого исследования обусловлена оценкой результативности развития сферы детского инклюзивного туризма, направленного на повышение уровня коммуникации детей с ограниченными возможностями здоровья и передвижения на

территории субъекта РФ. Фактор приграничности региона оценивается как один из самых значимых для развития детского туризма.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Процесс исследования включал несколько этапов. На первом этапе были обозначены концептуально-правовые ориентиры в области развития детского инклюзивного туризма. На втором этапе проводилось сопоставление численности исследуемой категории детей, проживающих в Псковской области, с аналогичным показателем в разрезе субъектов Северо-Западного федерального округа. Формировались исходные данные, описывающие численность детей-инвалидов на территории Псковской области в динамике 2013–2020 гг. На третьем этапе определялись основные проблемы в области развития инклюзивного туризма, а также были представлены основные формы туризма для детей-инвалидов, рассмотрена организация работы с детьми-инвалидами в регионе.

В качестве исходной информации использовались данные официальной статистической отчетности; результаты опроса руководителей организаций, работающих с детьми-инвалидами и представителей туристических фирм региона.

Методика анализа нацелена на выявление историко-культурной и социально-экономической взаимообусловленности приоритетов развития детского инклюзивного туризма с учетом ресурсного потенциала территорий и ориентирована на:

- 1) изучение концептуально-правовых ориентиров развития детского инклюзивного туризма;
- 2) анализ базовых показателей развития детского инклюзивного туризма в разрезе нескольких лет (на примере Псковской области);
- 3) общую характеристику деятельности в области развития детского инклюзивного туризма (на примере Псковской области).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Концептуально-правовые ориентиры развития детского инклюзивного туризма (на примере Псковской области). Туризм – это сложный комплекс, имеющий в своей структуре множество отраслей. Он обеспечивает решение проблем социально-экономического характера как на территории страны, так и в отдельных территориальных образованиях.

В России согласно Федеральному закону от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» туризм – это временные выезды (путешествия) граждан Российской Федерации, иностранных граждан и лиц без гражданства (далее – лица) с постоянного места жительства в лечебно-оздоровительных, рекреационных, познавательных, физкультурно-спортивных, профессионально-деловых, религиозных и иных целях без занятия деятельностью, связанной с получением дохода от источников в стране (месте) временного пребывания [1].

В соответствии с поручением Президента РФ были обозначены концептуальные аспекты развития российского туризма. Одним из основополагающих направлений Стратегии поддержки внутреннего туризма до 2035 г. является поддержка инклюзивного и детского туризма.

Инклюзия, вне зависимости от вероисповедания человека, изначально понималась не только как физическая немощь, но и как несостоятельность духовного характера, как решимость и невозможность самостоятельно преодолеть определенные барьеры на пути духовного и физического продвижения, а в ряде случаев и как невозможность общения к путешествию вообще.

Бытовало понимание инклюзии и как временного ограничения, как способности к преодолению «естественных», природных барьеров, как поиска и обнаружения «доступной среды» (географические открытия, новые тропы, новые маршруты), как самораскрытия, перерождения [2].

Дефиниция «инклюзивный туризм» с позиции разных авторов представлена в табл. 1.

Таблица 1

Дефиниция «инклюзивный туризм»: позиции разных авторов

Автор	Определение
Межова Л. А. Летин А. Л. Луговская Л. А. [3]	Процесс развития туризма нацелен на доступность объектов туристской деятельности для людей разного возраста. Основным условием данного вида туризма является приспособление созданной инфраструктуры туристских комплексов и объектов туристской деятельности к определенным потребностям граждан с ограниченными возможностями, а также сопровождающих их лиц
Маньшина Н. В. [4]	Туризм, основной целью которого является доступность для людей с постоянной или временной ограниченностью физических возможностей (социальная интеграция)
Борисенко-Клепач Н. М. [5]	Туризм, основанный на процессе коллаборации различных участников туристской деятельности. Его основополагающей базой является предоставление людям в области мобильных, когнитивных, визуальных, слуховых потребностей свободного функционирования в равных со здоровыми людьми условиях путем предоставления универсальных турпродуктов и услуг

Примечание: составлено авторами.

Одной из основных социальных функций государства является забота о подрастающем поколении. Особенностью инклюзивного детского туризма является то, что он весьма многогранен, имеет высокую социальную значимость, общественную и семейную поддержку.

Представляется возможным понимание детского инклюзивного туризма как органи-

зованного вида путешествия лиц с ограниченными возможностями физиологического, психологического и духовного характера с целью приобщения детей к природе, познания мира, а также для развития личности, обучения, воспитания и оздоровления.

Развитие детского инклюзивного туризма предполагает проведение работы по оптими-

зации нормативных ограничений и совершенствованию регионального законодательства. Государственное регулирование туристской деятельности в зоне Прибалтийского приграничья Российской Федерации реализует Комитет по туризму Псковской области.

Результаты анализа базовых показателей развития детского инклюзивного туризма. Общее число инвалидов в Псковской области составляет 8 % (50 296 чел.) от общего числа населения региона [6].

Анализируя соотношение численности детей-инвалидов в Северо-Западном федеральном округе, можно сделать вывод, что максимальная численность детей-инвалидов отмечается в г. Санкт-Петербурге, что связано с наибольшей численностью населения города федерального значения. Среди других регионов Северо-Западного федерального округа наибольшее количество детей-инвалидов проживает в Вологодской (9,9 %) и Архангельской (9,5 %) областях. Наименьшая численность данной категории детей фиксируется в Новгородской области (4,8 %) и Карелии (5 %). Псковская область занимает шестое место в данном рейтинге по численности детей-инвалидов [7].

С 2010 г. в регионе прослеживается снижение численности граждан с инвалидностью. В то же время, несмотря на данную тенденцию, в исследуемый период отмечается рост числа детей-инвалидов на территории муниципальных образований Псковской области. Общая численность детей с инвалидностью в России также увеличивается. В 2017 г. она увеличилась на 19 тыс. детей (636 тыс. чел.), в 2018 г. – на 15 тыс. чел. относительно предыдущего периода. Общая численность данной категории детей в 2018 г. составила 651 тыс. чел., а к 2019 г. – уже 670 тыс. чел.

В исследуемом периоде наблюдается рост показателя общей численности детей-инвалидов, в том числе лиц от 0,1 года до 18 лет [7].

По мнению ведущих врачей, занимающихся детьми-инвалидами, это связано с недостатком витаминных компонентов, которые необходимы беременным женщинам в каждом триместре. Также рост обозначенного показателя связан с отсутствием в отда-

ленных районах Псковской области необходимого для диагностики оборудования и специалистов, способных определить точные причины осложнений и патологии беременности. Следовательно, на ранних стадиях беременности не всегда и не все пациенты имеют возможность пройти качественное обследование, получить назначение нужных лекарственных препаратов. Также врачи заявляют о зависимости числа детей, рождающихся с теми или иными отклонениями, от состояния экологии. Нельзя не принимать во внимание и процент беременных женщин, имеющих вредные привычки (курение, пристрастие к алкоголю и наркотикам).

Следует отметить, что для детей с ограниченными возможностями здоровья характерен пониженный жизненный тонус; прослеживаются тенденции самоограничения социальных контактов и замкнутости («псевдоаутизация» личности). Расширение сферы инклюзивного туризма направлено на решение таких проблем [8].

Общая характеристика деятельности в области развития детского инклюзивного туризма (на примере Псковской области). Инклюзивному туризму во всех странах уделяется пристальное внимание. В Европе, США, Израиле функционируют специальные порталы для лиц с ограниченными возможностями, в том числе для семей с детьми-инвалидами, целью которых является облегчение их передвижения и предоставление возможности самостоятельного планирования тура. В большинстве стран существуют собственные сайты, отражающие доступность туристических объектов на внутреннем региональном рынке. По данным, представленным в исследовании аналитического характера (профессор Димитриос Бухалис), более 7 % мирового туристического потока имеет те или иные ограничения по здоровью; в Европе это около 11 % всех путешествующих; в Великобритании – до 37 %, в Германии – 53 %. При этом 1/3 всех путешествующих инвалидов – дети. В современной России отсутствует единая база показателей по инклюзивному детскому туризму; не сформирована единая база объектов инклюзивного туризма для детей-инвалидов [9].

В международной практике туристской деятельности детей-инвалидов часто сопровождают волонтеры, которых оплачивают благотворительные организации. Направления туристских услуг в зарубежных странах в сфере инклюзивного туризма имеют высокий уровень развития.

Формы туризма для детей-инвалидов:

1. Пеший и лыжный туризм – связан с высоким уровнем физической нагрузки на сердечно-сосудистую и дыхательную систему, в связи с чем по медико-валеологическим показателям может быть доступен слабослышащим детям, детям с задержкой психомоторного развития и умеренными психоневрологическими нарушениями.

2. Водный туризм – требует нормального развития пояса верхних конечностей и мо-

жет быть показан детям с ДЦП (при определенном физическом развитии), слабослышащим детям, а также детям с психоневрологическими нарушениями.

3. Велосипедный туризм – связан с высокой нагрузкой на опорно-двигательную и дыхательную систему, поэтому может быть показан детям с задержкой психомоторного развития (но с нормальным физическим развитием), слабослышащим детям, детям с определенным уровнем умственной отсталости [2–3].

Существует ряд проблем, которые требуют организации комплексной помощи семьям, имеющим детей-инвалидов, в том числе в области организации инклюзивного туризма.

В табл. 2 представлена характеристика основных проблем в области инклюзивного детского туризма.

Таблица 2

Проблемы развития инклюзивного туризма

Проблемы	Проявление
Инфраструктурные ограничения	Физическая среда (дороги, здания, парки и т. д.) зачастую недоступна для пользователей с ограниченными возможностями
Большие финансовые вложения	Затраты на обеспечение доступной среды для инвалидов (затраты на строительство) увеличиваются на 10 %
Законодательные ограничения	Ограничение законодательных механизмов, которые могли бы стимулировать развитие инклюзивного туризма
Информационные ограничения	Недостаточное продвижение туристских продуктов и услуг для детей с инвалидностью
Отношение к людям с инвалидностью	В отельных случаях персонал не готов к обслуживанию детей с инвалидностью, что создает самый ощутимый барьер на пути развития инклюзивного туризма
Коммуникативные ограничения (барьер общения)	Результат взаимодействия между детьми с ограниченными возможностями и их социальной средой
Кадровые ограничения	Отсутствие в турфирмах специалистов по работе с детьми инвалидами
Ограничения в материально-техническом обеспечении турфирм	Отсутствие специализированного транспорта, оборудования
Высокая стоимость путевок	Цены на путевки на популярные курорты страны остаются весьма высокими для большинства семей с детьми-инвалидами

Примечание: составлено авторами по [2, 4, 8].

Таким образом, в современных условиях ключевыми проблемами, требующими решения, являются проблемы, связанные с транспортным обслуживанием детей-инвалидов, организацией проживания и питания данной категории детей и лиц, их сопровождающих, организацией основных направлений взаимодействия между туроператорами, образовательными учреждениями и семьями с детьми-инвалидами.

Проблемы, связанные с социальной и медицинской реабилитацией детей-инвалидов, родителям помогают решать органы социальной защиты. Органами исполнительной власти разрабатываются программы социальной реабилитации, оказываются социальные услуги детям-инвалидам на уровне региона [8].

В Российской Федерации организовываются специальные социальные проекты

(«Парус надежды», «Дети-детям», «Большое солнце», «Я и Ты» и др.), которые поддерживают родителей, чьи дети имеют инвалидность, врожденную или приобретенную.

Состояние внутреннего рынка туризма для детей имеет большое социальное и экономическое значение. На территории Псковской области реализуются различные социальные проекты, благодаря которым родители детей-инвалидов могут получить консультации ведущих врачей, материальную помощь и технические средства реабилитации детей. Данные проекты способствуют тому, что у родителей появляется необходимость поставить на учет своих детей, чтобы стать участниками различных программ, которые направлены на получение льгот и материальной помощи [10].

Управлением социальной защиты населения Псковской области организуются курсы по реализации социальных проектов «Дети-инвалиды» в рамках государственных программ по поддержке данной категории граждан.

В рамках подпрограммы «Доступная среда» реализуются мероприятия в приоритетных сферах жизнедеятельности инвалидов, в том числе в области культуры и туризма.

В табл. 3 представлено распределение средств бюджетов различных уровней, предусмотренных для реализации мероприятий по обеспечению доступности приоритетных объектов и услуг для людей с ограниченными возможностями.

Таблица 3

Сферы распределения средств федерального и областного бюджета

Сферы	Из областного бюджета	Из федерального бюджета	Всего
ВСЕГО	29 552,97	2 840,3	32 393,27
образование	4 663,7	2 840,3	7 504
доля, %	15,78	100,00	23,17
здравоохранение	22 630,86	0	22 630,86
доля, %	76,58	-	69,86
социальная защита	2 158,21	0	2 158,21
доля, %	7,30	-	6,66
культура и туризм	100,2	0	100,2
доля, %	0,34	-	0,31

Примечание: составлено авторами по [11].

Как показала оценка распределения бюджетных средств между разными сферами, больше всего средств выделяется для сферы здравоохранения (76,58 %), а вот для сферы культуры и туризма выделяется менее 1 % средств. Если эта тенденция будет сохраняться, можно прогнозировать отток туристов, в том числе туристов с ограниченными возможностями.

В 2020 г. в связи с распространением коронавирусной инфекции COVID-19 на территории области вводились ограничительные меры, касающиеся проведения спортивных и туристических мероприятий. Поэтому запланированные ранее спортивные мероприятия, в том числе спартакиады для детей-инвалидов, не проводились. Как правило, к участию в спортивных мероприятиях привле-

каются дети-инвалиды с нарушением опорно-двигательного аппарата и слуха/зрения.

В сфере культуры и туризма реализуются культурно-образовательные программы для учащихся специальных коррекционных школ областного центра. В Псковской областной специальной библиотеке для незрячих и слабовидящих детей и детей с ОВЗ осуществляются такие проекты, как «Кино без границ» (дети имеют возможность просмотреть художественные фильмы и мультфильмы с тифлокомментариями и субтитрами), «Воинская слава России» и «Навстречу Победе» (детям с ограниченными возможностями представляется возможность совершить виртуальную экскурсию по местам воинских сражений – исторический калейдоскоп). Кроме того, ГБУК «Псковско-Изборский музей-

заповедник» в рамках национальной инклюзивной акции «Музей для всех» ежегодно проводит цикл мероприятий, которые могут посетить люди с ограниченными возможностями разного возраста (для детей-инвалидов предусмотрена работа волонтеров).

На территории Псковской области функционирует волонтерский центр «Абилимпикс Россия» (далее – Волонтерский центр) в сотрудничестве со следующими организациями и общественными объединениями:

1. Студенческое сообщество ПсковГУ.
2. Студенческий добровольческий отряд «СДОбром».
3. Центр лечебной педагогики Псков.
4. ОСО ПсковГУ.
5. Воспитательный отдел Колледжа ПсковГУ.

Можно сделать вывод, что на территории региона данный Волонтерский центр активно сотрудничает со студенческими объединениями и молодежным сообществом в целом, что свидетельствует о внимании организаций и общественности к проблемам инклюзивного детского туризма (преимущественно инклюзивного образовательного туризма).

Оценить стоимость тура для детей-инвалидов сложно, так как сумма затрат зависит от многих факторов: пункта назначения, количества человек, отправляющихся в тур, количества дней в туре, количества лиц, сопровождающих детей-инвалидов и т. д.

Туристических компаний, специально ориентированных на услуги в сфере детского инклюзивного туризма, на территории Псковской области нет, что является серьезной проблемой. Всего в регионе на начало 2020 г. действует около 50 организаций туристской направленности. Однако лишь 3 туроператора предоставляют услуги по разработке и реализации туристического маршрута для лиц с ОВЗ, что составляет 6 % от общего числа.

Многие достопримечательности Пскова (ансамбль Кремля, набережная, парки и др.) оснащены пандусами, тактильно-звуковыми стендами, информационными табличками со шрифтом Брайля, доступными санузлами и т. д. К примеру, в музее-заповеднике «Изборск» есть специализированная наклонная платформа, лестничные подъемники, ходунки-

роллаторы, видеоувеличители, трости-стулья, инвалидные коляски, усилители звука и аудиогиды, т. е. создана весьма эффективная инфраструктура для обслуживания людей с ограниченными возможностями, в том числе детей-инвалидов.

В то же время на территории Псковской области практически полностью отсутствует среда доступа к святым источникам и купальням в лесопарковых приграничных зонах. Наличие специальных подъемников и безбарьерных спусков не соответствует нормам. Большинство туроператоров не имеют профессиональной базовой подготовки по работе с детьми-инвалидами; не разработаны схемы экологических путешествий для маломобильных детских групп.

Для поддержки детского туризма в области должна быть сформирована соответствующая инфраструктура, в том числе детские лагеря и центры. Региональные власти должны уделять повышенное внимание качеству предлагаемых услуг, что подразумевает:

- 1) совершенствование системы подготовки и повышения квалификации педагогических кадров;
- 2) переподготовку специалистов по работе с детьми-инвалидами для детских лагерей;
- 3) развитие системы субсидирования перевозок детей-инвалидов и сопровождающих их лиц;
- 4) расширение спектра межрегионального взаимодействия в области инклюзивного туризма, в том числе для детей-инвалидов;
- 5) активную пропаганду в СМИ спонсоров (благотворителей), оказывающих поддержку развитию инклюзивного детского туризма;
- 6) расширение границ социальной активности молодежи (активизация волонтерских бригад);
- 7) расширение спектра инклюзивной социализации за счет воспитания в подрастающем поколении чувства сострадания к людям с ограниченными возможностями.

Союз организаторов детского туризма отмечает, что, для того чтобы лагеря посещало большее количество детей, необходимо значительно улучшать их инфраструктуру, в том числе для обеспечения проживания и отдыха детей-инвалидов.

В связи с этим органам власти рекомендуется повысить уровень мобильности детей-инвалидов за счет увеличения объема финансирования мероприятий по формированию доступной среды в рамках реализации государственных программ и проектных инициатив до 2025 г.

В рамках взаимодействия бизнеса и власти следует инициировать организацию мероприятий в сфере детского инклюзивного туризма.

Таким образом, можно сделать вывод, что для повышения доступности туристских направлений большему числу детей, имеющих инвалидность, требуются особые условия, включающие присутствие квалифицированного специалиста, четко спланированный маршрут и присутствие сопровождающих лиц (волонтеров), которые в непредвиденных обстоятельствах смогут своевременно оказать необходимую помощь ребенку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенный анализ показал, что Псковская область находится на шестом месте рейтинга в Северо-Западном Федеральном округе по числу лиц с инвалидностью от 0,1 года до 18 лет. В регионе прослеживается устойчивый рост численности данной категории детей. Несмотря на это, только три туроператора предоставляют услуги данной категории туристов. Компаний, специально ориентированных на услуги в сфере детского инклюзивного туризма, на территории Псковской области нет. Несмотря на слаборазвитую инфраструктурную доступную среду, в регионе ведется активная работа по поддержке семей с детьми-инвалидами, в том числе в рамках государственных программ.

Научная новизна результатов предлагаемого исследования заключается в развитии концептуально-правовых ориентиров и методического подхода к оценке состояния и тенденций развития детского инклюзивного туризма Псковской области как базисного приграничного субъекта Северо-Западного федерального округа в системе межотраслевого взаимодействия.

Предлагается понимать детский инклюзивный туризм как понятийную категорию, специальный термин и явление, обусловленное историко-культурным региональным развитием; как фактор, обуславливающий специфику развития территории, и как отраслевой комплекс, что обеспечивает решение проблем социально-экономического характера субъекта и государства в целом в системе внешнего и внутреннего межтерриториального взаимодействия. Оценивается социальная и экономическая роль детского инклюзивного туризма в контексте человеческого ресурсного потенциала приграничного региона.

Туристическое направление, ориентированное на детей-инвалидов, предполагает нацеленность на решение проблем доступности туристского продукта в контексте демографических показателей регионального развития. Решение вышеобозначенных проблем в области развития инклюзивного детского туризма соответствует приоритетам социально-ориентированного государства.

Результаты исследования, предлагаемые в рамках данной статьи, дополняют современный научный контент государственно-административных услуг, нацеленных на реализацию взаимодействия власти и бизнеса, государственную поддержку бизнес-структур на приграничных территориях, исходя из развития туристской индустрии для детей-инвалидов (на примере Псковской области).

Проведенное исследование обладает определенным теоретическим и практическим значением для региональных властей. Представленные результаты анализа развития инклюзивного детского туризма на территории Псковской области как приграничного региона субъекта Российской Федерации делают перспективными дальнейшие научные исследования и формирование новых туристических направлений для детей с разной степенью инвалидности. Представленная информация может быть использована специалистами Комитета по туризму и региональными властями, а также имеет интерес для образовательного процесса в высшей школе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Об основах туристской деятельности в Российской Федерации : федер. закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ (посл. ред. от 02.07.2021). Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
2. Аникеева О. А., Анисимова Ю. А. Россия без барьеров: туризм, доступный для всех // Сервис в России и за рубежом. 2011. № 6 (25). С. 14–20.
3. Межова Л. А., Летин А. Л., Луговская Л. А. Теория и практика организации инклюзивного туризма в России и за рубежом // Современные проблемы науки и образования. 2015. № 1–1. С. 849.
4. Маньшина Н. В. Россия без барьеров: туризм, доступный для всех. URL: <https://www.slideshare.net/NadezhdaManshina/2010-russia-without-barriersst-petersburgn-manshina-29060113> (дата обращения: 17.11.2021).
5. Борисенко-Клепач Н. М. Современные подходы к организации инклюзивных туристических мероприятий // Агроэкотуризм – 2020: новые поколения – новые тренды : материалы Междунар. науч.-практич. конф. Минск, 2020. С. 4–10.
6. Об утверждении Государственной программы Псковской области «Доступная среда для инвалидов и иных маломобильных групп населения» : постановление Администрации Псковской области. URL: <https://social.pskov.ru/deyatelnost/gosudarstvennaya-programma/gosudarstvennaya-programma-dostupnaya-sreda> (дата обращения: 17.11.2021).
7. Численность детей-инвалидов в возрасте до 18 лет, по субъектам Российской Федерации. URL: <https://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru> (дата обращения: 19.11.2021).
8. Иванов В. Д., Талызов С. Н., Рафикова В. Д. Инклюзивный туризм: проблемы и перспективы его развития // Colloquium-journal. 2018. № 6–4 (17). С. 16–19.
9. Introduction to Tourism. URL: <http://www.utntyh.com/wp-content/uploads/2011/09/INTRODUCTION-AL-TURISMO-OMT.pdf> (дата обращения: 19.11.2021).
10. Об утверждении Концепции федеральной целевой программы «Развитие внутреннего и въездного туризма в Российской Федерации (2019–2025 годы)» : распоряжение Правительства Российской Федерации от 05.05.2018 № 872-р (ред. от 11.07.2019). URL: <http://static.government.ru/media/files/FoFftF1dhGs4GZzEBPQtLCFVtB12hHQD.pdf> (дата обращения: 19.11.2021).
11. Информация о ходе реализации мероприятий по повышению значений показателей доступности для инвалидов объектов и услуг на территории Псковской области (дорожная карта) за 2020 год. URL: <https://social.pskov.ru/deyatelnost/o-realizacii-plana-meropriyatij-dorozhnoy-karty-po-povysheniyu-znacheniy-pokazateley-dostupnosti> (дата обращения: 19.11.2021).

REFERENCES

1. On Fundamentals of Tourism Activity in the Russian Federation : Federal Law No. 132-FZ of 24.11.1996 (Revised of 02.07.2021). Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
2. Anikeeva O. A., Anisimova Yu. A. Rossiia bez barerov: turizm, dostupnyi dlia vseh // Services in Russia and Abroad. 2011. No. 6 (25). P. 14–20. (In Russian).
3. Mezhova L. A., Letin A. L., Lugovskaya L. A. Theory and Practice of Inclusive Tourism in Russia and Abroad // Modern Problems of Science and Education. 2015. No. 1–1. P. 849. (In Russian).
4. Manshina N. V. Rossiia bez barerov: turizm, dostupnyi dlia vseh. URL: <https://www.slideshare.net/NadezhdaManshina/2010-russia-without-barriersst-petersburgn-manshina-29060113> (accessed: 17.11.2021). (In Russian).
5. Borisenko-Klepach N. M. Contemporary Approaches to Organizing Inclusive Tourism Events // Agroekoturizm – 2020: novye pokoleniia – novye trendy : Proceedings of the International Research-to-Practice Conference. Minsk, 2020. P. 4–10. (In Russian).
6. On Adoption of the State Program of the Pskov Oblast “Available Environment for Disabled People and Other People with Limited Mobility” : Resolution of the Administration of the Pskov Oblast. URL: <https://social.pskov.ru/deyatelnost/gosudarstvennaya-programma/gosudarstvennaya-programma-dostupnaya-sreda> (accessed: 17.11.2021). (In Russian).
7. Chislenost detei-invalidov v vozraste do 18 let, po subektam Rossiiskoi Federatsii. URL: <https://yandex.ru/clck/jsredir?from=yandex.ru> (accessed: 19.11.2021). (In Russian).
8. Ivanov V. D., Talyzov S. N., Rafikova V. D. Inclusive Tourism: Problems and Prospects of Its Development // Colloquium-journal. 2018. No. 6–4 (17). P. 16–19. (In Russian).
9. Introduction to Tourism. URL: <http://www.utntyh.com/wp-content/uploads/2011/09/INTRODUCCION-AL-TURISMO-OMT.pdf> (accessed: 19.11.2021). (In French).
10. On Adoption of the Concept of Federal Purpose-Oriented Program “Development of Domestic and Inbound Tourism in the Russian Federation (2019–2025)” : Order of the Government of the Russian Federation No. 872-p of 05.05.2018 (Revised of 11.07.2019). URL: <http://static.government.ru/media/files/FoFftF1dhGs4GZzEBPQtLCFVtB12hHQD.pdf> (accessed: 19.11.2021). (In Russian).
11. Informatsiia o khode realizatsii meropriatii po povysheniiu znachenii pokazateley dostupnosti dlia invalidov obektov i uslug na territorii Pskovskoi oblasti (dorozhnaia karta) za 2020 god. URL: <https://social.pskov.ru/deyatelnost/o-realizacii-plana-meropriyatij-dorozhnoy-karty-po-povysheniyu-znacheniy-pokazateley-dostupnosti> (accessed: 19.11.2021). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Круг Элеонора Александровна – кандидат экономических наук, доцент, доцент кафедры управления и административного права, Псковский государственный университет, Псков, Россия.

E-mail: eleonora_krug@mail.ru

Дмитриева Юлия Владимировна – кандидат экономических наук, доцент кафедры управления и административного права, Псковский государственный университет, Псков, Россия.

E-mail: uliadm@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Eleonora A. Krug – Candidate of Sciences (Economics), Docent, Associate Professor, Department of Management and Administrative Law, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: eleonora_krug@mail.ru

Yuliya V. Dmitrieva – Candidate of Sciences (Economics), Associate Professor, Department of Management and Administrative Law, Pskov State University, Pskov, Russia.

E-mail: uliadm@yandex.ru

УДК 331.108.3:004

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-59-70

SMART TALENT SEARCH КАК ИНСТРУМЕНТ ПОДБОРА ПЕРСОНАЛА В СОЦИАЛЬНЫХ СЕТЯХ В УСЛОВИЯХ ВЫЗОВОВ BANI-МИРА

О. Л. Чуланова [✉], В. А. Охотникова

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

[✉]E-mail: chol9207@mail.ru

В статье представлены результаты авторского исследования применения технологии социального найма на основе возможностей платформы Smart talent search, проведен сравнительный анализ платформ Smart talent search, HeadHunter и XING. Рассмотрены основные возможности и риски платформы Smart talent search, а также ее главные функции и уникальность. Представлены результаты авторского исследования применения платформы Smart talent search в организациях; приведена авторская логическая схема внедрения данной платформы, способствующая оптимизации подбора персонала с применением социальных сетей.

Ключевые слова: подбор персонала, социальный найм, HeadHunter, XING, Smart talent search, цифровая трансформация, геймификация в обучении персонала, исследование применения геймификации.

Для цитирования: Чуланова О. Л., Охотникова В. А. Smart talent search как инструмент подбора персонала в социальных сетях в условиях вызовов BANI-мира // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 59–70. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-59-70.

SMART TALENT SEARCH AS A TOOL FOR PERSONNEL RECRUITMENT VIA SOCIAL MEDIA IN FACE OF THE BANI WORLD CHALLENGES

O. L. Chulanova [✉], V. A. Okhotnikova

Surgut State University, Surgut, Russia

[✉]E-mail: chol9207@mail.ru

The article presents the results of the author's research on the application of social recruitment technology based on the capabilities of Smart talent search platform. The comparative analysis of such platforms as Smart talent search, HeadHunter and XING is carried out. The main opportunities and risks of the Smart talent search platform, as well as its main functions and uniqueness are analyzed in the article. The results of the author's research on the application of Smart talent search platform for recruitment in organizations are presented. The author's logical scheme of implementation of the platform, which improves personnel recruitment using social media, is shown.

Keywords: recruitment, social recruitment, HeadHunter, XING, Smart talent search, digital transformation, gamification in personnel training, research on the gamification application.

For citation: Chulanova O. L., Okhotnikova V. A. Smart Talent Search as a Tool for Personnel Recruitment via Social Media in Face of the BANI World Challenges // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 59–70. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-59-70.

ВВЕДЕНИЕ

Ситуация последних двух лет, обусловленная пандемией COVID-19 и стремительным переходом от вызовов волатильности, нестабильности, неопределенности, неоднозначности VUCA-мира к погружению в хрупкость, тревожность, нелинейность и не-

постижимость BANI-мира, привела к тому, что для успешной деятельности организации необходим пересмотр технологий и инструментов подбора персонала. Постепенный отход от ригидных методов к современным (или разумное сочетание классических и инновационных методов подбора персонала)

поможет минимизировать дефицит компетенций и обеспечить быстрый и качественный поиск и привлечение талантов для эффективной деятельности организаций.

Актуальность темы исследования обусловлена развитием концепции социального найма, означающей взаимодействие с потенциальными кандидатами через социальные сети. Как отмечают исследователи Д. К. Захаров [1], А. П. Семина [2], О. В. Соболев, А. И. Морозова [3], С. В. Петровичева [5], социальные сети при приеме на работу являются очень полезным и эффективным инструментом. Их главным преимуществом, по мнению Д. Н. Назаровой [6], А. С. Чабановой [7], А. Р. Бадретдиновой [8] и Е. Ю. Павловой [9], является то, что менеджер по персоналу может наладить контакт не только с кандидатами, которые активно ищут работу, но и с теми, которые в данный момент не занимаются поиском, но очень интересны компании. Использование социальных сетей дает возможность привлечь высококвалифицированных специалистов, а также создать базу кандидатов на будущее [4]. Появляются авторские разработки – программы, предназначенные для автоматизированного кластерного анализа данных профилей пользователей, извлеченных из социальной сетей (в частности, из «ВКонтакте») ¹.

Объектом исследования выступают платформы подбора персонала. Предметом исследования является подбор персонала с применением платформы Smart talent search. Цель исследования – определение основных возможностей и рисков платформ для подбора персонала, а также разработка логической схемы внедрения Smart talent search в процесс подбора персонала современных организаций.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Методологическую основу исследования составили работы российских и зарубежных

ученых, занимающихся интеграцией современных кадровых технологий в работу с персоналом современных организаций (в частности, внедрением подбора с помощью социальных сетей в процедуру (протокол) подбора персонала организаций) [1–8].

Для достижения целей исследования были использованы следующие методы: опрос (Google Форма), методы сравнительного и логического анализа, библиометрический метод, метод оценки статистических данных, метод классификации.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

В настоящее время существует огромное разнообразие технологий для подбора персонала с использованием социальных сетей: HeadHunter, XING, Smart talent search и др. Каждая из них имеет как недостатки, так и достоинства. Проведем сравнительный анализ технологий, позволяющих производить подбор персонала с использованием социальных сетей.

HeadHunter (hh.ru) – крупнейшая российская интернет-рекрутинговая компания, развивающая бизнес в России, Белоруссии и Казахстане. Интернет-сервис HeadHunter (далее – НН) предназначен для поиска кандидатов и набора сотрудников, а также для поиска подходящих вакансий для соискателей. Сервис НН в целом предлагает пользователю две основные ценности: одну из крупнейших баз резюме или вакансий с подробным параметрическим описанием, а также базовые программные средства для подбора персонала. Кроме того, портал НН готовит и публикует кадровую аналитику рынка труда [9].

Доступ к базе резюме и размещение вакансий являются платными услугами. Поиск вакансий в базе данных является бесплатным для соискателей. Как работодателям, так и соискателям НН предоставляет набор инструментов для эффективной работы.

XING – это профессиональная социальная сеть, которая позволяет находить интересные деловые контакты, отслеживать активность интересующих вас людей, а также следить за рынком труда как постоянных сотрудников, так и фрилансеров. У XING цельная европейская аудитория, в основном немецкоговорящая. У пользователя есть только одна строка

¹ Свидетельство о государственной регистрации программы для ЭВМ № 2021614761 Российская Федерация. Сервис для формирования социального портрета пользователя на основе интеллектуального анализа содержимого данных в открытых источниках : № 2021613949 : заявл. 17.03.2021 : опубл. 29.03.2021 / М. С. Григоричева.

поиска, в которой он может написать свой запрос, дополнительные фильтры доступны только для премиум-подписок. Получив результаты первого поиска, вы можете отсортировать их только по следующим параметрам: уровень контакта, страна, место (город), отрасль. Еще один недостаток ждет обычного пользователя при просмотре результатов поиска: будут доступны только первые 16 профилей людей. Имена с 17 профиля в очереди и далее уже будут скрыты, а при попытке их открыть вам будет предложено приобрести платный доступ.

Возможности XING для рекрутеров не ограничиваются поиском подходящих кандидатов. При желании можно разместить здесь вакансии, чтобы привлечь более активную аудиторию. Эта профессиональная сеть также предоставляет определенные возможности брендинга для компаний. Например, сайт компании может продемонстрировать основные преимущества работы в ней благодаря загружаемым видео и информации об условиях труда. Сотрудники компании

могут представить свою оценку, подтвердить любые данные и оставить комментарии. Рейтинг работодателя отображается здесь же, в профиле компании [10].

Сегодня Smart talent search – это инструмент, который позволяет получать данные из социальных сетей Facebook, Мойкруг, GitHub и др., объединенных в одном окне. Можно сделать запрос на любую должность, например разработчика iOS, указать город и страну и получить тысячи результатов. На данный момент поиски можно проводить в России, Украине, Белоруссии, Казахстане, Германии, Великобритании и США [11].

Этим инструментом пользуются около 1 000 рекрутеров в месяц. Привлечение пользователей по-прежнему бесплатное благодаря социальным сетям и успеху данной платформы. Так и было задумано изначально: интересный для большинства бесплатный продукт становится «магнитом», привлекает внимание. В таблице представлен авторский сравнительный анализ возможностей платформ подбора персонала.

Таблица

Сравнительный анализ возможностей платформ подбора персонала

Критерии сравнения	Smart talent search	HeadHunter	XING
Квалифицированный персонал	vvv	v	vvv
Увеличение охватов аудитории	vvv	vvv	vv
Собственная база профилей	vvv	vvv	vvv
Возможность получить рекомендации от рекрутеров	vvv	-	vvv
Бесплатный сервис	vvv	-	v
Поиск кандидатов по всему миру	vv	-	v
Удобный интерфейс	v	v	v

Примечание: v – практически отсутствует, vv – частично присутствует, vvv – присутствует, - – отсутствует (разработано авторами).

Исходя из анализа платформ, можно сделать вывод, что оптимальной является Smart talent search – бесплатный инструмент, созданный специально для рекрутеров и позволяющий получать данные о соискателях из социальных сетей Facebook, Мойкруг, GitHub, Вконтакте, XING и др.

Платформа выполняет 3 основные функции:

1. Подбор персонала через социальные сети: xing.com, fb.com, vk.com, moikrug.ru и др.
2. Управление взаимоотношениями с клиентами (Customer Relationship Management) через сохранение профилей по папкам и ком-

ментариев к ним, выделение в результатах поиска.

3. Уточнение запроса или стратегии поиска.

Не так давно на платформе Smart talent search появилась новая услуга – инфо-биржа. Она позволяет получать информацию о найденных профилях. Пользователь может создать заявку на получение информации о нужном человеке. Заявка позволяет делать запрос по следующим параметрам: номер телефона, электронный адрес, резюме, отзывы о кандидате. Эта услуга является платной.

В ближайшее время будет добавлена функция поиска вакансий в социальных сетях и размещения на платформе Smart talent search.

Уникальность данной платформы заключается в следующем [12]:

1. Smart talent search объединяет миллионы профилей в социальных сетях, что, по мнению экспертов, на 80 % больше, чем количество резюме на сайтах, ориентированных на поиск работы. Новый инструмент позволяет объединить профили из нескольких социальных сетей в одном окне. И самое главное – Smart talent search, в отличие от других агрегаторов, **не нарушает законы о конфиденциальности**. Это его первая и самая главная уникальная характеристика.

2. Smart talent search – это собственная база профилей, которая формируется с учетом требований рекрутеров. Это **делает поиск максимально точным**. В профилях есть расширенные контакты, теперь намного проще найти кандидатов и связаться с ними.

3. Smart talent search – это **высокая доступность платформы**. Умный поиск можно использовать из любого браузера и с любого устройства (включая мобильное). Это позволяет найти анкеты не только в России, но и по всему миру. Таким образом, эта система подходит не только для местного набора, но и для глобального международного поиска талантов. И что немаловажно, совершенно бесплатно.

4. Smart talent search способна **выявлять интересующих вас кандидатов**. Если вы хотите оставить свои комментарии, напротив каждого профиля есть блокнот для пометок, которые видны только вам. Все это облегчает подбор нужных людей и приводит в порядок процесс найма [13].

Smart talent search позволяет подбирать персонал по следующим критериям:

- по должности и технологии. Это самые популярные запросы, которые могут привести к вашей цели. Чтобы найти нужного специалиста, вы должны указать должность, технологию и город (если ваша вакансия ограничена местоположением) в поле поиска. Smart talent search использует элементы искусственного интеллекта. Например, в результатах поиска разработчиков также будут указаны программисты. Искусственный ин-

теллект системы имеет самое главное качество – обучение, поэтому при поиске рекомендуется использовать синонимы. Например, «разработчик» можно заменить на developer. Таким образом, можно протестировать различные варианты поиска по одной должности: разработчик IOS Москва; московский разработчик IOS. Эти параметры необходимо вводить отдельно в строке поиска. Если у вас получилась широкая выборка, лучше сузить ее с помощью фреймворка или по специальной технологии. Например, можно добавить уровень должности, чтобы повысить варианты вашего выбора. Важно отметить, что указание уровня должности актуально при поиске высоких должностей;

- по названию компании. Одна из самых популярных и эффективных стратегий – поиск специалистов у ближайших конкурентов как в бизнесе, так и в технологиях;

- по имени. Если нужный специалист найден, связаться с ним не всегда удастся, поскольку LinkedIn заблокирован в России и пользователи посещают его гораздо реже, чем Facebook и Vk. Разработчики продукта ввели возможность поиска в социальных сетях. Facebook и Vk редко заполняют данные о профессиональной деятельности, но через эти сети проще связаться с нужным специалистом. Это очень легко реализовать. Необходимо установить флажок рядом с социальной сетью и ввести нужную фамилию и имя в поле поиска (можно добавить город). Найти профиль запрашиваемого человека можно и в других социальных сетях (moikrug.ru или github.com);

- по электронной почте. Smart talent search позволяет искать людей по электронной почте, если они зарегистрированы в этой службе и данная информация общедоступна. Дополнительную информацию можно получить через корпоративный адрес. Для этого просто нужно ввести его в строку поиска без кавычек;

- по номеру телефона. Если специалист зарегистрировался на различных форумах, в сообществах и группах и эта информация общедоступна, есть возможность найти его по номеру телефона, введя номер в поле поиска. Для этого необходимо снять все флажки напротив социальных сетей. Поиск упро-

щается за счет добавления к номеру телефона фамилии и имени;

- в социальной сети XING – бизнес-ориентированной социальной сети для поиска и управления деловыми и личными контактами, которая особенно популярна в немецкоязычных странах так называемого региона DACH (в который входят Германия, Австрия и Швейцария) [14].

Smart talent search – это инструмент поиска персонала с помощью социальных сетей, который позволяет выполнять поиск на трех языках: русском, английском и немецком. Это особенно удобно для международного поиска. Именно поэтому появляется уникальная возможность пополнять штат новыми сотрудниками не только из России, но и из-за рубежа (из любой страны мира). Для этого необходимо указать язык (например, английский), ввести поисковый запрос на соответствующем языке и указать регион.

Smart talent search – эффективный инструмент для закрытия вакансий с привлечением кандидатов, еще не вышедших на рынок труда. Активный набор на работу позволит таким рекрутерам повысить свою произ-

водительность и доход и тем самым завоевывать лидирующие позиции в своем регионе.

Smart talent search – это не только эффективный, но и бесплатный инструмент, что очень важно с точки зрения затрат на процесс найма. Этот метод найма будет интересен кадровым агентствам, а также внутренним рекрутерам, которые заботятся о бюджетах своих компаний.

Исследование применения платформы подбора персонала Smart talent search в организациях. В рамках исследования, выполненного в апреле – мае 2021 г., был проведен опрос об осведомленности сотрудников о современной технологии подбора персонала Smart talent search. Опрос проводился онлайн с помощью Google-формы, в нем приняли участие 162 респондента (Ханты-Мансийский автономный округ – Югра). Представим лишь некоторые его результаты.

Рассмотрим, какие методы подбора персонала применяются в организациях, где работают респонденты. Результаты отражены на рис. 1.

Рис. 1. Методы подбора персонала в организациях респондентов, %

Примечание: разработано авторами.

Исходя из полученных данных, можно отметить, что в организациях чаще всего применяются такие методы подбора, как по-

иск по собственной базе кандидатов, активный поиск через личные контакты и размещение вакансий в СМИ. Данные показыва-

ют, что работодатель склонен доверять более традиционным способам подбора персонала. На наш взгляд, это обусловлено ригидностью рекрутеров в выборе инструментов подбора или стандартами организаций. Такие современные инструменты, как Smart talent search, все еще остаются недостаточно

изученными и доказавшими свою эффективность. В связи с этим работодатели гораздо реже и осторожнее применяют их при подборе персонала.

Рассмотрим осведомленность опрошенных лиц о технологии Smart talent search (рис. 2).

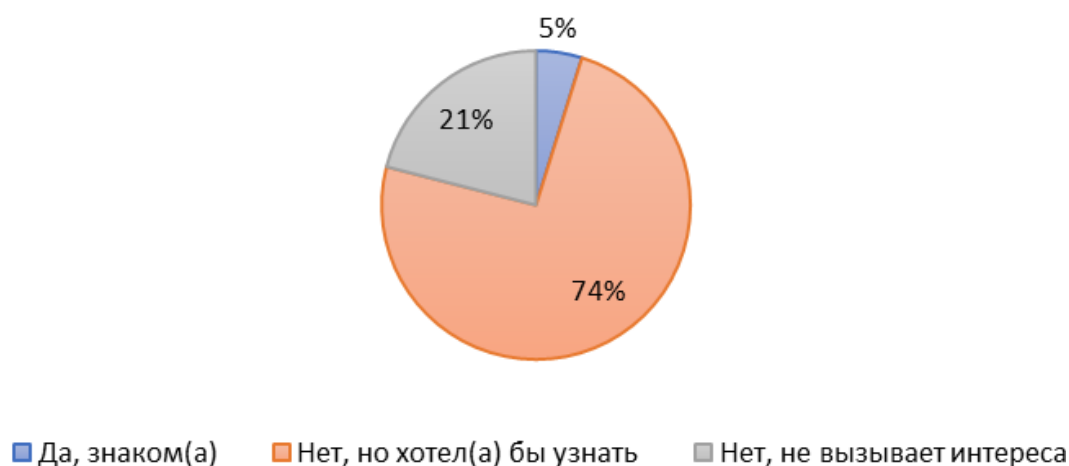

Рис. 2. Осведомленность респондентов о технологии Smart talent search, %

Примечание: разработано авторами.

Данные диаграммы позволяют сделать вывод, что многие респонденты не знакомы с технологией Smart talent search, но хотели бы ее узнать. Это говорит о том, что сотрудникам может быть интересен данный инструмент подбора персонала.

Результаты анализа ответов респондентов относительно достоверности информации, предоставляемой соискателями в своих резюме в социальных сетях, показаны на рис. 3

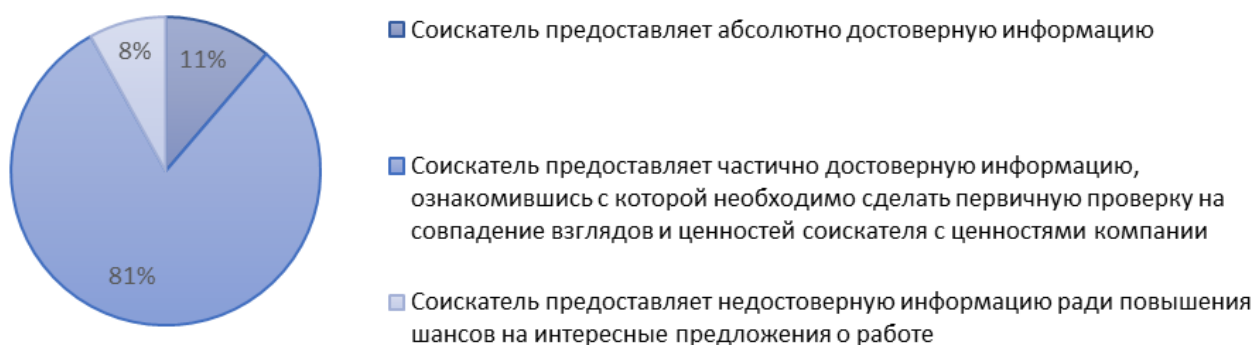

Рис. 3. Оценка респондентами достоверности информации, предоставляемой соискателями в резюме в социальных сетях, %

Примечание: разработано авторами.

Исходя из данных диаграммы, можно сделать вывод, что большая часть респондентов считает, что соискатели предоставляют частично достоверную информацию, поскольку для улучшения собственного имиджа и увеличения шансов получить вакантное

место последние предоставляют о себе недостаточно правдивую информацию.

Анализ необходимости редактирования аккаунтов соискателей в социальных сетях во время поиска работы представлен на рис. 4.

Рис. 4. Оценка респондентами необходимости редактирования соискателями аккаунтов в социальных сетях, %

Примечание: разработано авторами.

Из данных диаграммы видно, что большая часть респондентов считает, что аккаунты необходимо редактировать. Это связано с тем, что опрошенные осознают, что есть информация, которая не является необходимой для работодателя, а данные, указанные в социальных

сетях, должны соответствовать написанному в резюме, чтобы не вызывать недоверия работодателя.

Результаты опроса о возможности внедрения технологии Smart talent search в организации респондентов представлены на рис. 5.

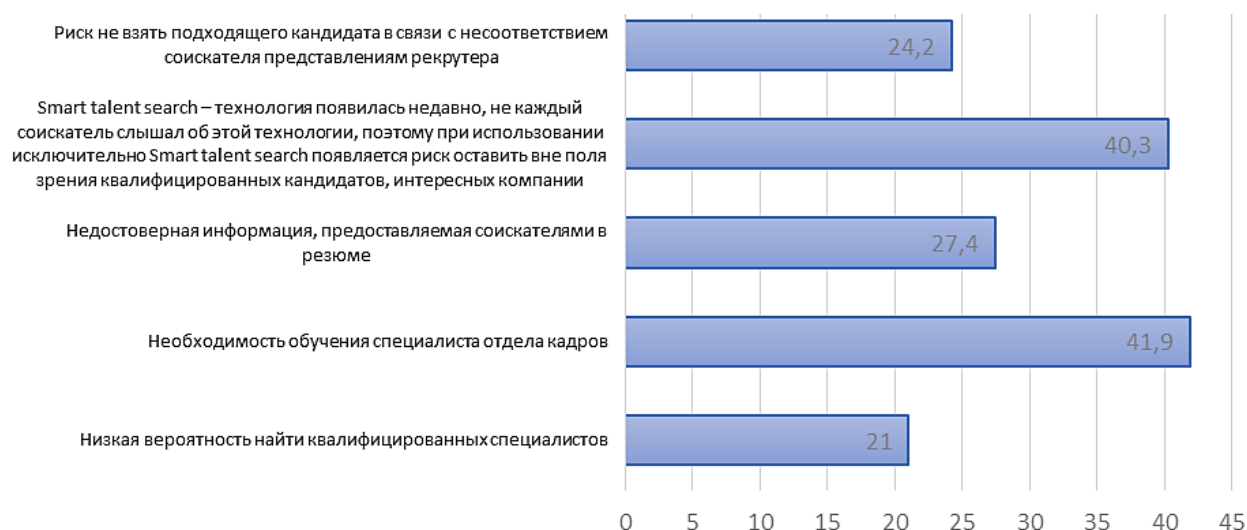
Рис. 5. Оценка возможности внедрения технологии Smart talent search в организации респондентов, %

Примечание: разработано авторами.

Большинство опрошенных уверено, что данную технологию возможно внедрить исключительно для поиска узкопрофильных специалистов. Другая часть опрошенных считает, что Smart talent search возможно внедрить исключительно в IT- и интернет-

компаниях. Это может свидетельствовать о низкой осведомленности респондентов о данной технологии.

Проведем анализ возможных рисков при использовании технологии Smart talent search, указанных участниками опроса (рис. 6).

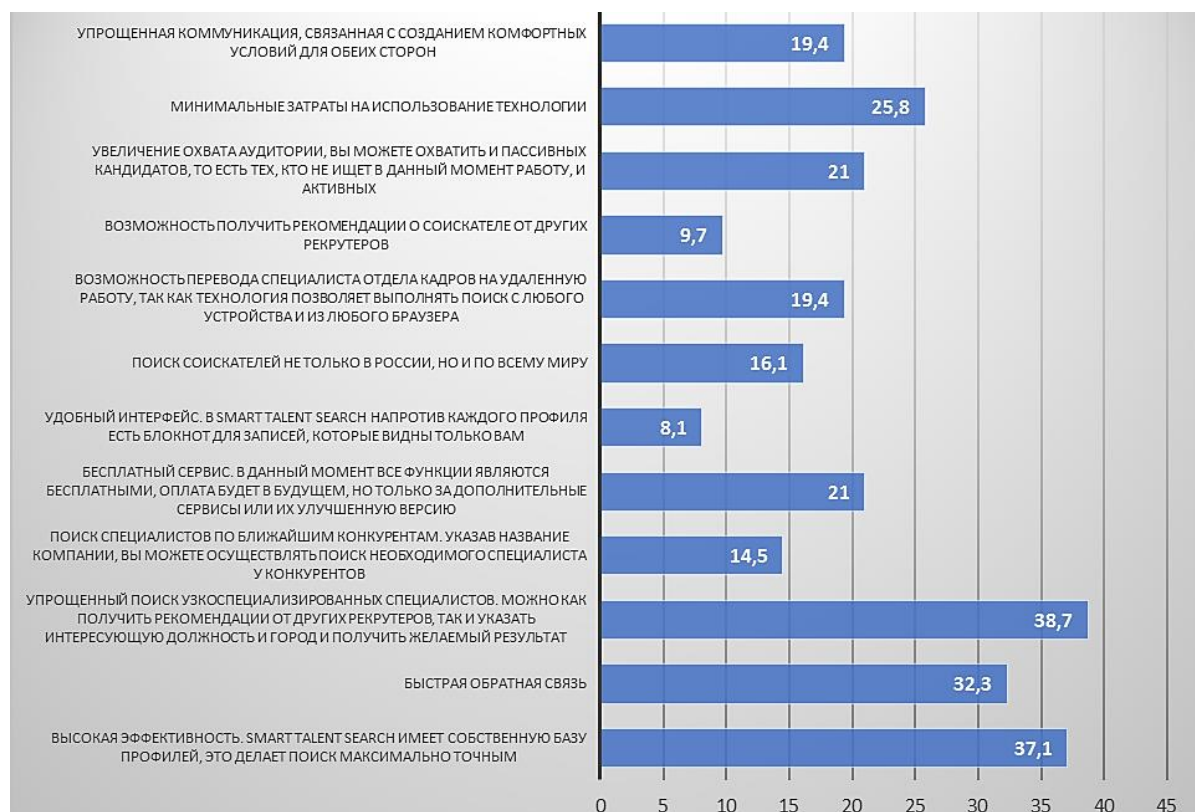

**Рис. 6. Возможные риски при использовании технологии Smart talent search
 (по мнению респондентов), %**
 Примечание: разработано авторами.

Исходя из результатов опроса, отраженных в диаграмме, можно сделать вывод, что наиболее вероятным риском, по мнению респондентов, является необходимость обучения специалиста отдела кадров, а также риск оставить вне поля зрения возможных канди-

датов. Это связано с тем, что технология не является достаточно популярной как среди кадровиков, так и среди соискателей.

Проведем анализ возможных плюсов применения технологии Smart talent search, указанных участниками опроса (рис. 7).

**Рис. 7. Возможные плюсы использования технологии Smart talent search
 (по мнению респондентов), %**
 Примечание: разработано авторами.

Наиболее важным преимуществом использования технологии Smart talent search, по мнению респондентов, стала высокая эффективность, связанная с наличием собственной базы профилей, что позволяет сделать поиск максимально точным, а также упрощает поиск узкопрофильных специалистов. Наименее важным стало удобство интерфейса. Это связано с тем, что респондентам не приходилось применять и, соответственно, использовать сайт.

Возможные недостатки применения Smart talent search, указанные респондентами, представлены на рис. 8. Среди наиболее значимых рисков – недостоверная информация, которая указана в резюме и требует проверки, а также возможность упущения квалифицированных кадров, необходимых компании, что связано с низкой популярностью платформы.

Рис. 8. Возможные недостатки применения технологии Smart talent search, указанные респондентами, %

Примечание: разработано авторами.

Таким образом, можно сделать вывод, что большая часть респондентов не в полной мере знакома со Smart talent search, но данный инструмент вызывает интерес и возможности его применения в подборе персонала значительно превосходят риски.

Авторами разработана логическая схема внедрения работы с платформой Smart talent search, способствующая оптимизации подбора персонала с применением социальных сетей и включающая 4 этапа:

1. Определение потребности. Руководство компании анализирует эффективность функции подбора персонала и принимает решение о необходимости использования Smart talent search.

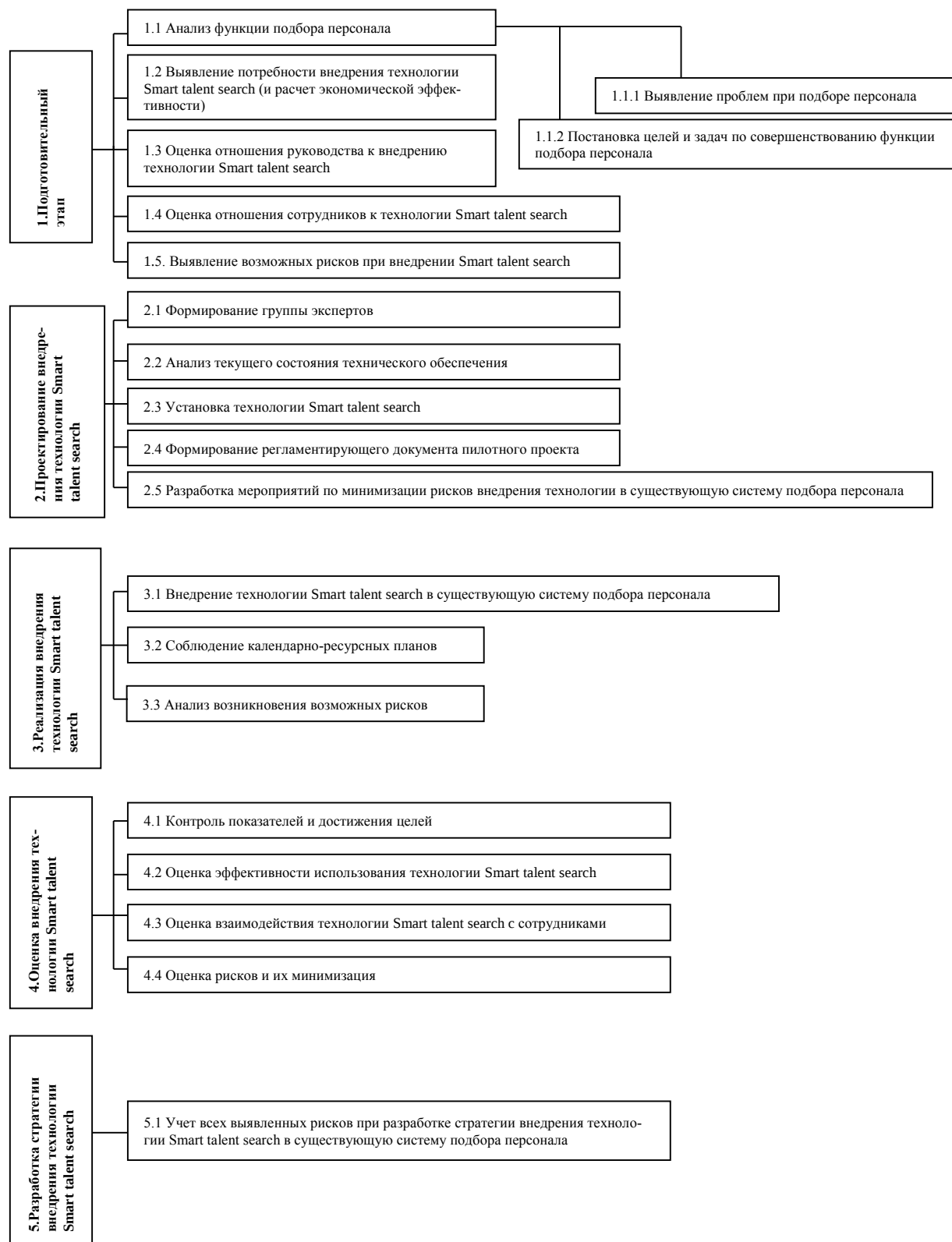
2. Подготовка и внедрение. На данном этапе происходит оценка готовности сотрудников и руководства к использованию Smart talent search, а также оценка рисков при

внедрении инструмента, проводится обучение специалиста по подбору персонала.

3. Активное использование. На этом этапе производится подбор персонала с применением технологии Smart talent search: определяются вакансии и осуществляется непосредственно подбор персонала.

4. Оценка эффективности. На заключительном этапе после внедрения и использования Smart talent search производится оценка динамики показателей и достижения поставленных целей. После данных процедур руководство компании принимает окончательное решение о целесообразности применения данного инструмента при подборе персонала.

Логическая схема позволит пошагово рассмотреть возможность интеграции платформы Smart talent search в процедуру подбора персонала с применением социальных сетей (рис. 9).

**Рис. 9. Логическая схема интеграции технологии Smart talent search
 в существующую систему подбора персонала**

Примечание: разработано авторами.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Правильная организация процесса подбора персонала, учитывающая все нюансы дея-

тельности компании, а также требования рынка труда, не только обеспечит организацию необходимыми кадрами, но и повысит

результативность, а также сократит издержки на персонал. В условиях цифровой трансформации и вызовов BANI-мира существует огромное количество разнообразных методов и платформ подбора персонала (как проверенных временем и показателями эффективности, так и новейших, еще не зарекомендовавших себя среди работодателей, но имеющих большие шансы на успех).

Социальный рекрутмент – это метод позволяющий заниматься поиском персонала с использованием социальных сетей или онлайн-платформ, таких как HeadHunter, XING, Smart talent search и др. Одним из новейших инструментов социального рекрутмента является Smart talent search – платформа, которая позволяет получать данные из социальных сетей Facebook, Мойкруг, GitHub и др., объединенных в одном окне. Она позволяет сделать запрос, указав город и страну, и получить тысячи результатов. В ходе работы было выяснено, что технология Smart talent search имеет преимущества в сравнении с другими платформами по подбору персонала.

Исследование показало, что большая часть респондентов не была знакома с данной технологией. Связано это с тем, что Smart talent search все еще не имеет большой популярности. Однако участники опроса проявили желание узнать о данном способе подбора персонала больше. Это позволяет сделать вывод, что технология может зарекомендовать себя как среди соискателей, так и среди работодателей благодаря своим ключевым преимуществам:

- бесплатный сервис;
- собственная база профилей;
- поиск узкоспециализированных специалистов;
- возможность увеличения охвата аудитории.

В связи с этим авторами была разработана логическая схема внедрения Smart talent search в существующую систему подбора персонала. В дальнейшем планируется разработать методику интеграции платформы Smart talent search в процесс подбора персонала.

ЛИТЕРАТУРА

1. Захаров Д. К. Подбор персонала с использованием социальных сетей // Управление. 2018. Т. 6, № 1. URL: <https://upravlenie.guu.ru/jour/article/view/19> (дата обращения: 19.10.2021).
2. Семина А. П. Подбор персонала через социальные сети: HR-маркетинг // Актуал. проблемы экономического развития : сб. докладов XI Междунар. заочной научно-практич. конф., Белгород, 01 сентября 2020 года. Белгород : Белгород. гос. технолог. ун-т им. В. Г. Шухова, 2020. С. 334–339.
3. Соболев О. В., Морозова А. И. Использование социальных сетей для подбора персонала в современных организациях // Управление персоналом и интеллектуал. ресурсами в России. 2015. Т. 4, № 5. С. 60–64. DOI 10.12737/14959.
4. Vinichenko M. V., Borisenko N. S., Kaurova O. V., Chulanova O. L., Lobacheva A. S., Rogach O. V., Demchenko M. V. Perfection of Personnel Estimation in the Course of Selection to Improve the Loyalty of New Employees in the Organizations of the Oil and Gas Complex and the Chemical Industry of the Khanty-Mansiysk Autonomous District – Ugra // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8, No. 10. P. 519–530.
5. Петровишева С. В. Подбор персонала с помощью социальных сетей // Управление человеческим потенциалом. 2015. № 3. С. 218–223.
6. Назарова Д. Н., Чабанова А. С. Подбор персонала при помощи социальных сетей // Гуманитар.

REFERENCES

1. Zakharov D. K. Recruitment Using Social Networks // Management. 2018. Vol. 6, No. 1. URL: <https://upravlenie.guu.ru/jour/article/view/19> (accessed: 19.10.2021). (In Russian).
2. Semina A. P. Podbor personala cherez sotsialnye seti: HR-marketing // Aktual. problemy ekonomicheskogo razvitiia : Proceedings of the XI International Offline Research-to-Practice Conference, Belgorod, September 1, 2020. Belgorod : Belgorod State Technological University named after V. G. Shukhov, 2020. P. 334–339. (In Russian).
3. Sobol O. V., Morozova A. I. Social Networking and Recruiting in the Modern Organization // Human Resources and Intellectual Resources Management in Russia. 2015. Vol. 4, No. 5. P. 60–64. DOI 10.12737/14959. (In Russian).
4. Vinichenko M. V., Borisenko N. S., Kaurova O. V., Chulanova O. L., Lobacheva A. S., Rogach O. V., Demchenko M. V. Perfection of Personnel Estimation in the Course of Selection to Improve the Loyalty of New Employees in the Organizations of the Oil and Gas Complex and the Chemical Industry of the Khanty-Mansiysk Autonomous District – Ugra // Modern Journal of Language Teaching Methods. 2018. Vol. 8, No. 10. P. 519–530.
5. Petrovicheva S. V. Podbor personala s pomoshchiu sotsialnykh setei // Upravlenie chelovecheskim potentsialom. 2015. No. 3. P. 218–223. (In Russian).

- науч. журн. 2018. № 1–1. С. 18.
7. Бадретдинова А. Р. Рекрутмент в социальных сетях // Проблемы модернизации экономики территориальных систем Российской Федерации : сб. науч. тр. Междунар. науч.-практ. конф., Уфа, 22 мая 2020 года. Уфа : Башкир. гос. ун-т., 2020. С. 239–241.
 8. Павлова Е. Ю., Сергеева Н. В. Проблемы и перспективы использования социальных сетей в работе кадровой службы компании // Вестн. Алтайской акад. экономики и права. 2020. № 2. С. 70–76. DOI 10.17513/vaael.1001.
 9. HeadHunter. URL: <https://soware.ru/products/headhunter> (дата обращения: 13.10.2021).
 10. О профессиональной сети Xing. URL: <https://ya-recruiter.blogspot.com/2015/02/xing.html> (дата обращения: 14.10.2021).
 11. Умный поиск талантов – социальная сеть для рекрутеров. URL: <https://vc.ru/tribuna/109443-umnyy-poisk-talantov-socialnaya-set-dlya-rekruterov> (дата обращения: 10.10.2021).
 12. 8 бесплатных способов поиска персонала в социальных сетях. URL: <https://vc.ru/dev/80225-8-besplatnyh-sposobov-poiska-personala-v-socialnyh-setyah> (дата обращения: 26.10.2021).
 13. О проекте «Умный поиск талантов». URL: <https://smart-talent-search.com/about.html> (дата обращения: 10.10.2021).
 14. Smart Talent Search – умный поиск талантов. URL: <https://it-recruiting.ru/smart-talent-search/> (дата обращения: 12.10.2021).
 6. Nazarova D. N., Chabanova A. S. Podbor personala pri pomoshchi sotsialnykh setei // Gumanitar. nauch. zhurn. 2018. No. 1–1. P. 18. (In Russian).
 7. Badretdinova A. R. Rekrutment v sotsialnykh setiakh // Problemy modernizatsii ekonomiki territorialnykh sistem Rossiiskoi Federatsii : Proceedings of International Research-to-Practice Conference, Ufa, May 22, 2020. Ufa : Bashkir State University, 2020. P. 239–241. (In Russian).
 8. Pavlova E. Yu., Sergeeva N. V. The Development of SMM in HR: Problems and Prospects // Vestn. Altaiskoi akad. ekonomiki i prava. 2020. No. 2. P. 70–76. DOI 10.17513/vaael.1001. (In Russian).
 9. HeadHunter. URL: <https://soware.ru/products/headhunter> (accessed: 13.10.2021). (In Russian).
 10. O professionalnoi seti Xing. URL: <https://ya-recruiter.blogspot.com/2015/02/xing.html> (accessed: 14.10.2021). (In Russian).
 11. Umnyi poisk talantov – sotsialnaia set dlia rekruterov. URL: <https://vc.ru/tribuna/109443-umnyy-poisk-talantov-socialnaya-set-dlya-rekruterov> (accessed: 10.10.2021). (In Russian).
 12. 8 besplatnykh sposobov poiska personala v sotsialnykh setiakh. URL: <https://vc.ru/dev/80225-8-besplatnyh-sposobov-poiska-personala-v-socialnyh-setyah> (accessed: 26.10.2021). (In Russian).
 13. O proekte “Umnyi poisk talantov”. URL: <https://smart-talent-search.com/about.html> (accessed: 10.10.2021). (In Russian).
 14. Smart Talent Search – umnyi poisk talantov. URL: <https://it-recruiting.ru/smart-talent-search/> (accessed: 12.10.2021). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Чуланова Оксана Леонидовна – доктор экономических наук, доцент, профессор кафедры государственного и муниципального управления и управления персоналом, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.
E-mail: chol9207@mail.ru

Охотникова Валерия Андреевна – студент, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.
E-mail: valera_okhotnikova@mail.ru

ABOUT THE AUTHORS

Oksana L. Chulanova – Doctor of Sciences (Economics), Docent, Professor, Department of Public, Municipal and Personnel Management, Surgut State University, Surgut, Russia.
E-mail: chol9207@mail.ru

Valeriya A. Okhotnikova – Student, Surgut State University, Surgut, Russia.
E-mail: valera_okhotnikova@mail.ru

ЮРИДИЧЕСКИЕ НАУКИ

УДК 340.12

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-71-80

УЧЕНИЕ ИММАНУИЛА КАНТА О ПРАВЕ

Р. А. Бурханов , **О. В. Никулина**

Сургутский государственный университет, Сургут, Россия

 E-mail: ra.nvarta@gmail.com

Статья посвящена анализу концепции права Канта. Доказана взаимосвязь его практической философии, генерирующей учения о морали и праве, и философской антропологии. Сущность человека немецкий мыслитель усматривал в его разумности. В качестве мыслящего субъекта, стремящегося к познанию, человек обладает теоретическим разумом. В качестве волящего субъекта, стремящегося к действию, человек обладает практическим разумом. Всеобщий моральный закон и всеобщий правовой закон конституируют свободу личности: первый – в сфере моральности, второй – в сфере легальности.

Систематизированы категории кантовской правовой теории, показана их обусловленность основоположениями практической философии. В соответствии с принципами трансцендентализма право есть априорная форма внешних поступков людей, содержащаяся в рассудке. Философ выделяет естественное право и положительное право. Естественное право априорно и основывается на требованиях разума. Оно изначально присуще человеку до и вне всякой общественной организации. Положительное право, напротив, проистекает из воли законодателя. Оно возникает в обществе и осуществляется в соответствии с установлениями естественного права. В естественном состоянии, где отсутствует объективное право, человеку присуще единственное изначальное право – свобода морального выбора.

Обоснована взаимосвязь частного и публичного права в правовом учении Канта. В догосударственном состоянии люди приобретают субъективные естественные права, но они ничем не обеспечены и являются предварительными. Совокупность таких полномочий кенигсбергский ученый назвал частным правом. Частное право возникает и действует в естественном состоянии, а публичное право – в гражданском состоянии. Оно представляет собой систему законов, созданных для одного народа или множества народов и необходимых для возникновения и существования правового состояния.

Таким образом, философско-правовое учение Канта утверждает свободу и достоинство личности, защищает ее неотъемлемые права. Гуманистическая ориентация этих идей оказала большое влияние на последующее развитие европейской правовой мысли и культуры. Выдвинутый им идеал правоупорядоченного сообщества свободных индивидов является необходимым условием обретения человеком себя, своей сущности.

Ключевые слова: Кант, человек, разум, мораль, право, естественное право, положительное право, частное право, публичное право.

Для цитирования: Бурханов Р. А., Никулина О. В. Учение Иммануила Канта о праве // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 71–80. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-71-80.

IMMANUIL KANT'S DOCTRINE OF LAW

R. A. Burkhanov , **O. V. Nikulina**

Surgut State University, Surgut, Russia

 E-mail: ra.nvarta@gmail.com

The article is devoted to the concept of Kant's law. The relation between his practical philosophy, which generates the doctrine of morality and law, and philosophical anthropology is substantiated. The German philosopher defined the essence of a human in his rationality. Being a thinking subject striving for knowledge, a human possesses a theoretical mind. Being a volitional subject striving for action, a human

possesses a practical mind. The universal moral law and universal legal law constitute the freedom of an individual: the first one in the field of morality, the second one in the field of legality.

The categories of Kant's legal theory are systemized, their relation to the foundations of practical philosophy is presented. According to the principles of transcendentalism, the law is a priori form of interior actions of people that is contained in the mind. The philosopher differentiates a natural law and a positive law. The natural law is a priori and based on the mind's requirements. It is initially inherent in a human before and without any public organization. The positive law, on contrary, springs out of the legislator's will. It arises in the society and is carried out according to the provisions of the natural law. In the natural way where there is no objective law a human inherits the only initial right – freedom of moral choice.

The interconnection between the private and public law in Kant's legal doctrine is substantiated. In the circumstances of pre-state people acquire subjective natural rights but they are not secured and preliminary. The Königsberg scientist named the totality of such powers as a private law. The private law arises and operates in a natural state, and public law in a civil state. It is a system of laws created for one people or many nations and necessary for the formation and existence of a legal state.

Thus, Kant's philosophical and legal doctrine affirms the freedom and dignity of an individual and protects its inalienable rights. The humanistic orientation of these ideas had a great influence on the following development of European legal thought and culture. The ideal of a law-ordered community of free individuals put forward by Kant is a necessary condition for a person to acquire himself, his essence.

Keywords: Kant, human, reason, morality, law, natural law, positive law, private law, public law.

For citation: Burkhanov R. A., Nikulina O. V. Immanuel Kant's Doctrine of Law // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 71–80. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-71-80.

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность данного исследования обусловлена тем, что в современный период человечество претерпевает глобальную трансформацию, которая ставит под вопрос сложившуюся правовую систему. Углубление кризиса культурных ценностей, ухудшение демографической и экологической ситуации, усиление зависимости людей от созданных ими технических средств и артефактов, возрастание агрессивных тенденций и другие тревожные симптомы способствуют деструкции нормативного устройства общественной жизни. Возникает вопрос: способен ли современный человек, объединенный в сообщества различных уровней и сложностей, регулировать свою жизнь существующими правовыми нормами?

В условиях очевидного кризиса нормативизма, переживаемого современным правом, обращение к классическому философско-правовому учению Иммануила Канта (1824–1804 гг.), выявление и реализация его еще не исчерпанного гносеологического, методологического, аксиологического, гуманистического потенциала представляется весьма важной задачей. Значимость идей великого кенигсбержца становится особенно заметной в преддверии его трехсотлетнего юбилея, подготовка к которому в нашей стране осу-

ществляется согласно Указу Президента Российской Федерации В. В. Путина № 300 от 20 мая 2021 г.

Предложенное немецким мыслителем понимание права как системы законов, принципов и институтов, проистекающего из понятия свободы, не позволяет трактовать его в угоду авторитарным конструкциям или популистским представлениям. Это важно для стран со сложившимися институтами гражданского общества и правового государства, но особенно актуально для государств Восточной Европы и Евразийского пространства, включая Российскую Федерацию, где эти институты находятся в стадии становления, а конституционные реформы зачастую проводятся без учета коренных интересов индивидов и немногочисленных групп общества [1, с. 13–32; 2, с. 95–107]. Идущее от Канта телеологическое понимание права может оказаться полезным для развития конституционного права и других отраслей права в этих странах [3, с. 131–147].

Освоение теоретического наследия кенигсбергского ученого также предполагает преодоление стереотипов и исправление ошибок в понимании его правовой теории. Так, в отечественной юридической литературе до сих пор встречаются спорные утверждения о том, что он якобы отождествлял есте-

ственное и частное право, позитивное и публичное право [4, с. 23–28] и «видел в праве то, что желал в нем видеть» [5, с. 18].

Гуманистическая ориентация идей Канта дает человечеству четкие ориентиры для построения стабильной и надежной системы нормативно-правового устройства общественной жизни.

Цель исследования – выявить взаимосвязь философской антропологии и правовой концепции Канта, показать ее обусловленность основоположениями практической философии, систематизировать категории правовой теории, раскрыть гуманистический потенциал его учения о праве.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объектом изучения в данной статье выступает система трансцендентализма Канта, а предметом – его правовое учение.

Материалом для исследования послужили труды самого Канта и работы видных отечественных и зарубежных кантоведов: М. Баума (M. Baum), Ю. Я. Баскина, Л. В. Бека (L. W. Beck), М. Деспленда (M. Despland), М. Р. Левина, А. А. Пионтковского, Б. Тушлинга (B. Tuschling), С. А. Фасоро, (S. A. Fasoro), Д. Хюнинга (D. Hüning), в которых были проанализированы основоположения его философии и учения о праве.

Авторы придерживаются идущей от Канта и неокантианцев критической методологии, исходящей из признания автономии и относительной обособленности права как институционально организованной формы социального действия, предполагающей нетождественность правового и государственного регулирования общественных отношений.

В ходе анализа основных понятий и категорий кантовской правовой концепции применялись следующие методы: 1) диалектический метод, который позволяет изучать объекты в противоречивом взаимодействии различных тенденций, генезисе и развитии; 2) метод моделирования, состоящий в создании и исследовании теоретических моделей, замещающих реальные объекты, что позволяет глубже раскрыть фундаментальные связи и отношения права; 3) системный метод, посредством которого объекты исследуются как целостные множества элементов, находящие-

ся во взаимных связях и отношениях; 4) метод восхождения от абстрактного к конкретному как основной метод социально-гуманитарных наук, основанный на переходе от абстрактного знания к знанию конкретному в ходе теоретической реконструкции объекта изучения.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Свою концепцию права немецкий мыслитель разработал на основе *философской антропологии*, где в качестве предмета исследования выступает сам человек [6, с. 163]. Но изучение бытия и природы людей не единственная задача этой науки. Второй важнейшей задачей является разработка специфической методологии, где человек является исходным пунктом и целью исследования [7, с. 211].

В первой «Критике» Кант сформулировал главные вопросы своего учения о человеке: «1. *Что я могу знать?* 2. *Что я должен делать?* 3. *На что я смею надеяться?*» [8, с. 1011]. Впоследствии он добавил к ним четвертый: «*Что такое человек?*», – который провозгласил основным философским вопросом, поскольку три первых относятся к последнему [9, с. 332].

Сущность человека кенигсбергский мыслитель свел к *разумности*. Как субъект, наделенный способностью к мышлению и познающий мир, он обладает *теоретическим разумом*. Как субъект, наделенный волей и совершающий поступки, он обладает *практическим разумом*. Практическая философия изучает способность действовать на основе свободной воли, поскольку «объектом практического разума служат поступки через свободу» [10, с. 129]. Когда «чистый разум» определяет эту волю как априорную и свободную, тогда посредством категорического императива он устанавливает правила поведения людей.

Этот *всеобщий моральный закон* содержит в себе идею о человеке как высшей цели и ценности: «...*Поступай так, чтобы ты никогда не относился к человечеству, как в твоём лице, так и в лице всякого другого, только как к средству, но всегда в то же время и как к цели*» [11, с. 169]. Понятие свободы как основы личной нравственности и

цели общественной жизни – главное понятие практической философии Канта.

«Сущность Кантовской морали... может быть раскрыта только через внутреннюю свободу, – пишет английский исследователь М. Деспленд. – Сердцевиной человечности или человеческого достоинства является свобода» [12, с. 132]. Здесь имеется в виду трансцендентальная, умопостигаемая свобода как способность к абсолютной спонтанности [13, с. 5].

Идея свободы воли является условием реализации категорического императива, она обосновывается выполнением нравственных законов, т. е. имеет функцию непосредственного конститутивного условия всеобщего морального закона [14, с. 8–9]. Через это понятие учение Канта о нравственности вступает в связь с его учением о праве.

Понятие права впервые упоминается философом в «Критике чистого разума»: «...Право вовсе не может являться, его понятие содержится в рассудке и представляет (моральное) свойство поступков...» [8, с. 121]. Оно есть продукт внеопытного, точнее, доопытного мышления в отношении осознанного и свободного действия. Право не является нормой оценки такого действия, практическое употребление права доступно для любого человека в любом месте и в любое время [15, с. 339].

В «Критике практического разума» и примыкающих к ней работах Кант развивает эту проблематику. Право есть априорная форма внешних поступков людей, которая обусловлена их внутренними убеждениями [16, с. 171–192]. Правовые отношения регулирует *всеобщий правовой закон*: «...Поступай внешне так, чтобы свободное проявление твоего произвола было совместимо со свободой каждого, сообразной со всеобщим законом...» [17, с. 140]. Следовательно, поступки человека должны быть совместимы со свободой других людей, сообразной с правовыми нормами.

Это относится не только к учению о праве как академической дисциплине, но и к самому праву как совокупности правил, законов и учреждений, которые развертываются в априорной системе отношений. Право и учение о праве представляют собой систему

понятий, суждений и умозаключений, предполагающих друг друга как логически необходимые высказывания. «...В *практически-нормативном смысле* право и учение о праве составляют систему *категорически*, т. е. *безусловно повелевающих законов, принципов и институтов*, развитую из понятия *свободы*» [18, с. 485]. Тем самым становится возможным достижение идеала правоупорядоченного сообщества свободных индивидов.

Итак, всеобщий моральный закон и всеобщий правовой закон конституируют свободу и достоинство личности: первый – в сфере моральности, второй – в сфере легальности. Практический разум выражает эти законы как трансцендентальные принципы, теоретические доказательства которых невозможны.

В отличие от морали право действует с применением силы. Оно обеспечивает вполне благопристойные отношения между людьми, допуская при этом, что индивиды могут находиться в состоянии взаимной неприязни. Эти внешне цивилизованные отношения возможны при наличии: 1) принудительно осуществляемых законов; 2) гарантированного статуса личных прав индивидов, прежде всего, права собственности; 3) равенства всех членов общества перед законом; 4) разрешения споров и конфликтов в судебном порядке. Целью и назначением права является защита свободы и достоинства личности.

В системе права немецкий мыслитель выделил *естественное право* и *положительное право*. Первое по своему происхождению априорно, основывается на требованиях разума и изначально присуще людям до всякой социальной организации. Второе исходит из воли законодателя, возникает в обществе и осуществляется в соответствии с нормами права естественного. Обладая способностью обязывать индивидов к определенному поведению, эти два вида права выступают как *прирожденное право*, которое осуществляется независимо от правовых актов, и *приобретенное право*, которое осуществляется на основе правовых актов.

Понимание Кантом естественного права существенно отличается от его понимания Т. Гоббсом, Дж. Локком, Ш. Л. Монтескье, Ж.-Ж. Руссо. Немецкий мыслитель вступил

в принципиальную полемику с европейскими философами XVII–XVIII в. по вопросу о правомочности натуралистического подхода к объяснению правовых явлений. Его либерализм разворачивается в плане сверхприродного обоснования фундаментального права человека, которое невозможно упразднить решением законодателя или приказом правителя. В естественном состоянии, в котором отсутствует объективное право и в котором люди находятся до возникновения государства, действует *свобода морального выбора* как первоначальное право, присущее каждому индивиду [17, с. 139].

Это обуславливает неотъемлемые нравственные качества людей, которые реализуются в системе права: 1) прирожденное равенство, на основании которого другие люди не могут обязать индивида к большему, чем он способен их обязать; 2) свойство быть своим господином как субъектом своих намерений и поступков; 3) свойство безупречного человека, который поступает по праву; 4) правомочие совершать такие поступки, которые не уменьшают принадлежащего другим индивидам; 5) способность делиться с другими людьми своими мыслями, так как они сами решают, верить или не верить этим мыслям.

Философ считал, что в догосударственном состоянии человек приобретает субъективные естественные права, включая право собственности, но они ничем не обеспечены, кроме физической силы, и являются предварительными. Совокупность таких полномочий, или естественных прав, немецкий мыслитель назвал частным правом. В естественном состоянии действует частное право, а в гражданском – публичное право.

Частное право регулирует отношения между отдельными личностями как разумными существами, правомочными действовать свободно. Кант полагал, что практический разум изначально способен относиться к предметам как к объектам, в которых выявляется «мое» или «твое». Поэтому установление частной собственности есть априорное требование «чистого разума». Непосредственно владеет предметом тот, кто имеет вещь как свое. Завладение внешними предметами бывает тройким: во-первых, вещь вне

меня; во-вторых, произвол другого лица для определенных действий; в-третьих, состояние другого человека по отношению ко мне.

Область частного права по объектам права кенигсбергский ученый подразделил на *вещное, личное и вещно-личное*. Объектом вещного права выступают вещи; объектом личного права служат действия индивидов, совместимые с их личной свободой, право на совершение которых приобретает посредством договора. Объектом вещно-личного права является владение внешним предметом как вещью и пользование им как лицом.

Тем самым он близко подходит к трактовке права как общественного отношения. Вещное право, как четкое разграничение «моего» и «твоего», означает установление между людьми не только внешнего правового отношения владельца вещи к самой вещи, но также правового отношения между людьми по поводу собственности на эту вещь. Право собственности – это отстранение собственником вещи других людей от возможности пользования этой вещью.

Кант различал три этапа в становлении права собственности:

1. *Первоначальная общность*. Здесь права личной собственности еще не существует, но возможно фактическое вступление во владение, т. е. первоначальное приобретение. Для этого этапа характерен, во-первых, захват никому не принадлежащего предмета, который означает вступление во владение им в пространстве и времени; во-вторых, объявление о владении этим предметом, для того чтобы другие лица воздерживались от притязаний на него; в-третьих, присвоение как действие, которое обязывает других индивидов согласиться с этим.

Первоначально завладение внешним предметом осуществляется лишь в отношении телесных вещей. Оно является следствием одностороннего действия, проистекающего из односторонней воли.

2. *Первобытная общность*. Здесь осуществляется предварительное приобретение как возможность собственности, т. е. физическое, а не умозрительное владение. Этот вид общности появляется в раннюю пору правовых отношений. В отличие от первоначальной общности, которая основана на

априорных принципах, первобытная общность возникает в ходе истории, хотя она должна мыслиться как приобретенная и производная.

Внешнее приобретение телесных вещей в этом состоянии может быть лишь предварительным. Окончательное же приобретение осуществляется только в гражданском состоянии. Несмотря на то что предварительное приобретение является физическим владением, оно создает условия перехода в гражданское состояние, способное сделать это приобретение окончательным.

3. *Гражданская общность*. Здесь уже осуществляется умопостигаемое, а не только физическое владение. В гражданском состоянии устанавливается окончательное приобретение, или право собственности, которое гарантируется статутарным правом [19, с. 25–29].

Личное право, утверждает философ, предполагает владение произволом другого лица как правомочие определять его «моим» произволом к определенному действию. Оно устанавливает внешнее *мое* и *твое* в отношении действий другого индивида и представляет собой совокупность законов, по которым может осуществляться это владение. Это способность человека определять поступки другого человека, поэтому приобретение личного права не бывает самовольным, а всегда выступает как результат договора, где выражается волеизъявление сторон. Договор является актом солидарного произвола двух и более лиц, в результате которого *свое* одного человека переходит к другому человеку. Личные права всегда имеют объектом действия обязанного лица, поскольку человек – не только средство, но сам по себе цель.

Вещно-личное право представляет собой право владения предметом как *вещью* и пользования им как *лицом*. Здесь приобретение может осуществляться тройко: *мужчина* берет себе *женщину*, *чета* супругов обзаводится *детьми*, а *семья* – *прислугой*. Соответственно этому выделяется брачное право, родительское право и право хозяина дома.

Брачное право основано на естественном половом общении, цель которого – физическое наслаждение. Оно осуществляется либо по закону, либо по животной природе. Половое общение по закону называется браком,

т. е. соединением лиц противоположного пола ради постоянного пользования половыми свойствами друг друга. Поэтому брачный договор выступает необходимым, а не произвольным соглашением по правовым законам чистого разума. В браке два лица взаимно используют друг друга как вещь.

Поскольку Кант понимал брак как равенство взаимного владения телесными свойствами одного супруга другим, он защищал моногамию, отвергая полигамию, где одно лицо, отдающееся другому лицу, лишь частично обладает тем, кому оно предоставляет себя целиком. Философ также был против «морганатических браков», где в нарушение принципа равенства владения друг другом одно лицо получает большую власть над другим лицом, и внебрачного фактического сожительства.

Родительское право основывается на долге родителей содержать своих детей и заботиться о них. Это не право собственности, а обязанность перед детьми, порождаемая самим актом их рождения. После достижения совершеннолетия дети должны быть освобождены от зависимости по отношению к родителям без всякого договора.

Право хозяина дома предполагает отношения господина, т. е. повелевающего лица, и подвластных ему слуг, т. е. повинующихся лиц. Оно возникает из договора, по которому хозяин вместе с совершеннолетними детьми или с другими свободными лицами основывает свое домашнее сообщество как объединение неравных лиц. Хозяину дома слуги принадлежат как бы по вещному праву. Однако их использование не может быть причиной их истощения.

Немецкий мыслитель признавал господство мужа над женой, право супруга востребовать обратно ушедшую супругу, право родителей возратить ушедших детей, право господина принудить к возвращению сбежавшего слугу.

Частное право – атрибут естественного состояния людей. Но для того чтобы оно могло осуществляться, необходимо государство, в котором естественное общение превращается в гражданское общество. Частное право действует в естественном состоянии, а публичное право – в состоянии граждан-

ском. Оно представляет собой систему законов, созданных для одного или нескольких народов, которые необходимы для существования правового состояния.

Публичное право определяет, во-первых, правовое состояние отдельных индивидов в составе народа во взаимоотношениях друг с другом (*гражданское право*); во-вторых, жизнь народа, живущего в отдельном государстве (*государственное право*); в-третьих, взаимоотношения между отдельными народами, объединенными в государства (*международное право*); в-четвертых, взаимоотношения людей, относящихся друг к другу как члены человеческого рода и обитатели всей Земли (*право государства народов, или право гражданина мира*).

При характеристике публичного права Кант рассматривает вопросы государственного права, уголовного права, права помилования и международного права. Среди них особого внимания заслуживают его воззрения на уголовное право, которые тесно связаны с этическим учением [20, с. 169–179].

«Исходный пункт всей теории наказания Канта – уголовное законодательство в собственном смысле слова, – такой закон, который предусматривает наказание за нарушение правовой нормы и именно по этой причине обладает достоинством *категорического императива*...» [21, с. 362]. Правым или неправым будет действие, соответствующее с нравственным долгом или направленное против него. Действие, противное долгу, является *нарушением*. Непреднамеренное нарушение, которое может быть вменено, есть просто *провинность*. Преднамеренное нарушение, совершенное осознанно, представляет собой *преступление*.

Поэтому преступление – это умышленное нарушение публичных законов, оно состоит в посягательстве на свободу отдельных лиц и общества в целом. Нарушение публичного права бывает *гражданским* или *уголовным*: за первое нарушитель закона должен быть привлечен к гражданскому суду, а за второе – к уголовному. К частным преступлениям относится растрата доверенных для торговли денег или товаров, обман при покупке или продаже и т. п. Напротив, подделка денег или векселя, кража или разбой и т. п. –

это публичные преступления, потому что этим они подвергают опасности не отдельное лицо, а общество в целом.

Указанные преступления Кант делит на преступления *низменного* характера и преступления *насильственного* характера.

Поскольку действия каждой личности должны определяться требованиями категорического императива, в силу чего она обладает свободой воли, всякое преступление неотвратимо влечет за собой *наказание*, которое назначается во имя справедливости. Следовательно, наказание – это результат свободы личности, ее права и обязанности нести ответственность за свои действия. Философ различает две группы наказаний: *наказание по суду* и *естественную кару*. Первое осуществляет государство, второе носит частный характер. Но в любом случае наказание имеет своим основанием категорический императив.

Кант отрицает утилитарный характер наказания, поскольку это противоречит самой сущности всеобщего морального закона: ведь с человеком нельзя обращаться только как со средством достижения какой-либо цели. Неверным считает он и утверждение о том, что наказание является средством воспитания, исправления, устрашения и т. п. Напротив, применение наказания представляет собой акт справедливости со стороны общества. В естественном состоянии оно осуществляется самими индивидами, а в гражданском обществе – судом.

Будучи возмездием, наказание должно быть соразмерно совершенному преступлению. Это может быть достигнуто только при осуществлении принципа *талиона* – принципа равного воздаяния за деяние. Разумеется, в ряде случаев этот принцип нельзя осуществить буквально. Принцип возмездия философ трактует как равенство между чувством страдания, нанесенного потерпевшему преступлением, и чувством страдания, причиненного преступнику наказанием.

Так, за словесную обиду он считал недопустимым устанавливать денежный штраф, потому что богатый человек может ради своей прихоти оскорблять других людей. За нанесение оскорбления необходимо произвести умаление чести виновного, когда обидчик по

приговору суда принуждается не только публично просить прощения, но и целовать руку оскорбленному. В случае, когда знатный насильник наносит побои невинному человеку, социальное положение которого ниже, кроме принуждения к публичному извинению преступник должен быть приговорен к отягчающему одиночному заключению в тюрьме. За кражу следует наказывать каторжными работами на определенный срок. Совершенное изнасилование или педерастия должны привести к кастрации преступника.

За убийство Кант требует приговаривать к смертной казни. Однако при определенных условиях он не считает необходимым следовать этому правилу. Во-первых, поголовно лишать жизни участников потерпевшего поражение массового мятежа не следует, поскольку после казни в государстве совсем не останется подданных и ему грозит самоликвидация. В этом случае глава верховной власти должен осуществить судебные функции, вынести более мягкий приговор и тем самым сохранить людей. Во-вторых, нельзя лишать жизни мать за убийство своего внебрачного ребенка, поскольку появившись на свет нелегитимным путем, ребенок оказывается вне закона. В-третьих, нельзя лишать жизни участников дуэли, поскольку она представляет собой не убийство, а умерщвление на основе взаимного согласия сторон.

Принцип талиона Кант доводит до крайности. Даже если люди, состоящие в гражданском обществе, задумают распустить его, все находящиеся в тюрьме убийцы должны быть до этого казнены, чтобы каждый из них получил по заслугам [17, с. 258].

Немецкий мыслитель отрицательно относился к праву помилования, считая несправедливым освобождение преступника от наказания или его смягчение. Правитель не должен

применять его в отношении правонарушений граждан друг против друга, поскольку это умаляет личное достоинство потерпевших. Помилование допускается только в отношении преступлений против главы государства, если это не несет угрозы безопасности для всего народа.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Кант создал стройную, логически продуманную и ориентированную на человека концепцию правоотношений. Его учение о праве является составной частью практической философии, которая (так же как теоретическая философия) генерируется философской антропологией. Цель и назначение права состоит в том, чтобы надежно обеспечить личности неотъемлемые права, гарантировать свободу. Свобода есть основа личной нравственности и цель общественной жизни.

Учение Канта оказало большое влияние на последующее развитие философской и правовой мысли. Гуманистическая ориентация его идей проникла во все формы общественного сознания и культуры. В современном обществе уважение, сохранение и поощрение достоинства и свобод личности признаются не только моральным, но и правовым идеалом. Так, в Уставе Организации Объединенных Наций, Преамбуле Всеобщей декларации прав человека, Международном билле о правах человека, Международном пакте о гражданских и политических правах, Хартии основных прав Европейского союза они упоминаются как неотъемлемые и неприкосновенные [22, с. 91–92]. Выдвинутый великим кенигсбержцем идеал правопорядочного сообщества свободных индивидов является необходимым условием обретения человеком себя, своей сущности.

ЛИТЕРАТУРА

1. Медушевский А. Н. Конституционная ретрадиционализация в Восточной Европе и России // Сравнит. конституц. обозрение. 2018. № 1 (122). С. 13–32.
2. Филиппова Н. А. Национальная идентичность в евразийском контексте: особенности российской конституционной реформы 2020 года // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 2. С. 95–107.

REFERENCES

1. Medushevsky A. N. Constitutional Re-Traditionalization in Eastern Europe and Russia // Comparative Constitutional Review. 2018. No. 1 (122). P. 13–32. (In Russian).
2. Filippova N. A. National Identity in the Eurasian Context: Features of the 2020 Russian Constitutional Reform // Surgut State University Journal. 2020. No. 2. P. 95–107. (In Russian).

3. Кравец И. А. Конституционное право и телеология: предмет и метод метаотрасли, сферы конституционализации и межотраслевой гармонизации // Актуал. проблемы рос. права. 2018. № 11. С. 131–147.
4. Беляева О. М. Политико-правовые воззрения И. Канта // Вестн. Перм. ун-та. Юрид. науки. 2014. Вып. 1 (23). С. 23–28.
5. Фролова Е. А. Правовая теория И. Канта // Право и государство: теория и практика. 2013. № 7 (103). С. 15–18.
6. Бубер М. Два образа веры: пер. с нем. М. : Республика, 1995. 464 с.
7. Heidegger M. Kant und das Problem der Metaphysik // Heidegger M. Gesamtausgabe. Frankfurt a./M. : Vittorio Klostermann, 1991. Abt. 1. Bd. 3. 317 S.
8. Кант И. Критика чистого разума // Соч. в 4 т. на немецком и русском языках. М. : Наука, 2006. Т. 2, Ч. 1. 1081 с.
9. Кант И. Логика. Пособие к лекциям // Кант И. Трактаты и письма / Отв. ред. А. В. Гулыга. М. : Наука, 1980. С. 319–444 с.
10. Beck L. W. A Commentary of Kant's Critique of Practical Reason. Chicago : University of Chicago Press, 1963. 306 p.
11. Кант И. Основоположение к метафизике нравов // Соч. в 4 т. на немецком и русском языках. М. : Москов. филос. фонд, 1997. Т. 3. С. 39–275.
12. Despland M. Kant on History and Religion. With a Translation of Kant's "On the Failure of All Attempted Philosophical Theodicies". Montreal : McGill-Queen's University Press, 1973. 292 p.
13. Аронсон Д. О. Кант: трансцендентальное обоснование принципов права : дис. ... канд. филос. наук. М., 2015. 157 с.
14. Левин М. Р. Разум, идеи и их функции в классической немецкой философии // Вестн. Санкт-Петербург. ун-та. Философия и конфликтология. 2020. Т. 36, Вып. 1. С. 4–23.
15. Баум М. Право и государство в философии Канта // Иммануил Кант: наследие и проект. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 337–350.
16. Бурханов Р. А. Проблема трансцендентального имманентного и трансцендентного в философии Иммануила Канта : дис. ... д-ра филос. наук. Нижневартовск, 1999. 300 с.
17. Кант И. Метафизика нравов в двух частях // Соч. в 6 т. М. : Мысль, 1965. Т. 4., Ч. 2. С. 107–438.
18. Тушлинг Б. Право из понятия // Соч. на немецком и русском языках. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2014. Т. 5, Ч. 1. С. 477–722.
19. Баскин Ю. Я. Кант. М. : Юридическая литература, 1984. 88 с.
20. Пионтковский А. А. Теория права и государства Канта // Философия Канта и современность. М. : Мысль, 1974. С. 152–183.
21. Хюнинг Д. Обоснование Кантом права наказания // Иммануил Кант: наследие и проект. М. : «Канон+» РООИ «Реабилитация», 2007. С. 359–366.
3. Kravets I. A. Constitutional Law and Teleology: Subject Matter and Method of Meta-Discipline, Scope of Constitutionalization and Interdisciplinary Harmonization // Actual Problems of Russian Law. 2018. No. 11. P. 131–147. (In Russian).
4. Belyaeva O. M. Political and Legal Views of I. Kant // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2014. Is. 1 (23). P. 23–28. (In Russian).
5. Frolova E. A. Pravovaia teoriia I. Kanta // Law and State: The Theory and Practice. 2013. No. 7 (103). P. 15–18. (In Russian).
6. Buber M. Dva obraza very. Trans. from German. Moscow : Respublika, 1995. 464 p. (In Russian).
7. Heidegger M. Kant and the Problem of Metaphysics // Heidegger M. Complete Edition. Frankfurt a./M. : Vittorio Klostermann, 1991. Dept. 1. Vol. 3. 317 p. (In German).
8. Kant I. Critique of Pure Reason // Works in 4 vols. in German and Russian. Moscow : Nauka, 2006. Vol. 2, Pt. 1. 1081 p. (In Russian).
9. Kant I. Logic. Manual for Lectures // Kant I. Treatises and Letters / Ed. A. V. Gulyga. Moscow : Nauka, 1980. P. 319–444. (In Russian).
10. Beck L. W. A Commentary of Kant's Critique of Practical Reason. Chicago : University of Chicago Press, 1963. 306 p.
11. Kant I. Groundwork of the Metaphysics of Morals // Works in 4 vols. in German and Russian. Moscow : Moskov. filos. fond, 1997. Vol. 3. P. 39–275. (In Russian).
12. Despland M. Kant on History and Religion. With a Translation of Kant's "On the Failure of All Attempted Philosophical Theodicies". Montreal : McGill-Queen's University Press, 1973. 292 p.
13. Aronson D. O. Kant: transtsendentalnoe obosnovanie printsipov prava: Cand. Sci. Dissertation (Philosophy). Moscow, 2015. 157 p. (In Russian).
14. Levin M. R. Reason, Ideas and Their Functions in Classical German Philosophy // Vestnik of Saint Petersburg University. Philosophy and Conflict Studies. 2020. Vol. 36, Is. 1. P. 4–23. (In Russian).
15. Baum M. Pravo i gosudarstvo v filosofii Kanta // Immanuel Kant: nasledie i proekt. Moscow : "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiia", 2007. P. 337–350. (In Russian).
16. Burkhanov R. A. Problema transtsendentalnogo immanentnogo i transtsendentnogo v filosofii Immanuila Kanta : Doctoral Dissertation (Philosophy). Nizhnevartovsk, 1999. 300 p. (In Russian).
17. Kant I. Metaphysics of Morals in 2 parts. // Works in 6 vols. Moscow : Mysl, 1965. Vol. 4. Pt. 2. P. 107–438. (In Russian).
18. Tushling B. Law from the Concept // Works in German and Russian. Moscow : "Kanon+" ROOI "Reabilitatsiia", 2014. Vol. 5, Pt. 1. P. 477–722. (In Russian).
19. Baskin Yu. Ya. Kant. Moscow : Iuridicheskaiia literatura, 1984. 88 p. (In Russian).

22. Фасоро С. А. Кант о человеческом достоинстве: автономия, человечность и права человека // Кантовский сб. 2019. Т. 38, № 1. С. 81–98.
20. Piontkovsky A. A. Teoriia prava i gosudarstva Kanta // Filosofiia Kanta i sovremennost. Moscow : Mysl, 1974. P. 152–183. (In Russian).
21. Khyuning D. Obosnovanie Kantom prava nakazaniia // Immanuel Kant: nasledie i proekt. Moscow : “Kanon+” ROOI “Reabilitatsiia”, 2007. P. 359–366. (In Russian).
22. Fasoro S. A. Kant on Human Dignity: Autonomy, Humanity, and Human Rights // Kantian Journal. 2019. Vol. 38, No. 1. P. 81–98. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бурханов Рафаэль Айратович – почетный работник высшего профессионального образования Российской Федерации, заслуженный деятель науки Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и права, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

E-mail: ra.nvarta@gmail.com

Никулина Ольга Вячеславовна – кандидат философских наук, доцент, доцент кафедры философии и права, Сургутский государственный университет, Сургут, Россия.

E-mail: o.n.nv@yandex.ru

ABOUT THE AUTHORS

Rafael A. Burkhanov – Honored Worker of Higher Professional Education of the Russian Federation, Honored Scientist of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, Doctor of Sciences (Philosophy), Professor, Head, Department of Philosophy and Law, Surgut State University, Surgut, Russia.

E-mail: ra.nvarta@gmail.com

Olga V. Nikulina – Candidate of Sciences (Philosophy), Docent, Associate Professor, Department of Philosophy and Law, Surgut State University, Surgut, Russia.

E-mail: o.n.nv@yandex.ru

УДК 343.98:004

DOI 10.34822/2312-3419-2021-81-87

КРИМИНАЛИСТИЧЕСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ ОБНАРУЖЕНИЯ, ФИКСАЦИИ, ИЗЪЯТИЯ ЦИФРОВЫХ СЛЕДОВ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ИНОЙ ДОКАЗАТЕЛЬНОЙ ИНФОРМАЦИИ

Я. Г. Варакин^{1, 2}

¹ Санкт-Петербургская академия Следственного комитета
Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия

² Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации
по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, Ханты-Мансийск, Россия
E-mail: Yarik711@mail.ru

В исследовании уделяется внимание современным технологиям изъятия цифровых следов на примере деятельности следователей-криминалистов Следственного комитета России, рассматриваются имеющиеся на вооружении аппаратно-программные комплексы, а также описывается методика обнаружения, фиксации и изъятия цифровых следов. В статье анализируется такой информационный сегмент, как Интернет, а также его скрытая часть (в непривычных нам доменах получения информации). Кроме того, обсуждается проблема оперативного получения цифровых следов с учетом современных средств коммуникации, таких как мессенджеры и системы видеосвязи. Автором предпринимается попытка обобщить и проанализировать понятие «цифровой след» в криминалистике, не умаляя важности классического понятия слеодообразования.

В заключение автор присоединяется к идее создания специальных подразделений по расследованию киберпреступлений в силовых структурах страны, приходит к выводу о необходимости постоянного межведомственного взаимодействия и обмена опытом между специалистами в различных областях, часто на стыке юридических и технических дисциплин, а также наук информационного цикла.

Ключевые слова: криминалистика, способы обнаружения, Интернет, криптовалюта, киберпреступления, технические средства изъятия, домен, мессенджер, аппаратно-программный комплекс, дистанционное зондирование земли, снятие радиоэлектронной обстановки.

Для цитирования: Варакин Я. Г. Криминалистические технологии обнаружения, фиксации, изъятия цифровых следов преступления и иной доказательной информации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 81–87. DOI 10.34822/2312-3419-2021-81-87.

FORENSIC TECHNOLOGIES FOR DETECTING, FIXING, AND SEIZING DIGITAL TRACES OF CRIME AND OTHER EVIDENCES

Ya. G. Varakin^{1, 2}

¹ Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of Russia

² Criminal Investigation Division, Investigative Committee
of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, Khanty-Mansiysk, Russia
E-mail: Yarik711@mail.ru

The article emphasizes modern technologies for seizing digital traces on the example of the activity of forensic investigators of the Investigative Committee of Russia, considers hardware and software complexes available in service, and describes the methodology of detecting, fixing and seizing of digital traces. The article analyzes such informational segment as the Internet, as well as its hidden part (in the unknown domains of receiving information). Moreover, the problem of obtaining digital traces in a fast way, considering modern means of communication, such as messengers and video communication systems, is discussed. The author attempts to generalize and analyze the concept “digital trace” in forensics, taking into account the importance of classical concept of trace formation.

In conclusion, the author supports the idea of creating special divisions for investigation of cybercrimes in the country's law enforcement agencies, makes a conclusion about constant interdivisional interac-

tion and experience exchange among experts from various fields, which are often at the intersection of legal and technical disciplines, and sciences of the informational cycle.

Keywords: forensics, methods for detecting, Internet, cryptocurrency, cybercrimes, technical means of seizing, domain, messenger, hardware and software complex, Earth remote probing, electronic environment imaging.

For citation: Varakin Ya. G. *Forensic Technologies for Detecting, Fixing, and Seizing Digital Traces of Crime and Other Evidences* // *Surgut State University Journal*. 2021. No. 4. P. 81–87. DOI 10.34822/2312-3419-2021-81-87.

ВВЕДЕНИЕ

В XXI в. основную ценность представляет информация, а ее главным способом передачи, обмена и хранения стала «цифра» с практически повсеместным применением систем беспроводной передачи данных Wi-Fi и Bluetooth, а также собственных систем отдельных компаний IT-сектора. Данный факт отразился на всех сферах жизнедеятельности человека: от бытовых (телевидение, Интернет, мобильная связь с ее множеством дополнительных функций) и профессиональных (электронный документооборот, цифровые подписи, дистанционное образование) до финансово-экономических (бесконтактные способы оплаты на основе биометрических данных, появление новых средств расчетов (криптовалюты) и т. д.). Кроме того, с развитием цифровых технологий появились нестандартные способы получения орудий преступления, например печать оружия на 3D-принтере. Пистолет, изготовленный таким способом, вполне способен произвести 1–3 выстрела боевыми патронами до того, как придет в неисправное состояние. Наряду с этим преступные сообщества и криминальные субъекты, осуществляющие противозаконную деятельность в одиночку, стали более профессиональными, изменили свой привычный облик и перенесли свою деятельность в виртуальное пространство, что ставит перед криминалистами концептуально новые задачи и требует поиска новых путей их решения [1].

Так, классический взгляд на образование следов преступления в криминалистике в виде взаимодействия двух материальных объектов с последующим наложением следа от одного объекта на другой, с учетом современных (цифровых) средств коммуникации, претерпел вынужденную трансформацию. В виртуальном пространстве след не выглядит

как материальный объект и более не представляет собой материальный объект, а методика его обнаружения и изъятия является рядом действий с использованием технических средств, к которым часто относится применение компьютерных систем. На вооружении Следственного комитета России имеется несколько таких программ и программно-аналитических комплексов: «Мобильный криминалист» (программа российского производства), UFED Touch (израильского производства), система считывания и анализа информации с мобильных телефонов и сим-карт XRY (швейцарского производства).

Стоит отметить, что по-прежнему носителями «цифровых электронных» следов остаются материальные объекты: CD/DVD-диски, жесткие диски (HDD), flash-накопители, встроенная память персональных компьютеров (ноутбуков, планшетов), всевозможные пластиковые карты с микрочипами и магнитными лентами по типу банковских, скидочных, профсоюзных и проч., но уже не в императивной форме, как это было 10–15 лет назад [2]. Сегодня, в 20-е годы XXI в., появились облачные сервисы, которые позволяют хранить информацию без физических средств на руках; широко представлены средства обмена информацией через видеосвязь, различного рода онлайн- и офлайн-мессенджеры, базы данных (серверы) которых хранятся за пределами Российской Федерации, что существенно осложняет получение доказательной информации по уголовному делу. Социальные сети стали инструментом массовой манипуляции в плане создания положительного восприятия отрицательных мотивов (всем известные группы смерти «Синий Кит» и им подобные). Также в виртуальном (цифровом) пространстве получили широкое распространение акты пропаганды и непосредственно совершения преступлений, касающихся поло-

вой неприкосновенности несовершеннолетних, путем демонстрации видео- и фотоматериалов порнографического содержания либо путем принуждения к демонстрации собственных интимных частей тела как самих несовершеннолетних, так и лиц, склоняющих их к этому через сеть Интернет и мобильные приложения (мессенджеры). Массовой и бесконтрольной рекламной атаке в виде пропаганды наркотиков подверглись многие абоненты сотовых операторов [3].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В качестве предмета исследования выступает скрытый сегмент интернет-пространства в непривычных для обычных пользователей доменах. Изучается техническая возможность следователей-криминалистов противостоять современным вызовам в сфере киберпреступлений. Рамки исследования ограничиваются периодом с 2015 по 2020 г., что дает возможность понять потенциал современной криминалистики, ее технические возможности, а также проследить динамику развития.

В работе использованы теоретические методы научного познания, такие как анализ, синтез и дедукция. Анализ показателей отчетности Следственного комитета дает возможность отметить явный рост количества преступлений в цифровой сфере; анализ технического оснащения криминалистической базы позволяет изучить возможности правоохранительной системы и выяснить, какие пробелы в данной области требуют восполнения; анализ процессуальных документов и научной литературы позволяет сформировать социальный и психологический портрет киберпреступника для внесения дополнений в теорию личности преступника и криминальную психологию.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Для борьбы с описанными выше криминальными проявлениями специалистами выработаны методики обнаружения, фиксации и изъятия следов и сведений, представляющих интерес для следствия, которые в дальнейшем, путем проведения осмотра предметов и документов, признаются вещественными доказательствами по уголовному делу

и представляются в суде стороной обвинения в виде доказательств вины подсудимого.

С этими задачами хорошо справляются программные комплексы «Мобильный криминалист», UFED Touch, XRY. Их применение на практике не требует от специалиста глубоких познаний в программировании, что, несомненно, является плюсом. После проведения исследования информация предоставляется на бумажных и электронных носителях в качестве отчетов, которые не требуют расшифровки и доступны для понимания и изучения всем участникам предварительного следствия при ознакомлении с материалами уголовного дела. Стоит отметить что эффективное использование данных систем обнаружения, фиксации и извлечения цифровых следов требует соблюдения определенных условий, например наличия пароля пользователя для разблокировки исследуемого объекта или полного заряда батареи. Также для извлечения информации из новейших моделей телефонов, операционные системы которых были обновлены до последних версий, необходим постоянный апгрейд систем самих программных комплексов [4].

Остановливаясь более подробно на функционале описанных программных комплексов, необходимо подчеркнуть, что каждый из них направлен в первую очередь на поиск явных и обнаружение скрытых, ранее удаленных данных на электронных носителях, но при этом каждая из систем обладает индивидуальными особенностями. Например, «Мобильный криминалист», помимо извлечения данных, предлагает их анализ, в том числе в хронологическом порядке, с составлением визуализированной схемы. Кроме того, программа позволяет проводить исследование в облачных сервисах. UFED Touch в некоторых случаях предлагает обход блокировок исследуемого объекта, то есть декодирование, а система XRY предполагает более глубокий анализ данных на сим-картах мобильных телефонов и в их встроенной памяти, вплоть до восстановления ранее удаленных данных.

Но к цифровым следам преступления, на наш взгляд, относится не только явная или неявная информация в виде платежных операций, передачи запрещенной информации

(экстремизм, терроризм и т. д.) посредством мессенджеров или социальных сетей, которые, как правило, обнаруживаются на цифровых носителях информации, таких как мобильные телефоны и планшеты, но и более классические примеры в формате видеоизображений, так как в результате видеофайл в конечном месте его хранения – на сервере – находится в цифровом виде и подлежит изъятию на электронный носитель. То же стоит сказать и о цифровой фотографии. Так, к криминалистической технологии обнаружения стоит отнести стоящий на вооружении следователей-криминалистов Следственного комитета России профессиональный обнаружитель скрытых видеокамер «ОПТИК-2». Данный инструмент позволяет обнаружить работающие явные, а главное – скрытые системы видеонаблюдения путем отражения луча от линзы объектива системы видеонаблюдения. Данная разработка не является прибором, предназначенным для непосредственного обнаружения цифрового следа, но позволяет обнаружить систему, которая этот цифровой след создает путем записи на сервере видеофайла, который сам по себе является цифровым следом и подлежит изъятию. К тому же привычное нам определение геопозиции сегодня приобрело принципиально новое значение, в связи с тем что в настоящее время появилась возможность получать снимки точностью от 1 до 400 м относительно размера поверхности Земли. При этом все данные хранятся и передаются в цифровом формате. Сотрудниками Роскосмоса предоставляются снимки интересующих следствие участков Земли, при этом есть возможность запросить архивные снимки. Также на сегодняшний день следователями-криминалистами Следственного комитета России при взаимодействии со специалистами радиочастотных центров городов часто используется такой метод, как снятие радиоэлектронной обстановки определенного участка местности при помощи аппаратно-программных комплексов «Сигмент-С» и «Следопыт-М» (как в городах, так и на открытых протяженных участках местности), что в комплексе с анализом данных, полученных от сотовых операторов, вносит ощутимый вклад в доказывание вины не только по преступлениям

экологической направленности, но и по экономическим составам. В системе Следственного комитета России в 2020 г. рост показателей применения специальных технических средств, по сравнению с аналогичным периодом 2019 г., составил 83 % по дистанционному зондированию Земли (ДДЗ) и 13 % по снятию радиоэлектронной обстановки (РЭО) в местах, интересующих следствие в комплексе с анализом данных, полученных от сотовых операторов. Кроме того, широко используются экспертные возможности, применяются сложные компьютерные модели, позволяющие улучшать изображение и тем самым выявлять лица и предметы, менять угол исследуемого изображения так, чтобы надписи становились читаемыми. Эти примеры отражают положительный опыт межведомственного взаимодействия, которое, на наш взгляд, необходимо поддерживать и развивать. В частности, в обозримом будущем возможно расширение перечня ведомств, с которыми будут осуществляться совместные мероприятия по проведению следственных действий. Междисциплинарное взаимодействие специалистов на местах позволяет получить данные, которые впоследствии лягут в основу обвинительных заключений. Примером может служить дистанционное зондирование Земли, ведь изначально эта технология применялась в сельском хозяйстве и геодезии.

Методики обнаружения подразумевают под собой применение различных криминалистических технологий к одному объекту исследования, т. е. при проведении исследования, например, одного мобильного телефона следователь применяет не один программный комплекс, а все имеющиеся по очереди. Практика показывает, что данный метод является эффективным, так как программное обеспечение написано разными разработчиками, а следовательно, методы извлечения данных отличаются. Информация, которую не может извлечь UFED Touch, становится доступной для следствия после применения «Мобильного криминалиста» и наоборот. При синтезе извлеченной информации следствие имеет более полную картину произошедшего и в результате получает больше доказательств.

Однако в настоящее время у российских следователей-криминалистов появились сложности, которые не находятся в правовой плоскости или плоскости личных взаимоотношений сторон. Так, санкционная политика коллективного Запада привела к тому, что компания Cellebrite (производитель системы UFED Touch) отказалась предоставлять обновление программного комплекса российской стороне. Более того, правозащитники обнаружили уязвимость в программном обеспечении UFED Touch. Выявлена возможность внесения изменений не только в интересующий (проводимый) в настоящее время отчет, но и во все последующие (без оставления каких-либо электронных меток о данном противоправном действии) [5].

Вместе с тем сегодня не существует универсального способа извлечения информации и ее анализа, каждый разработчик представляет свой продукт и заявляет о его плюсах в сравнении с другими. Но если говорить о такой части информационного сегмента как Интернет, все описанные информационно-программные комплексы являются эффективными только при физическом изъятии носителя информации, только при обнаружении цифровых следов которые были сформированы в так называемом «видимом» Интернете (в доменах типа .ru, .com, .rf и т. д.), то есть там, где мы привыкли к «серфингу» знакомых нам страниц сайтов, поисковых систем, социальных сетей, аудио- и видеохостингов и т. п., что составляет всего 5–6 % от общего объема информации в сети Интернет [6]. Что же можно противопоставить сегменту DarkNet, работа с которым требует специальных программ, например браузера Tor, позволяющего работать с доменами . onion, которые, в свою очередь, являются полем действия криминальных структур, занимающихся торговлей людьми и их органами, распространением наркотиков, оружия, предоставлением услуг физической расправы, вплоть до физического устранения (убийства за вознаграждение), а также всевозможным «мессенджерам», посредством которых в борьбе за так называемую свободу слова в отдельно взятых государствах утраиваются несанкционированные акции протеста, попытки «цветных» революций и которые не предоставляют государ-

ственным органам безопасности исходный код, что не позволяет декодировать трафик, а также не отвечают на официальные запросы, даже при наличии судебных решений о предоставлении информации, в связи с тем, что создатели этих мессенджеров и их серверы находятся на территории иностранных государств [7]?

В настоящее время в контексте именно криминалистической техники имеется очень малый спектр возможностей, не существует никаких эффективных способов противодействия, кроме ограничения трафика (работы) на территории страны путем блокировки сервиса или замедления его работы, но и здесь используются специальные VPN-сервисы, которые позволяют обходить блокировки Роскомнадзора. Также спецслужбами может контролироваться исходящий трафик, но трафик из-за рубежа не контролируется. То есть оперативно получить цифровые следы невозможно. Сделать какие-либо выводы можно будет только после проведения судебной экспертизы, при наличии изъятых объектов. Дополнительную сложность формируют повсеместно используемые злоумышленниками средства расчетов в виде не так давно появившихся криптовалют, уже достигнувших объемов капитализации в размере 2,1 трлн долларов по состоянию на апрель 2021 г. Более половины этого объема составляет биткоин – основное средство расчета в киберсреде. В данный момент нет каких-либо действенных механизмов выявления расчетов в криптовалюте, как и нет эффективных способов выявления происхождения данных капиталов, места их хранения. Эти факторы создают пространство для принципиально новой деятельности следователей, для появления новых частных теорий в криминалистике и дальнейшего их развития.

Одним из способов уравновесить силы, нивелировать данную проблему (отсутствие выработанных методик, механизмов и наличие квалифицированных кадров) является недавно принятое решение о создании в системе следственного комитета России специализированного подразделения – отдела по расследованию киберпреступлений и преступлений в сфере высоких технологий. Данное решение при наполнении штата следователей и специалистов квалифицированными кадрами поз-

волит существенно расширить видимую часть совершаемых преступлений, так как следователь, обладающий специальными познаниями в области цифровых технологий, будет видеть более полную картину криминального события, а значит, сможет представить более структурный анализ, сумеет эффективнее спланировать следствие, что позволит избежать проведения ненужных следственных действий, выдвижения нерабочих версий, бессмысленных изъятий предметов и документов, назначения непрофильных экспертиз [8]. Представляется, что в каждом ведомстве (будь то СК, МВД или ФСБ) необходимо создать такое подразделение в соответствии со статьями подследственности. Кроме того, в данной области требуется постоянное проведение комплекса междисциплинарных исследований для решения криминалистических задач. Следует уделять внимание межведомственному взаимодействию, в частности проведению учебных семинаров, направленных на обмен опытом и установление связей между специалистами разных ведомств. Важность данных мероприятий обусловлена разницей в опыте при производстве предварительного следствия по различным категориям преступлений, а также индивидуальными особенностями мышления каждого специалиста. В ходе проведения подобных семинаров необходимо привлекать специалистов из городских служб и экспертных подразделений, чтобы инспектировать актуальность применяемых средств и методик.

ЛИТЕРАТУРА

1. Оконенко Р. И. Электронные доказательства как новое направление совершенствования российского уголовно-процессуального права // Актуальные проблемы российского права. 2015. № 3. С. 120–124.
2. Дубоносов Е. С. Оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и проблемы проведения // Известия Тул. гос. ун-та. Экономические и юридические науки. 2017. С. 24–30.
3. Батоев В. Б. Использование мессенджеров в преступной деятельности: проблемы деанонимизации пользователей и дешифрования информации // Оперативник (сыщик). 2017. № 2. С. 15–20.
4. Зуев С. В., Никитин Е. В. Информационные технологии в решении уголовно-процессуальных проблем // Всерос. криминолог. журнал. 2017. № 3. С. 587–595.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В настоящее время правоохранительными органами предпринимаются попытки активного противодействия киберпреступлениям. Кроме того, развивается частная теория цифровой криминалистики. Вместе с тем имеются отдельные информационные сегменты, где образ злоумышленника представляет собой высокоинтеллектуальный, идущий в ногу со временем криминальный субъект, обладающий специальными познаниями в области цифровых технологий, глобальных экономических процессов и т. д. По итогам исследования криминологической характеристики личности, основанного на изучении текстов более 200 судебных решений за 2015–2020 гг., можно составить усредненный портрет киберпреступника: в большинстве своем это мужчина, житель районного центра или мегаполиса в возрасте от 22 до 35 лет, не состоящий в брачных отношениях, не имеющий на иждивении несовершеннолетних детей, без проблем со здоровьем, ранее не судимый [9].

Сегодня задача правоохранительного блока – сформировать в своих рядах кадровый резерв, способный противостоять современным вызовам в области киберпреступлений, а впоследствии разработать методики эффективных способов борьбы с такими преступлениями. Для решения данной задачи необходимо наполнить кадровый резерв специалистами не только в области права, но и в области программирования и кибербезопасности.

REFERENCES

1. Okonenko R. I. Digital Evidence as a New Direction for the Improvement of the Russian Criminal Procedural Law // Actual Problems of Russian Law. 2015. No. 3. P. 120–124. (In Russian).
2. Dubonosov E. S. Operational-Pink Activity “Obtaining Computer Information”: Content and Problems of Carrying Out // Izvestiya Tula State University. Economic and Legal Sciences. 2017. P. 24–30. (In Russian).
3. Batoev V. B. Using “Messengers” in Criminal Activity: Problems of Disclosing Anonymous Users and Information Decyphing // The Field Investigator (Sleuth) Journal. 2017. No. 2. P. 15–20. (In Russian).
4. Zuev S. V., Nikitin E. V. Information Technologies in Solving Criminal Procedure Problems // Russian Journal of Criminology. 2017. No. 3. P. 587–595. (In Russian).

5. Васюков В. Ф. Некоторые вопросы проведения следственных действий, направленных на обнаружение, фиксацию и изъятие электронных сообщений, переданных посредством мобильных абонентских устройств сотовой связи // Российский следователь. 2016. № 23. С. 15–18.
6. Павлов В. В., Золотов М. А., Калентьева Т. А. Проблема получения и фиксации информации, содержащейся на электронных устройствах лиц, задержанных по делам о незаконном обороте наркотических средств с использованием ресурсов сети Интернет // Вестн. Волж. ун-та им. В. Н. Татищева. 2019. № 2. С. 216–225.
7. Карпов А. Л., Пахорукова Ю. Е. Процессуальная фиксация интернет-переписки в качестве доказательств по уголовным делам о преступлениях в сфере незаконного оборота наркотиков // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2016. № 4. С. 111–117.
8. Осипенко А. Л. Новое оперативно-розыскное мероприятие «получение компьютерной информации»: содержание и основы осуществления // Вестн. Воронеж. ин-та МВД России. 2016. № 3. С. 86–87.
9. Абдулвалиев А. Ф., Белоусов А. В., Вассалатий Ж. В. и др. Преступления, совершаемые с использованием информационных технологий: проблемы квалификации и особенности расследования : монография. Тюмень : Изд-во ТюмГУ, 2021 С. 230–231.
5. Vasyukov V. F. Several Aspects of Investigative Actions Aimed at Detection, Fixation and Caption of Electronic Messages Transmitted via User Mobile Devices // Russian Investigator. 2016. No. 23. P. 15–18. (In Russian).
6. Pavlov V. V., Zolotov M. A., Kalentyeva T. A. The Problem of Obtaining and Fixation of Information Contained on the Electronic Devices of Persons Detained in Cases of Illegal Turnover of Narcotic Drugs with the Use of the Resources of the Internet // Vestnik of Volzhsky University after V. N. Tatischev. 2019. No. 2. P. 216–225. (In Russian).
7. Karpov A. L., Pakhorukova Yu. E. Procedural Fixation of Internet Correspondence as Evidence in Criminal Cases Involving Crimes in the Sphere of Illicit Drugs Trafficking // Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia. 2016. No. 4. P. 111–117. (In Russian).
8. Osipenko A. L. New Operational-Investigative Action “Getting Computer-Based data”: Content and the Basics of Implementation // Vestnik of Voronezh Institute of the Ministry of Interior of Russia. 2016. No. 3. P. 86–87. (In Russian).
9. Abdulvaliev A. F., Belousov A. V., Vassalaty Zh. V. et al. Prestupleniia, sovershaemye s ispolzovaniem informatsionnykh tekhnologii: problemy kvalifikatsii i osobennosti rassledovaniia : Monograph. Tyumen : Izd-vo TyumGU, 2021. P. 230–231. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Варакин Ярослав Геннадьевич – аспирант, Санкт-Петербургская академия Следственного комитета Российской Федерации, Санкт-Петербург, Россия; капитан юстиции, следователь-криминалист отдела криминалистики, Следственное управление Следственного комитета Российской Федерации по Ханты-Мансийскому автономному округу – Югре, Ханты-Мансийск, Россия.

E-mail: Yarik711@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Yaroslav G. Varakin – Postgraduate, Saint Petersburg Academy of the Investigative Committee of Russia, Saint Petersburg, Russia; Capitan of Justice Department, Forensic Investigator, Forensic Division, Criminal Investigation Division, Investigative Committee of the Khanty-Mansi Autonomous Okrug – Ugra, Khanty-Mansiysk, Russia.

E-mail: Yarik711@mail.ru

УДК 347.173

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-88-95

ЗАЩИТА САМОБЫТНОЙ КУЛЬТУРЫ И ТРАДИЦИОННЫХ ЗНАНИЙ КОРЕННЫХ МАЛОЧИСЛЕННЫХ НАРОДОВ СЕВЕРА В КОНТЕКСТЕ ПРАВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОЙ СОБСТВЕННОСТИ

А. Н. Слепцов [✉], И. А. Слепцова
*Северо-Восточный федеральный университет
им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия*
[✉] E-mail: uyandi@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы защиты самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера¹ в контексте права интеллектуальной собственности. Отмечается, что актуальной проблемой для нормативного правового регулирования этого феномена является отражение в праве особенностей субъекта права интеллектуальной собственности (субъектом выступают не физические лица, а объединения малочисленных народов, в том числе их общины, наделенные правами юридического лица) и объектов права (т. е. результатов их интеллектуальной деятельности, таких как традиционные знания и умения и др.). Обычные права народов Севера, относящиеся к их культурному наследию, принадлежат всем членам объединения как носителям традиции народа, при этом содержание понятий «традиции» и «обычное право» не нашло закрепления в законодательстве. «Общинная» специфика права интеллектуальной собственности требует теоретического обоснования в категориях права и специального правового регулирования. В связи с этим необходимо разработать и утвердить единые международные стандарты и механизмы реализации права интеллектуальной собственности на традиционные знания и иные результаты интеллектуальной деятельности малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: коренные малочисленные народы Севера, право интеллектуальной собственности, общинная интеллектуальная собственность, традиционные знания, самобытная культура, цифровизация культурного наследия.

Для цитирования: Слепцов А. Н., Слепцова И. А. *Защита самобытной культуры и традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в контексте права интеллектуальной собственности* // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 88–95. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-88-95.

PROTECTION OF THE ORIGINAL CULTURE AND TRADITIONAL KNOWLEDGE OF THE INDIGENOUS MINORITIES OF THE NORTH IN THE CONTEXT OF INTELLECTUAL PROPERTY RIGHTS

A. N. Sleptsov [✉], I. A. Sleptsova
M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia
[✉] E-mail: uyandi@mail.ru

The article analyzes relevant issues of protecting the original culture of indigenous minorities of the North in the context of intellectual property law. The current issue for legal regulation of the phenomenon is the reflection in law of peculiarities of the subject of intellectual property rights (associations of minorities, inter alia communities that possess rights of a legal entity, and not individuals represent the subject) and objects of rights (i.e. results of their intellectual activity, such as traditional knowledge and skills, etc.). The customary rights of the peoples of the North, related to their cultural heritage, belong to all members of the association as bearers of the traditions of the people. At the same time, the content of traditions and regular law has not been enshrined in the legislation. The “community” specifics of the intellectual property law

¹ В данной статье термины «коренные малочисленные народы», «народы Севера», «коренные народы» и «аборигены» – синонимы.

requires a theoretical justification in the categories of law and special legal regulation. In this regard, it is necessary to develop and approve the united international standards and mechanisms of implementation of intellectual property rights into the traditional knowledge or other results of intellectual activity of indigenous minorities of the North.

Keywords: indigenous minorities of the North, intellectual property law, communal intellectual property, traditional knowledge, original culture, digitalization of cultural heritage.

For citation: Sleptsov A. N., Sleptsova I. A. Protection of the Original Culture and Traditional Knowledge of the Indigenous Minorities of the North in the Context of Intellectual Property Rights // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 88–95. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-88-95.

ВВЕДЕНИЕ

В эпоху глобализма, экономики знаний, цифровизации, возрастающей потребности в защите права интеллектуальной собственности, распространения Интернета и доступности новых знаний о жизни коренных народов укрепляется и осознание незащищенности их самобытной культуры. Актуальное значение приобретает вопрос защиты права интеллектуальной собственности на традиционные знания и умения, иные результаты интеллектуальной деятельности этих народов.

Традиционные выражения культуры и традиционные знания (другими словами – самобытная культура) коренных народов долгое время не признавались, да и по сей день не признаются в качестве объектов права интеллектуальной собственности в силу невозможности определения субъекта права применительно к обычным правам коренных народов. Обычные права сложны для определения и фиксации как в документах международного права, так и в национальном законодательстве.

Традиционное выражение культуры – это материальные и нематериальные формы, в которых выражаются традиционные знания и культура. Под традиционными знаниями коренных народов обычно понимаются знания, навыки и практики, созданные их предками [1].

На наш взгляд, это общественное явление можно определить единым понятием: самобытная культура коренных народов – это то, что они по праву унаследовали от предыдущих поколений и обязаны передать следующим. Иными словами, это обычные права и обязанности представителей таких народов, понятые и признанные в качестве результатов интеллектуальной деятельности этих народов. В этом (и только в этом!) смысле

права на них могут рассматриваться и как возможные объекты интеллектуальной собственности.

Традиционные знания коренных народов играют важную роль в идентификации биологических и, в частности, генетических ресурсов для их коммерческого использования. Так, коммерческая выгода от использования традиционных знаний и генетических ресурсов в медицине только в 1995 г. составила миллиарды долларов [2]. Но при современном состоянии правового регулирования сложно обеспечить правовую защиту и предупредить дальнейшее использование традиционных знаний и умений коренных народов в коммерческих целях, связать такое использование с юридическими обязательствами или запретами.

Проблема правового регулирования традиционных знаний не нова, имеется массив научных публикаций по данной теме. Однако преобладающим в отечественной науке остается подход исследования этого явления в контексте публичного (конституционного или экологического), а не частного (гражданского) права. И это понятно: положения Гражданского Кодекса РФ (ст.1225) не относят традиционные знания и умения к охраняемым результатам интеллектуальной деятельности.

Попытки изменить этот подход и рассмотреть традиционные знания и иные результаты интеллектуальной деятельности коренных народов в контексте права интеллектуальной собственности имеют единичный характер. Среди исследований, посвященных данной теме, можно выделить монографию А. Д. Корчагина, Л. Н. Симоновой, Ю. Г. Смирновой и Н. Г. Пономаревой [3]; труды А. Ш. Газизовой [2]; О. П. Неретиной [4]; Н. А. Новиковой [5].

Актуальной проблемой для нормативного правового регулирования является отражение в нормах права общинной специфики права интеллектуальной собственности коренных народов как устойчивой социальной группы: по мере рождения одних членов и смерти других меняется состав членов общины или представителей этих народов, при этом обычные права, относящиеся к их культурному наследию, принадлежат всем членам объединения как носителям традиции народа. Специфика традиционных знаний заключается в их связи с общиной, в которой они были созданы. Создав продукт интеллектуальной деятельности, основанный на традиционных знаниях, община является ее правообладателем – субъектом права. В этом случае классический подход требует рассматривать общину в качестве юридического лица. Но отражает ли эта правовая конструкция особенности общины и всего индигенного сообщества в качестве субъекта права? Полагаем, что не в полной мере. Вопрос специфики субъекта права на традиционные знания и умения, иные результаты интеллектуальной деятельности коренных народов остается одним из ключевых и пока не решенных российским правом.

Общинная природа субъекта права интеллектуальной собственности требует теоретического обоснования этого уникального феномена в категориях права, а также специального правового регулирования, разработки и утверждения единых международных стандартов и механизмов реализации специального права интеллектуальной собственности на традиционные знания и иные продукты интеллектуальной деятельности аборигенных народов.

Следует особо отметить, что самобытная культура коренных малочисленных народов Севера (далее – народы Севера) России неразрывно связана с природой и территорией традиционного природопользования. Соответственно, защита объектов интеллектуальной собственности коренных народов должна включать прежде всего государственные меры по защите прав и интересов народов Севера, в том числе в сфере сохранения родных языков, развития традиционных промыслов, создания территорий традиционного

природопользования, охраны природы, биоразнообразия и водных биологических ресурсов [6]. В результате адаптации к экстремальным природным условиям побережий Северного ледовитого океана и тундры традиционными занятиями аборигенов Арктики стали оленеводство, охота и рыболовство, попутный сбор дикоросов и бивней мамонта. Следует подчеркнуть, что самобытная культура народов Севера используется и развивается в повседневной жизни и хозяйственной деятельности оленеводов, передается молодому поколению кочевников [7].

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объектом исследования стали существующие практики защиты самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера в контексте права интеллектуальной собственности. Был исследован массив документов международного права и российского федерального законодательства, регулирующего правовое положение народов Севера, изучена практика его применения; проанализированы экспертные мнения специалистов в области аборигенного права и права интеллектуальной собственности. Статья является результатом аналитического обобщения тенденций развития международного права и права интеллектуальной собственности в сфере защиты самобытной культуры коренных малочисленных народов Севера и традиционных знаний и умений как элементов этой культуры. В процессе исследования использованы методы формально-правового и историко-правового анализа.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Повышенный интерес к традиционным знаниям, традиционным выражениям культуры и генетическим ресурсам стал следствием ряда причин, среди которых акцент на правах коренных народов, ухудшение экологической ситуации в мире, неравенство между развитыми и развивающимися странами. Отдельные ситуации, связанные с использованием генетических ресурсов и традиционных выражений культуры, привлекли внимание международной общественности и способствовали более широкому обсуждению вопросов их охраны. Тем не менее сего-

дня государства далеки от достижения консенсуса при выборе подхода и определении необходимого уровня охраны традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов, а тем более далеки от принятия документа, который обеспечил бы их охрану [2].

Так, А. Ш. Газизова считает возможными два варианта охраны традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов: использование существующей системы интеллектуальной собственности или же разработка системы *sui generis*. Например, Закон Индии о биологическом разнообразии 2002 г. регулирует доступ к биологическим ресурсам и запрещает любому иностранному лицу или иностранной корпорации получать любые находящиеся в Индии биологические ресурсы или связанные с ними знания для проведения исследований, обзоров или коммерческого использования без предварительного согласия индийского Национального управления по вопросам биоразнообразия. Закон Кении о защите традиционных знаний и выражений культуры 2016 г. определяет предмет и степень их защиты, а также круг правообладателей и бенефициаров [2].

В целом поддерживая позицию А. Ш. Газизовой, отметим, что охрану традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов целесообразно осуществлять как в рамках современной системы права интеллектуальной собственности, так и путем разработки специальных национальных (внутригосударственных) правовых актов о защите традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов с определением субъекта и перечня объектов правовой защиты, исходя из специфики страны и механизмов реализации правовых актов. Одним из механизмов реализации правовых актов является формирование национального реестра объектов нематериального культурного наследия коренных народов.

В начале XXI в. в связи с глобализацией, изменениями климата, промышленным освоением природных ресурсов арктического региона вопросы защиты самобытной культуры коренных народов Арктики особенно

актуальны и прежде всего по отношению к арктическому оленеводству. Именно при занятии кочевым оленеводством в условиях Арктики повседневно используются традиционные знания и умения, генетические ресурсы, родные языки, традиции и обычаи, верования и традиционные блюда питания кочевников. Только в этой сфере хозяйственной деятельности аборигены не встречают конкуренции со стороны представителей доминирующего общества [8]. В основе сохранения уникальной культуры аборигенов Севера лежит необходимость правового признания кочевого и полукочевого образа жизни в Арктике, где ведутся этнические формы хозяйства, сохранились традиции, обычаи, верования и этнические формы материальной и духовной культуры народа, применяются уникальные родные языки [9]. Например, в эвенском языке [10] имеется более 20 названий снега, 25 названий ветра, около 2 000 названий оленя и т. д. Вне естественной жизни с родителями ребенок не может усвоить все тонкости родного языка в условиях только классно-урочной формы в интернатах, в отрыве от традиционного уклада жизни родителей и без участия самих родителей-олeneводов в воспитании и обучении ребенка [8].

Разумеется, биологические (генетические) ресурсы не являются результатами интеллектуальной деятельности, но их использование невозможно без применения уникальных традиционных технологий, знаний и умений, которые накоплены коренными народами. Примером может быть изготовление лекарственных сборов трав, биологически активных препаратов и т. д. Следовательно, можно говорить о традиционных знаниях и умениях, связанных с использованием биологических (генетических) ресурсов. Только в этом случае они могут рассматриваться как подлежащие правовой охране результаты интеллектуальной деятельности, могут быть защищены патентами. Представляется, что объектами правовой защиты должны стать именно продукты общины, разработанные на основе традиционных знаний и умений, применяемых при использовании биологических (генетических) ресурсов.

Для обеспечения правовой охраны таких специфических результатов интеллектуальной деятельности необходимо создание национальной базы данных о биологических (генетических) ресурсах и закрепление в законодательстве нормы об обязанности справедливого распределения доходов от их коммерческого использования. Например, малочисленные народы Севера испокон веков использовали рога оленя (панты) в качестве биологических препаратов для укрепления иммунитета в экстремальных условиях Арктики. Сегодня в аптеках активно продаются биологические препараты и биодобавки («Цыгапан», «Пантокрин» и др.) из рогов северного оленя, запатентованные коммерческими структурами, в которых использованы традиционные знания аборигенов Арктики. При этом коренные народы не получают доходов от этого бизнеса.

Назрела необходимость изменить отношение и к некоторым иным результатам интеллектуальной деятельности коренных народов. Как справедливо отмечает Н. А. Новикова, «необходимо на правовом уровне признать творческий характер произведений фольклора и признать их объектами интеллектуальных прав, обозначив в качестве правообладателя народ, создавший эти объекты. Кроме того, коль скоро иные лица, не имеющие отношения к возникновению творческого объекта, хотят использовать данный объект, они должны это делать в тех пределах, которые допускает правообладатель, как принято в сфере интеллектуальной собственности, с обязательным указанием имени автора, которым в отношении фольклора является народ, этническая группа» [5, с. 204]. Следует подчеркнуть, что правообладателем произведений фольклора в данном случае целесообразно признавать не народ, а объединения лиц, относящихся к числу коренных народов (в качестве юридических лиц).

Особо следует отметить проблемы правоприменительной практики в сфере права интеллектуальной собственности, к примеру в части разграничения копирования традиционных выражений культуры (что обычно запрещено) и работ, созданных на основе традиционных выражений культуры. Например, малочисленные народы севера Якутии недовольны бесконтрольным копированием

артистами эстрады традиционных выражений культуры (ритуальных танцев, песен, камлания шаманов), а также использованием лицами, не относящимися к числу коренных малочисленных народов РФ, национальных элементов узора и продукции кочевников из оленьего камуса и меха для личных и коммерческих целей и получения доходов.

Что же касается применения норм патентного законодательства, то оно возможно и достаточно широко применяется: представители народов Севера патентуют изобретения, например передвижные кочевые домики оленеводов Арктики или модели национальной одежды, сделанные по канонам знаний предков. Товарные знаки могут использоваться аборигенами для продажи, например, авторских изделий косторезного искусства или якутских ножей.

Особое правовое положение коренных народов нашло отражение в конституциях ряда государств Латинской Америки и Арктических государств. В ст. 69 Конституции России государство гарантирует права коренных малочисленных народов в соответствии с общепризнанными принципами и нормами международного права и международными договорами Российской Федерации, защиту культурной самобытности всех народов и этнических общностей, сохранение этнокультурного и языкового многообразия.

Следует поддержать предложения Е. Ф. Гладун и О. В. Захаровой о включении традиционных знаний коренных сообществ Севера в виде базовых принципов современного российского экологического законодательства, которые, по их мнению, позволят не только сохранить необходимый уровень биологического разнообразия и продуктивности исконно принадлежавших им территорий, но и повлиять на соответствующее поведение всего российского сообщества и его отдельных представителей, проживающих на северных территориях [11].

Однако, на наш взгляд, специфика традиционных знаний и умений, иных результатов интеллектуальной деятельности коренных малочисленных народов (как возможных объектов правовой охраны) требует внесения изменений в отдельные главы четвертой части ГК РФ либо даже разработки специаль-

ной главы, отражающей эту специфику («Традиционные знания и иные результаты интеллектуальной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»). Необходимо обсудить возможность изменения норм подпункта 3 п. 6 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), которые определяют, что произведения фольклора не относятся к категории объектов авторских прав, а значит, не подлежат защите со стороны государства. Будучи примененными к фольклору коренных малочисленных народов РФ, да и иных этнических общностей, данные нормы, на наш взгляд, противоречат ст. 69 Конституции РФ, в которой государство гарантирует защиту культурной самобытности всех народов и этнических общностей, сохранение этнокультурного и языкового многообразия. Разумеется, необходимо обеспечить баланс мер публично-правового и частноправового обеспечения прав коренных малочисленных народов в этом случае. Термины и определения новых объектов и субъекта права интеллектуальной собственности следует внести в ст. 1 «Основные понятия» Федерального закона от 30.04.1999 № 82-ФЗ «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» (последняя редакция).

В последнее время в научном сообществе возникают дискуссии о юрисдикции учреждений, разрабатывающих цифровые базы данных по культурному наследию коренных народов, а также о создании правовых механизмов взаимодействия вышеуказанных учреждений с региональными общественными организациями аборигенов по реализации и использованию продуктов интеллектуальной собственности отдельных народов, в том числе в образовательных и коммерческих целях. Следует подчеркнуть, что аборигены заинтересованы в различных инновационных формах сохранения своей самобытной культуры, включая использование цифровых технологий в образовательном процессе, а также для обмена информацией с другими коренными народами. При этом их традиционные знания часто имеют характер сакральных, тайных знаний, которые не подлежат распространению и должны быть защищены коммерческой тайной.

На наш взгляд, необходима разработка международного акта в сфере права интеллектуальной собственности, защищающего самобытную культуру и интересы коренных народов, создающего правовые условия для адаптации этих народов к новым вызовам времени. В результате этого процесса самобытная культура этих народов по праву войдет в сокровищницу всемирного наследия человечества. Аборигены смогут получать доходы от предпринимательской деятельности при реализации и использовании продуктов интеллектуальной собственности в целях устойчивого развития.

Одним из первых практических шагов в сфере защиты самобытной культуры коренных народов Арктики может стать разработка международного реестра объектов интеллектуальной собственности коренных народов при Всемирной организации интеллектуальной собственности ООН, а также при Арктическом совете на основе национальных реестров, баз данных объектов интеллектуальной собственности арктических государств в сфере авторских прав, патентов, товарных и географических знаков и т. д. Также было бы целесообразно создать международный третейский суд по вопросам интеллектуальной собственности коренных народов при Всемирной организации интеллектуальной собственности ООН.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В последние годы приняты важные международно-правовые акты в сфере защиты самобытной культуры аборигенов. Однако в национальном законодательстве остаются пробелы в установлении порядка правовой охраны традиционных знаний и умений аборигенов, иных результатов интеллектуальной деятельности этих народов в контексте права интеллектуальной собственности, что обусловлено специфическим характером субъекта и содержания права.

Лидеры общественных движений коренных народов осознали необходимость правовой охраны традиционных знаний и умений как органичной части самобытной культуры своих народов в условиях глобализации, развития инновационных технологий и цифровизации. Но пока не решен вопрос о балансе

мер публично-правовой и частноправовой охраны этого особого результата интеллектуальной деятельности. Общинная природа субъекта права интеллектуальной собственности требует теоретического обоснования этого уникального феномена в категориях права, а также специального правового регулирования, разработки и утверждения единых международных стандартов и механизмов реализации специального права интеллектуальной собственности на традиционные знания и иные продукты интеллектуальной деятельности аборигенных народов.

Поскольку регулирование права интеллектуальной собственности – вопрос исключительного ведения Российской Федерации, требуется внесение соответствующих изменений в Гражданский кодекс РФ и федеральные законы. Специфика традиционных знаний и умений, иных результатов интеллектуальной деятельности коренных малочисленных народов (как возможных объектов правовой охраны) требует внесения изменений и в отдельные главы четвертой части ГК РФ либо даже разработки специальной главы, отражающей эту специфику («Традиционные знания и иные результаты интеллектуальной деятельности коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации»). Следует задуматься и о возможности изменения норм под-

пункта 3 п. 6 ст. 1259 Гражданского кодекса Российской Федерации, которые определяют, что произведения фольклора не относятся к категории объектов авторских прав, а значит, не подлежат защите со стороны государства. Необходимо обеспечить баланс мер публично-правового и частноправового обеспечения прав коренных малочисленных народов в этом случае, а также разумное сочетание международно-правового и национального правового регулирования.

Остается надежда, что совместными усилиями международного сообщества, сообществ коренных народов и экспертных юридических сообществ удастся решить проблему правовой охраны традиционных знаний и умений, иных результатов интеллектуальной деятельности коренных малочисленных народов как органичного элемента их самобытной культуры в рамках современного права.

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА

Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ), проекта № 20-010-00252 «Экономико-правовые механизмы регулирования и развития территорий традиционного природопользования в контексте промышленного освоения Арктики».

ЛИТЕРАТУРА

1. Охрана и поддержка родной культуры: практическое руководство по вопросам ИС для коренных народов и местных общин. Женева: WIPO, 2017. 27 с.
2. Газизова А. Ш. Об охране традиционных знаний, традиционных выражений культуры и генетических ресурсов // Рос. юрид. журн. 2019. № 2. С. 58–65.
3. Корчагин А. Д., Симонова Л. Н., Смирнова Ю. Г., Пономарева Н. Г. Использование системы интеллектуальной собственности для правовой охраны генетических ресурсов, традиционных знаний и народного творчества : монография. М. : ИНИЦ Роспатента, 2002. 101 с.
4. Неретин О. П. Интеллектуальная собственность как инструмент цифровизации культуры: к вопросу сохранения традиционных знаний и традиционных выражений культуры // Вестн. Москов. гос. ун-та культуры и искусств. 2018. № 6 (86). С. 158–163.

REFERENCES

1. Protect and Promote Your Culture: A Practical Guide to Intellectual Property for Indigenous People and Local Communities. Geneva : WIPO, 2017. 27 p. (In Russian).
2. Gazizova A. Sh. On the Tradition Knowledge, Tradition Cultural Expressions and Genetic Resources Protection // Russian Juridical Journal. 2019. No. 2. P. 58–65. (In Russian).
3. Korchagin A. D., Simonova L. N., Smirnova Yu. G., Ponomareva N. G. Ispolzovanie sistemy intelektualnoi sobstvennosti dlia pravovoi okhrany geneticheskikh resursov, traditsionnykh znaniy i narodnogo tvorchestva : Monograph. Moscow : INITs Rospatenta, 2002. 101 p. (In Russian).
4. Neretin O. P. Intellectual Property as a Tool of Digitalization of Culture: To Preserve Traditional Knowledge and Traditional Cultural Expressions // Vestnik MGUKI. 2018. No. 6 (86). P. 158–163. (In Russian).

5. Новикова Н. А. Фольклор как объект интеллектуальных прав // Правовая защита интеллектуальной собственности: проблемы теории и практики : сб. материалов. М. : Москов. гос. юрид. ун-т им. О. Е. Кутафина, 2017. С. 200–205.
6. Blakeney M. The Protection of Traditional Knowledge under Intellectual Property Law // European Intellectual Property Review. 2000. Vol. 22. P. 251–261.
7. Слепцов А. Н. Региональные аспекты развития Российской Арктики на примере Республики Саха (Якутия) // Арктика и Север. 2015. № 19. С. 115–133.
8. Бурцева Е. И., Потравный И. М., Гассий В. В. и др. Экономика традиционного природопользования: взаимодействие коренных народов Севера и бизнеса в российской Арктике / под общ. ред. Е. И. Бурцевой и И. М. Потравного. М. : Экономика, 2019. 318 с.
9. Слепцов А. Н. Община как форма самоорганизации народов Севера // Меридиан. 2016. № 1 (1). С. 1–4.
10. Роббек В. А. Традиционные знания народов Арктики и Севера – резерв устойчивого развития Арктики // Вопр. истории и культуры север. стран и территорий. 2009. № 2 (6). С. 40–43.
11. Гладун Е. Ф., Захарова О. В. Интеграция традиционных знаний коренных малочисленных народов Севера в законодательство Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 3. С. 76–87. DOI 10.34822/2312-3419-2021-3-76-87.
5. Novikova N. A. Folklor kak obekt intellektualnykh prav // Pravovaya zashchita intellektual. sobstvennosti: problemy teorii i praktiki : Collection of works. Moscow : Kutafin Moscow State University, 2017. P. 200–205. (In Russian).
6. Blakeney M. The Protection of Traditional Knowledge under Intellectual Property Law // European Intellectual Property Review. 2000. Vol. 22. P. 251–261.
7. Sleptsov A. N. Russian Arctic Regional Development Aspects by the Example of the Republic of Sakha (Yakutia) // Arctic and North. 2015. No. 19. P. 115–133. (In Russian).
8. Burtseva E. I., Potravnyi I. M., Gassy V. V. et al. Ekonomika traditsionnogo prirodopolzovaniia: vzaimodeistvie korennykh narodov Severa i biznesa v rossiiskoi Arktike / Eds. E. I. Burtseva, I. M. Potravnyi. Moscow : Ekonomika, 2019. 318 p. (In Russian).
9. Sleptsov A. N. Obshchina kak forma samoorganizatsii narodov Severa // Meridian. 2016. No. 1 (1). P. 1–4. (In Russian).
10. Robbek V. A. Traditsionnye znaniia narodov Arktiki i Severa – rezerv ustoichivogo razvitiia Arktiki // Historical and Cultural Problems of Northern Countries and Regions. 2009. No. 2 (6). P. 40–43. (In Russian).
11. Gladun E. F., Zakharova O. V. Integration of Traditional Knowledge of Indigenous Minorities of the North into the Russian Federation Legislation // Surgut State University Journal. 2021. No. 3. P. 76–87. DOI 10.34822/2312-3419-2021-3-76-87. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Слепцов Анатолий Николаевич – кандидат юридических наук, заведующий кафедрой арктического права и права стран Азиатско-Тихоокеанского региона, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.
Email: uyandi@mail.ru

Слепцова Ирина Анатольевна – студент, Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова, Якутск, Россия.
Email: irina.sleptsova00@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Anatoly N. Sleptsov – Candidate of Sciences (Law), Head, Department of Arctic Law and Law of APAC Countries, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.
Email: uyandi@mail.ru

Irina A. Sleptsova – Student, M. K. Ammosov North-Eastern Federal University, Yakutsk, Russia.
Email: irina.sleptsova00@gmail.com

Представляем юридическую школу

УДК 342.5

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-96-104

**ТРАНСФОРМАЦИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ
ОРГАНИЗАЦИИ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ В СУБЪЕКТАХ РОССИЙСКОЙ
ФЕДЕРАЦИИ (ЕСТЬ ЛИ МЕСТО ФЕДЕРАЛИЗМУ?)**

М. С. Саликов

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: salikov.marat@list.ru

В статье рассматриваются вопросы организации публичной власти в субъектах Российской Федерации. Исследуя проект закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации», автор анализирует степень и глубину предполагаемой включенности федеральной власти в организацию и деятельность региональных органов государственной власти и органов местного самоуправления. В статье содержатся замечания и рекомендации как по концепции, предмету и наименованию указанного проекта, так и по содержанию конкретных его норм. Отмечается, что проект закона действительно направлен на развитие конституционных норм, закрепивших принцип единства публичной власти. Однако он олицетворяет явную тенденцию к усилению начал централизации и патернализма в системе федеративных отношений в ущерб принципу субсидиарности.

Ключевые слова: публичная власть, органы публичной власти, федерализм, региональные органы государственной власти, органы местного самоуправления, общие принципы деятельности органов публичной власти в субъектах Российской Федерации.

Для цитирования: Саликов М. С. Трансформация законодательного регулирования организации публичной власти в субъектах Российской Федерации (есть ли место федерализму?) // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 96–104. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-96-104.

**TRANSFORMATION OF LEGISLATIVE REGULATION
OF PUBLIC AUTHORITY ARRANGEMENT IN THE SUBJECTS
OF THE RUSSIAN FEDERATION
(IS THERE A PLACE FOR FEDERALISM?)**

M. S. Salikov

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: salikov.marat@list.ru

The article considers the issues of public authority arrangement in the subjects of the Russian Federation. Studying the draft law “On general principles of public authority arrangement in the subjects of the Russian Federation”, the author analyzes the degree and depth of supposed involvement of the federal authority into the arrangement and activity of regional bodies of public authority and local self-government bodies. The article contains comments and recommendations for both the concept, subject and title of the draft and contents of its particular rules. It is determined that the draft law is in fact directed to develop constitutional rules that enshrine the principle of the unity of public authority. However, it represents a clear tendency towards strengthening of the principles of centralization and paternalism in the system of federative relations against the detriment of the subsidiary principle.

Keywords: public authority, bodies of public authority, federalism, regional bodies of public authority, local self-government bodies, general principles of the public authority bodies’ activities in the subjects of the Russian Federation.

For citation: Salikov M. S. Transformation of Legislative Regulation of Public Authority Arrangement in the Subjects of the Russian Federation (Is There a Place for Federalism?) // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 96–104. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-96-104.

ВВЕДЕНИЕ

Поправки, внесенные в Конституцию России в 2020 г., потребовали существенной работы по приведению действующего законодательства в соответствие с конституционными новеллами. Как отметил П. В. Крашенинников, «законодателем уже проведена серьезная работа по реализации конституционных норм. Базовые вопросы функционирования публичной власти нашли свое закрепление в принятых законах: новом Федеральном конституционном законе «О Правительстве Российской Федерации», в Федеральном законе «О Государственном Совете Российской Федерации»; существенные изменения были внесены в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации». Продолжается работа над реализацией обновленных конституционных положений» [1]. Учитывая, что единая система публичной власти включает в себя не только органы государственной власти (причем как федеральные, так и региональные), но и органы местного самоуправления, крайне важным представляется рассмотрение подходов федерального законодателя к конструируемой им в широко обсуждаемом сейчас проекте закона модели взаимоотношений между тремя уровнями публичной власти: федеральным, региональным и муниципальным.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объектом исследования является содержание феномена публичной власти и его преломление как в действующем нормативном регулировании, так и в проекте Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации». В ходе работы были использованы общие (метод научного анализа и синтеза, дедукции и индукции, диалектический метод) и частные (формально-юридический и сравнительно-правовой метод, метод конституционно-правового моделирования, анализа и обобщения судебной практики) методы научного познания.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Вопросы публичной власти являются предметом исследований многих государствоведов. Так, С. А. Авакьян отмечает, что «наличие публичной власти в виде государственной власти и власти местного самоуправления является одной из характеристик конституционного строя России, что отражается не только в ст. 3, но и в других положениях главы 1 Конституции “Основы конституционного строя”: в ст. 11 отражается система государственной власти, в ст. 12 – наличие местного самоуправления, самостоятельного от государственной власти» [2, с. 8].

По мнению А. Н. Черткова, «категория “публичная власть” включает не только органы власти двух подсистем (государственной и муниципальной), но и народовластие. Народ России, население субъектов Федерации, а также население муниципального образования любого типа могут и должны участвовать в решении публичных дел» [3].

В свою очередь, А. А. Югов определяет орган публичной власти как учрежденную в законоустановленном порядке организационную структуру социального управления соответствующей формы публичной власти, цель создания и содержание деятельности которой объективно обусловлены общими всенародными интересами и призваны защитить конституционные ценности. Кроме того, он выделяет следующие признаки органа публичной власти: правомерный характер осуществления публичной власти; наличие специального аппарата для реализации компетенции; легитимный характер публично-властной деятельности; создание кратологических норм; применение принуждения; обязательность принимаемых властных решений; ответственность перед электоратом; собственная компетенция; наличие экономической основы [4].

Конституционный Суд РФ неоднократно обращался к рассмотрению публичной власти, исследовал ее природу и состав [5–7]. В своем Заключении от 16.03.2020 Конституционный Суд РФ, в частности, подчеркнул,

что конституционные новации «не отрицают самостоятельности местного самоуправления в пределах его полномочий и не свидетельствуют о вхождении органов местного самоуправления в систему органов государственной власти». В свою очередь, органы местного самоуправления «во всяком случае входят в единую систему публичной власти политического союза (объединения) многонационального российского народа. Иное, в частности, влекло бы нарушение государственного единства Российской Федерации и означало бы неприменимость к местному самоуправлению базовых конституционно-правовых характеристик Российского государства (ст. 1, ч. 1 Конституции Российской Федерации), что является конституционно-правовым нон-сенсом» [8].

Феномен публичной власти в настоящее время является не только доктринальной категорией, он нашел свое нормативное закрепление, причем на уровне Конституции РФ. Как указывалось выше, в настоящее время проводится работа по включению публичной власти в подконституционное законодательство. В данной работе будет предпринята попытка анализа ряда положений проекта Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

Замечания и рекомендации по концепции, предмету и наименованию законопроекта:

1. Проект федерального закона подготовлен в развитие положений Конституции Российской Федерации о единой системе публичной власти [9]. Согласно п. «г» ст. 71 Конституции РФ «организация публичной власти» отнесена к предметам федерального ведения [10, с. 149]. В то же время федеральные законы, устанавливающие «*общие принципы...*», принимаются по предметам совместного ведения, установленным ст. 72 Конституции РФ. Например, федеральные законы «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации»; «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации»; «Об общих принципах организации и деятельности контрольно-счетных органов

субъектов Российской Федерации и муниципальных образований»; «Об общих принципах организации общин коренных малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока Российской Федерации» и др.

2. Ст. 72 Конституции РФ в п. «н» закрепляет «установление общих принципов организации системы органов государственной власти и местного самоуправления». В развитие этого положения в свое время были приняты федеральные законы «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» (далее – ФЗ-184) и «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (далее – ФЗ-131).

Исходя из текста проекта, им предполагается «заменить» действующий ФЗ-184. Между тем ст. 77 Конституции РФ по-прежнему устанавливает необходимость установления федеральным законом общих принципов организации именно «представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации». Даже если предположить, что закрепление указанных принципов можно осуществлять не в «титульном» законе (т. е. законе о представительных и исполнительных органах государственной власти субъектов РФ), а в ином федеральном законе, то также возникает вопрос о принципах, их сути и содержании. Как уже отмечалось, конституционный законодатель говорит об «общих принципах организации представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», тогда как ст. 2 проекта регламентирует «принципы деятельности органов, входящих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации». Таким образом, проект расширяет федеральное ведение, как минимум, в двух аспектах: а) он устанавливает не «общие принципы организации органов», а «принципы деятельности органов», т. е. выходит за границы предмета, очерченного в наименовании проекта; б) он устанавливает не «общие принципы организации представительных и исполнительных органов государственной власти субъектов РФ», а принципы деятельности «органов, входя-

щих в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации» (что гораздо шире), т. е. выходит за границы, очерченные в ст. 77 Конституции РФ.

3. Из наименования проекта «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» вытекает, что в проекте предполагается регламентация принципов организации «всей» публичной власти в субъектах Российской Федерации, т. е. всех органов, входящих в ее единую систему.

Во-первых, необходимо разобраться с составом всех органов, входящих в единую систему. Согласно ч. 1 ст. 1 проекта «в соответствии с Конституцией Российской Федерации органы государственной власти, иные государственные органы, органы местного самоуправления в их совокупности входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Между тем Конституция РФ в ч. 3 ст. 132 устанавливает, что лишь «органы местного самоуправления и органы государственной власти входят в единую систему публичной власти в Российской Федерации и осуществляют взаимодействие для наиболее эффективного решения задач в интересах населения, проживающего на соответствующей территории». Таким образом, ст. 132 Конституции ничего не говорит об иных государственных органах. О них говорится в Федеральном законе «О Государственном Совете Российской Федерации». В связи с этим необходимо либо убрать ссылку на Конституцию, либо добавить ссылку на указанный закон.

Во-вторых, если исходить из содержащейся в наименовании задачи – установить принципы организации всей публичной власти в субъектах Российской Федерации, то и в содержании проекта должны регламентироваться принципы организации всех органов, включая иные государственные органы. В проекте говорится о них, но только на региональном уровне, тогда как в понятие «иные государственные органы» не могут не включаться и иные федеральные государственные органы. Кроме того, к иным регио-

нальным органам относятся, например, избирательные комиссии, но они в проекте также не указаны. В связи с этим необходимо либо дополнить проект упоминанием об этих органах, либо, как минимум, включить отсылочные нормы к соответствующим нормативным актам, регламентирующим их статус, включая принципы.

В-третьих, в наименовании проекта, в отличие от действующего ФЗ-184 (где содержатся общие принципы организации органов субъектов РФ), говорится об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ. А в субъектах РФ, как известно, функционируют не только региональные, но и федеральные органы государственной власти в лице их территориальных органов. В проекте упоминается лишь один такой орган – территориальный орган федерального органа исполнительной власти по налогам и сборам. В связи с этим необходимо либо «уйти» от тотального регулирования всех органов публичной власти и, следовательно, изъять предлог «в» в наименовании и, соответственно, в содержании проекта, либо, следуя поставленной в наименовании задаче, регламентировать (пусть и в отсылочном формате) принципы организации всех органов публичной власти, функционирующих в субъекте, включая федеральные.

4. Проект «претендует» на регулирование «общих принципов...». Между тем, по сути, предлагается «замещение» проектом действующего ФЗ-184. Последний, как известно, посвящен законодательным, исполнительным органам и высшему должностному лицу субъекта РФ. Проект имеет более широкий предмет – все органы, входящие в единую систему публичной власти, включая органы местного самоуправления. Однако именно органам местного самоуправления посвящено крайне мало нормативного материала. Таким образом, предполагается, что ФЗ-131 останется в правовой системе и по-прежнему будет регламентировать те отношения, которые он в настоящее время регламентирует. Однако это, как нам представляется, как минимум, противоречит логике по следующим основаниям.

Если и органы государственной власти, и органы местного самоуправления входят

в единую систему публичной власти, почему в проекте подробно регулируются вопросы организации и деятельности лишь органов государственной власти? Между тем и те и другие органы, согласно Конституции РФ, самостоятельны. С тем же успехом можно было «заместить» ФЗ-131. Но последний оставлен, а ФЗ-184 – нет.

Можно было бы предложить два варианта решения данной проблемы:

1. Принятие отдельного закона об организации публичной власти (в соответствии со ст. 71 Конституции РФ), в котором будут установлены лишь основы данного института (с изъятием соответствующих норм из Федерального закона «О Государственном Совете Российской Федерации», поскольку в нем они «выбиваются» из предмета регулирования), причем для всех органов, входящих в единую систему публичной власти, а не только для региональных законодательных и исполнительных органов. Кроме того, потребуются внесение соответствующих изменений в действующие ФЗ-184 и ФЗ-131, включая отсылочные нормы к закону об организации публичной власти.

2. Отказ от принятия общего закона об организации публичной власти. Внесение соответствующих изменений в действующие ФЗ-184 и ФЗ-131, а именно общих норм об организации публичной власти.

Однако, к сожалению, реализация указанных вариантов в сложившейся ситуации уже невозможна, учитывая принятие проекта в первом чтении [11].

Замечания и рекомендации по содержанию конкретных норм законопроекта. Согласно ч. 2. ст. 20 проекта «высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации избирается гражданами Российской Федерации или депутатами законодательного органа субъекта Российской Федерации на пять лет». То есть предлагается отказаться от лимита количества сроков полномочий высших должностных лиц субъектов РФ. Думается, что данную новеллу следует рассматривать с двух сторон. С одной стороны, субъекты получают право самостоятельно устанавливать (или не устанавливать) количество предельных сроков. И это можно расценивать как положительный аспект.

По словам председателя Государственной Думы ФС РФ В. Володина, «считают они два срока – пускай будет два, три – три, убирают они эту норму – пускай уберут. Мы какие-то права должны дать нашим коллегам в региональных парламентах» [11]. С другой стороны, здесь просматривается определенное лукавство. Федеральный центр, устанавливая «общие принципы», довольно детально регламентирует как полномочия региональных (а теперь уже и муниципальных) органов, так и организацию их деятельности, здесь же «отпускает удила» и «позволяет» регионам «свое мнение иметь». Хотя в отношении главы государства установлен такой лимит и было бы логично установить его и в отношении региональных глав. В этой связи П. В. Крашенинников отмечает: «Нормы о количестве сроков полномочий высшего должностного лица субъекта предложено исключить из федерального закона. Однако это не лишает регионы возможности, с учетом своей специфики, самостоятельно предусмотреть в уставах и конституциях правила по количеству переизбрания главы субъекта. В каждом регионе разные общественно-политические ситуации. Мы знаем примеры, когда губернаторы долгое время успешно справлялись со своей работой (возьмем, например, Белгородскую или Кемеровскую области)» [1]. Время покажет, смогут ли субъекты РФ в лице законодательных органов «совладать» со своим главой и ограничить его определенным сроком.

В ч. 6 этой же статьи закреплено, что «в соответствии с принципом единства системы публичной власти высшее должностное лицо субъекта Российской Федерации одновременно замещает государственную должность Российской Федерации и государственную должность субъекта Российской Федерации». Если исходить из другого принципа (кстати, конституционно закрепленного гораздо раньше), а именно принципа федерализма, то одновременное замещение федеральной и региональной государственной должности представляется нонсенсом. Это означает попросту «превращение» или «конвертацию» высшего должностного лица субъекта Российской Федерации в федерального чиновника со всеми вытекающими по-

следствиями, включая тотальную подотчетность (даже по вопросам собственного ведения региона) и ответственность. Представляется, что «дарованное право» устанавливать или не устанавливать лимиты сроков полномочий полностью нивелируется положением рассматриваемого пункта. Субъект РФ может не устанавливать никаких лимитов в этой части, но такой «нелимитированный конверт» может быть освобожден «сверху» в любой момент, невзирая ни на что, поскольку он уже в «федеральной обойме», где региональные нормативные установления не будут иметь никакого значения.

Согласно ч. 4 ст. 20 «наименованием должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации является “Глава” с дальнейшим указанием наименования субъекта Российской Федерации». В ч. 5 этой же статьи установлено, что «конституцией (уставом) субъекта Российской Федерации с учетом исторических, национальных и иных традиций данного субъекта Российской Федерации может быть предусмотрено дополнительное наименование должности высшего должностного лица субъекта Российской Федерации, которое может указываться в нормативных правовых актах субъекта Российской Федерации после закрепленного настоящим Федеральным законом наименования. Такое наименование не может содержать слов и словосочетаний, составляющих наименование должности главы государства – Президента Российской Федерации». Что касается установления единого наименования должности высшего должностного лица (ВДЛ) субъекта Российской Федерации, то это попытка окончательно решить вопрос с приведением к общему знаменателю титула ВДЛ теперь уже применительно ко всем видам субъектов РФ. Ранее термином «глава» был заменен термин «президент» в республиках, входящих в состав РФ [12, с. 39], однако замена была произведена не везде. Как известно, в Республике Татарстан наименование так и не изменилось. В связи с этим на поверхности вопрос к федеральным контрольно-надзорным органам: где реакция? Или она заключается в том, чтобы уже во всех субъектах сделать одинаковые наименования? Кстати, вполне

ожидаемо Госсовет Республики Татарстан негативно оценил проект в части наименования ВДЛ [13]. Если же субъектами будут применяться т. н. «дополнительные» наименования, то это только усложнит конструкцию. Например, глава Ханты-Мансийского автономного округа – Югры – губернатор. Представляется, кстати, что именно наименование «губернатор» более благозвучно и имеет исторические корни в России, т. е. оно использовалось еще в досоветский период. Причем наименование «губернатор» вполне могло бы применяться и в республиках. Скажем, в Конституции недолго просуществовавшей Уральской Республики ее главой был именно губернатор, а не президент [14].

В проекте появились новеллы, связанные с установлением большей вовлеченности федерального центра в формирование и даже деятельность отдельных региональных органов. Так, согласно ч. 3 ст. 4 законопроекта «федеральные органы исполнительной власти могут участвовать в формировании органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации, осуществляющих государственное управление в сфере образования, здравоохранения, финансов, а также осуществляющих жилищный, строительный надзор, назначение на должность и освобождение от должности должностных лиц указанных органов исполнительной власти субъекта Российской Федерации в порядке и случаях, установленных федеральным законом». Как видно, во-первых, определены конкретные сферы, в назначении на должность и освобождении от должности должностных лиц которых смогут участвовать федеральные органы исполнительной власти. Почему избраны именно эти сферы – неясно, в Пояснительной записке не содержится ответа. Зато в ней сказано, что «данное положение корреспондирует конституционным нормам о возможности участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления и предопределяется функциональным единством органов публичной власти» [9]. Каким образом из конституционных норм о возможности участия органов государственной власти в формировании органов местного самоуправления вытекает право федерального

центра участвовать в формировании органов исполнительной власти субъектов РФ? Во-вторых, порядок и случаи назначения на должность и освобождения от должности этих должностных лиц будут устанавливаться федеральным законом, т. е. субъект и здесь отстраняется от хотя бы участия в процессе регулирования «участия» федеральных органов в формировании органов региональных. Между тем ч. 2 ст. 11 Конституции РФ по-прежнему устанавливает, что «государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти». Ни о каком участии каких бы то ни было иных органов, включая федеральные, в тексте данной статьи не говорится.

Однако проект идет дальше и в отношении одного из региональных органов устанавливает еще более жесткие требования. Речь идет о финансовом органе субъекта Российской Федерации, который объявляется обязательным органом исполнительной власти субъекта Российской Федерации. При этом закрепляется, что финансовый орган субъекта Российской Федерации взаимодействует с территориальными органами федерального органа исполнительной власти по налогам и сборам в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. А руководитель регионального финансового органа назначается на должность из числа лиц, отвечающих квалификационным требованиям, установленным Правительством Российской Федерации. Проведение проверки соответствия кандидатов на замещение должности руководителя данного органа квалификационным требованиям осуществляется с участием уполномоченного Правительством Российской Федерации федерального органа исполнительной власти в порядке, установленном Правительством Российской Федерации. Представляется лишним отмечать соотношение юридической силы норм Конституции РФ (особенно содержащихся в ее главе первой) и подзаконных актов, к коим относятся акты Правительства РФ. Объяснения, касающиеся того, каким образом принцип единой публичной власти «корреспондирует» ущемлению конституционных гарантий субъектов РФ, разумеется,

отсутствуют. Надо полагать, на следующем витке законодательного регулирования количество «сфер» расширится, а «участие» федеральных органов углубится.

Проект содержит немало и других, как минимум, спорных положений. Часть из них изложена в Заключение Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления. В нем, в частности, содержится обоснованная критика положений, касающихся установления пятнадцатидневного срока (уменьшенного в два раза) для представления отзывов на проекты федеральных законов по предметам совместного ведения, внесенные в Государственную Думу, и такого же срока для представления поправок к проектам федеральных законов по предметам совместного ведения, принятым Государственной Думой в первом чтении, содержащих различия в подходах к изложению полномочий органов государственной власти субъектов РФ по предметам совместного ведения (когда вместо полномочий «в сферах» закрепляются конкретные полномочия), а также касающихся дублирования полномочий региональных органов государственной власти и вопросов местного значения органов местного самоуправления и др. [9].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Трансформация законодательства о публичной власти (в частности, рассмотренный выше законопроект) действительно направлена на развитие конституционных норм, закрепивших принцип ее единства. В то же время он олицетворяет явную тенденцию к усилению начал централизации и патернализма в системе федеративных отношений в ущерб принципу субсидиарности, который, наоборот, ориентирует на усиление децентрализации системы публичной власти путем фиксации презумпции приоритетного права территориальных единиц минимально возможного уровня, обладающих достаточным потенциалом для решения конкретных задач, на реализацию полномочий по конкретным предметам ведения. К сожалению, законопроект продолжает и даже усиливает практику отхода федерального законодателя от установления общих принципов организации региональных органов, детально ре-

гламентируя вопросы их формирования и деятельности. В связи с этим можно говорить лишь о дальнейшем развитии национальной («идентичной»?) модели федерализма в России, фактически не оставляющего места региональной и местной инициати-

ве, реализации даже тех прав субъектов Федерации и местных сообществ, которые закреплены в федеральной Конституции. И, по сути, «вымываются» реальные федералистские начала государства, провозглашенного федеративным в его Основном Законе.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крашенинников П. Павел Крашенинников представляет проект нового закона о региональной власти // Рос. газета. 2021. 8 ноября.
2. Авакьян С. А. Структура публичной власти в России: проблемы формирования и развития // Вестн. Сибир. юрид. ин-та МВД России. 2018. № 4 (33). С. 7–13.
3. Чертков А. Н. Публичная власть в обновленной Конституции. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/publichnaya-vlast-v-obnovlennoy-konstitutsii/> (дата обращения: 15.11.2021).
4. Югов А. А. Органы публичной власти в свете конституционной реформы – 2020: понятие и основные признаки // Конституционное и муниципальное право. 2021. № 6. С. 3–9.
5. По делу о проверке конституционности закона Удмуртской Республики от 17 апреля 1996 года «О системе органов государственной власти в Удмуртской Республике»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 24.01.1997 // СЗ РФ. 1997. № 5. Ст. 708.
6. По делу о проверке конституционности статей 80, 92, 93 и 94 Конституции Республики Коми и статьи 31 Закона Республики Коми от 31.10.1994 «Об органах исполнительной власти в Республике Коми»: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 15.01.1998 // СЗ РФ. 1998. № 4. Ст. 532.
7. По делу о проверке конституционности частей 4, 5 и 5.1 статьи 35, частей 2 и 3.1 статьи 36 Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» и части 1.1 статьи 3 Закона Иркутской области «Об отдельных вопросах формирования органов местного самоуправления муниципальных образований Иркутской области» в связи с запросом группы депутатов Государственной Думы: постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 01.12.2015 // СЗ РФ. 2015. № 50. Ст. 7226.
8. Заключение Конституционного Суда Российской Федерации о соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти», а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данно-

REFERENCES

1. Krashennnikov P. Pavel Krashennnikov predstavliaet proekt novogo zakona o regionalnoi vlasti // Ros. gazeta. 2021. 8 November. (In Russian).
2. Avakyan S. A. The Structure of Public Power in Russia: Problems of Formation and Development // Vestnik of Siberian Law Institute of the MIA of Russia. 2018. No. 4 (33). P. 7–13. (In Russian).
3. Chertkov A. N. Publicnaia vlast v obnovlennoi Konstitutsii. URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/publichnaya-vlast-v-obnovlennoy-konstitutsii/> (accessed: 15.11.2021). (In Russian).
4. Yugov A. A. Government Authorities in View of the Constitutional Reform 2020: The Concept and Main Attributes // Konstitutsionnoe i munitsipalnoe pravo. 2021. No. 6. P. 3–9. (In Russian).
5. On Case of Verification of Constitutionality of the Udmurt Republic Law of April 17, 1996 “On System of Public Authority Bodies in the Udmurt Republic”: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.01.1997 // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 5. Art. 708. (In Russian).
6. On Case of Verification of Constitutionality of Articles 80, 92, 93, and 94 of the Komi Republic Constitution and Article 31 of the Komi Republic Law of 31.10.1994 “On Executive Authority Bodies in the Komi Republic”: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 15.01.1998 // Collection of legislation of the Russian Federation. 1998. No. 4. Art. 532. (In Russian).
7. On Case of Verification of Constitutionality of Article 35, Chapters 4, 5 and 5.1 and Article 36, Chapters 2 and 3.1 of the Federal Law “On General Principles of Local Self-Government Arrangement in the Russian Federation” and Article 3, Chapter 1.1 of the Irkutsk Oblast Law “On Special Issues of Arrangement of Bodies of Local Self-Government of Municipalities of the Irkutsk Oblast” Due to the Inquiry of the Group of Members of the State Duma: Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 01.12.2015 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2015. No. 50. Art. 7226. (In Russian).
8. Judgment of the Constitutional Court of the Russian Federation on Compliance of Provisions of the Law of the Russian Federation on Amendment to the Constitution of the Russian Federation that Have not Entered in Force “On Improvement of Regulation of Particular Issues of Arrangement and Function of Public Authority” to the Provisions of Chapters 1, 2

- го Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации // СЗ РФ. 2020. № 12. Ст. 1855.
9. Проект Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» ; пояснительная записка к законопроекту; Заключение Комитета Государственной Думы по государственному строительству и законодательству ; заключение Комитета Государственной Думы по федеративному устройству и вопросам местного самоуправления // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1256381-7> (дата обращения: 15.11.2021).
 10. Salikov M. S. Federalism in Russia: Current State and Emerging Trends // BRICS Law Journal. 2020. Vol. 7, No. 4. P. 127–152.
 11. Замахина Т. Проект закона о региональной власти прошел первое чтение // Рос. газета. 2021. 9 ноября.
 12. Salikov M. S. Russian Federation Subnational Constitutional Law // In International Encyclopaedia of Laws: Constitutional Law. Eds. A. Alen, D. Haljan, M. Colucci, R. Blanpain, F. Hendrickx. Alphen aan den Rijn, NL : Kluwer Law International, 2020. 125 p.
 13. О проекте федерального закона № 2 12563 81-7 «Об общих принципах публичной власти в субъектах Российской Федерации» : постановление государственного совета Республики Татарстан. URL: https://gossov.tatarstan.ru/file/gossov/docs/regulation_18314.pdf (дата обращения: 17.10.2021).
 14. Уральская республика. URL: <http://pubsrv.uraic.ru/Ural/UP.pdf> (дата обращения: 18.10.2021).
- and 9 of the Constitution of the Russian Federation, and on Compliance of the Procedure of Entry into Force of the Article 1 of the Law to the Constitution of the Russian Federation Due to the Inquiry of the President of the Russian Federation // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 12. Art. 1855. (In Russian).
9. Draft Federal Law “On General Principles of Public Authority Arrangement in the Subjects of the Russian Federation” ; Explanatory Note ; Judgement of the Committee of the State Duma on State Construction and Legislation ; Judgement of the Committee of the State Duma on Federative Management and Local Self-Government Issues. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/1256381-7> (accessed: 15.11.2021). (In Russian).
 10. Salikov M. S. Federalism in Russia: Current State and Emerging Trends // BRICS Law Journal. 2020. Vol. 7, No. 4. P. 127–152.
 11. Zamakhina T. Proekt zakona o regionalnoi vlasti proshel pervoe chtenie // Ros. gazeta. 2021. 9 November. (In Russian).
 12. Salikov M. S. Russian Federation Subnational Constitutional Law // In International Encyclopaedia of Laws: Constitutional Law. Eds. A. Alen, D. Haljan, M. Colucci, R. Blanpain, F. Hendrickx. Alphen aan den Rijn, NL : Kluwer Law International, 2020. 125 p.
 13. On Draft Federal Law No. 2 12563 81-7 “On General Principles of Public Authorities in the Subjects of the Russian Federation” : Resolution of the State Committee of the Republic of Tatarstan. URL: https://gossov.tatarstan.ru/file/gossov/docs/regulation_18314.pdf (accessed: 17.10.2021). (In Russian).
 14. Uralskaia respublika. URL: <http://pubsrv.uraic.ru/Ural/UP.pdf> (accessed: 18.10.2021). (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Саликов Марат Сабирьянович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия.
E-mail: salikov.marat@list.ru

ABOUT THE AUTHOR

Marat S. Salikov – Doctor of Sciences (Law), Professor, Head, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: salikov.marat@list.ru

УДК 347.121.1:61

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-105-110

ПЕРСПЕКТИВЫ И УГРОЗЫ РЕАЛИЗАЦИИ КОНСТИТУЦИОННОГО ПРИНЦИПА ДОСТОИНСТВА ЛИЧНОСТИ В ГЕНОМИКЕ

И. Ю. Крылатова

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: krylatova_iy@mail.ru

В статье проанализированы междисциплинарные аспекты новейших достижений в области геномики, которые внедряются в практическую медицинскую и социальную парадигму современного общества. Выделены и обобщены тенденции геномики, направленные на поддержание качественной жизни конкретного гражданина и благополучия общества в целом.

Цель исследования – комплексный анализ философско-правовых и биоэтических дилемм применения современных биотехнологий в их взаимосвязи с соматической природой прав человека и принципом неприкосновенности достоинства личности. Подчеркивается особая роль следования международным стандартам соблюдения этики геномных исследований и манипуляций, работы с геномной информацией, базирующейся на неприкосновенности человеческого достоинства и создании условий для беспрепятственной реализации этого принципа. На основе синтеза общенаучных и специальных методов исследования обосновывается авторский подход к ключевой роли конституционного принципа достоинства личности в геномике, а также приводится анализ ключевых перспектив и угроз его реализации.

Ключевые слова: достоинство личности, геном, конституционный принцип, биоэтика, соматические права.

Для цитирования: Крылатова И. Ю. Перспективы и угрозы реализации конституционного принципа достоинства личности в геномике // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 105–110. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-105-110.

REALIZATION OF THE CONSTITUTIONAL PRINCIPLE OF HUMAN DIGNITY IN GENOMICS: ITS PROSPECTS AND THREATS

I. Yu. Krylatova

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: krylatova_iy@mail.ru

The article analyzes the interdisciplinary aspects of the newest achievements in the field of genomics, which are being implemented into practical medical and social paradigm of the modern society. The general tendencies of genomics directed into supporting the level of life of a certain citizen and wellness of the society in general are identified and generalized.

The aim of the study is a complex analysis of philosophic and legal and bioethical dilemmas of application of modern biotechnologies and their interconnections with somatic nature of an individual rights and principle of inviolability of human dignity. The study emphasizes an important role of adhering to international standards about compliance with the ethics of genomic research and manipulations, and working with genomic information based on the inviolability of human dignity and development of conditions for the unhindered implementation of this principle. Based on the synthesis of all-scientific and specific research methods, the author's approach to the key role of the constitutional principle of the human dignity in genomics is substantiated, as well as the analysis of the key prospects and threats of its realization is presented.

Keywords: human dignity, genome, constitutional principle, bioethics, somatic rights.

For citation: Krylatova I. Yu. Realization of the Constitutional Principle of Human Dignity in Genomics: Its Prospects and Threats // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 105–110. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-105-110.

ВВЕДЕНИЕ

Бурно развивающаяся сфера современных биотехнологий становится нашей реальностью, обеспечивая поддержание высокого качества жизни в различных ее аспектах. Однако новейшие медицинские разработки и открытия не только приносят неоспоримую пользу, но и таят в себе ряд потенциальных угроз. Не является исключением и сфера геномики.

Современная геномика, имеющая по сравнению с другими направлениями научной деятельности сравнительно небольшой исторический период формирования (примерно 40 лет), формально окончившийся завершением проекта «Геном человека», ориентируясь на человека, обнажает знаковые философско-правовые и биоэтические дилеммы, центром которых неизменно становится человек, его права и достоинство. В эру современных биотехнологий происходит трансформация как понимания достоинства человека и его пределов, так и особенностей реализации принципа достоинства личности.

Геномика представляет собой направление молекулярной биологии, занимающееся исследованием структуры и функций всей совокупности генов организма или значительной их части (для нее характерно использование очень больших объемов данных, обработка которых сопровождается использованием биоинформатических алгоритмов и программ) [1, с. 158]. В течение последних 40 лет наблюдается стремительное увеличение количества видов геномики, откликающихся на различные биологические и социальные потребности функционирования как отдельного человека, так и всего общества в целом. Выделяют структурную, функциональную, коммерческую, популяционную, образовательную, персонифицированную, медицинскую, системную и др. геномики [2–3].

Начало поэтапного активного использования результатов и прорывных достижений геномики делает ее фокусом пристального междисциплинарного внимания. В частности, Московским государственным университетом и компанией «Роснефть» с 01.09.2021 реализуется магистерская программа «Геномика и здоровье человека».

В этой связи необходимо, во-первых, выявить перспективы и угрозы реализации конституционного принципа достоинства личности в указанном новом типе научного знания; во-вторых, определить дальнейшие последовательные подходы совершенствования концепции правового регулирования принципа достоинства личности в геномике (как опережающего, так и «постфактум»).

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объектом настоящего исследования являются правоотношения, возникающие в связи с особенностями реализации конституционного принципа достоинства личности при применении геномных технологий (включая процедуру проведения геномных исследований, манипуляций, а также хранения, обработки и использования геномной информации).

Методологической основой выступают как общенаучные, так и специальные методы исследования.

Были проанализированы международные акты и федеральное законодательство, судебная практика отдельных государств и практика судов общей юрисдикции, а также новейшая медицинская практика в сфере геномики.

Исследование является результатом обобщения и систематизации тенденций и перспектив реализации конституционного принципа достоинства личности, а также сопутствующих его реализации угроз в условиях стремительного развития биотехнологий и биоправа. Посредством сравнительно-правового и формально-юридического метода устанавливаются границы реализации достоинства личности в геномике.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Классическое определение конституционных принципов как вида правовых норм сводится к определению их в качестве основных начал, идей и ориентиров, закрепленных в канве конституционного текста или прямо выводимых из содержания Конституции Российской Федерации. Немногочисленные статьи Конституции Российской Федерации (ст. 7, 21, 72, 75.1), посвященные достоинству личности, закрепляют национальные ориентиры его особой охраны, гарантиро-

ванности и невозможности умаления, созвучные основным трендам и основополагающим идеям, заложенным во Всеобщей Декларации прав человека (1948); Международном пакте о гражданских и политических правах (1966); Уставе Организации Объединенных Наций (1945) и др.

Необходимо отметить, что одним из приоритетных векторов развития международных правовых актов в области прав человека и достоинства личности становится нацеленность на отношения в области биомедицины. Ярким примером здесь выступает Конвенция о защите прав и достоинства человека в связи с применением достижений биологии и медицины: Конвенция о правах человека и биомедицине (ETS № 164), 1997 (Овьедовская Конвенция), закрепляющая важность обеспечения достоинства человека в силу принадлежности индивидуума к человеческому роду и устанавливающая запрет на вмешательство в геном человека. В продолжение ее основных положений принимается целая серия актов международного права (Всеобщая декларация о геноме человека и правах человека (1997 г.); Всеобщая декларация о биоэтике и правах человека (2005 г.); Рекомендация 934 Парламентской Ассамблеи Совета Европы об генной инженерии (принята 21-й очередной сессией Парламентской ассамблеи Совета Европы 26 января 1982 г.); Международная декларация о генетических данных человека (2003 г.) и др. Указанные акты подчеркнули более пристальный интерес международного сообщества к регулированию отношений в области геномики и соблюдению базовых международных универсальных стандартов и принципов в указанной сфере правоотношений.

В своем тексте они делают акцент на необходимости соблюдения этики геномных исследований, манипуляций и работы с геномной информацией, базирующейся на принципе неприкосновенности человеческого достоинства и создании условий его беспрепятственной реализации. Дальнейшие организационные особенности закрепления и соблюдения принципа достоинства личности передаются на уровень национального законодательства в области геномики. Необходимо заметить, что некоторыми исследователями

отмечается и обратный процесс – перенос принципов конституционализма на международный уровень, в частности касательно «сущностного минимума» прав человека и общеправовых универсальных ценностей [4].

Учитывая особый базовый характер конституционных норм и принципов, для развития национального права представляется особо актуальной проблематика особенностей реализации именно конституционного принципа в сфере геномики.

На теоретическом уровне различными аспектами правовой проблематики в сфере геномики и соблюдения базовых принципов в последнее время в Российской Федерации занимается значительное количество авторов, среди которых Г. Б. Романовский, О. В. Романовская [5–6], А. А. Мохов, А. Н. Яворский [7], Е. Е. Богданова, М. Н. Малеина, Д. С. Ксенофонтова [8] и др. К фундаментальным научным российским исследованиям в сфере принципа достоинства личности и его реализации относятся работы В. В. Невинского [9], И. А. Кравца [10], О. В. Власовой [11], Н. С. Бондаря [12] и др.

Вместе с тем, несмотря на значительный объем научной базы, представляется недостаточно исследованной тема соприкосновения геномики и принципа достоинства личности в части перспектив и угроз.

Если рассматривать реализацию этого принципа как претворение в жизнь аксиологического начала совокупности индивидуализирующих качеств человека, базирующихся на его соматической и социальной природе, то можно выделить как перспективы, так и угрозы реализации конституционного принципа достоинства в сфере геномики.

Перспективы реализации принципа достоинства личности в указанной сфере научного прогресса представляют собой расширение временных и субъектных рамок правоотношений:

1. Открытия из области геномики распространяются не только на конкретного человека, но и на его потомков. Следовательно, представляется актуальным открытие правовой дискуссии о необходимости расширения понимания достоинства личности для последующих поколений на основе соматической составляющей права человека на неприкос-

новенность. Корреспондирующей проблемой здесь выступает и создание сопутствующего комплексного механизма реализации конституционного принципа достоинства личности для будущих потомков в случае потенциального использования другими субъектами их геномной информации. Примером подобных споров служит судебная практика, сложившаяся в Исландии (Icelandic Supreme Court, No. 151/2003, 27 November, 2003) и содержащая требование по обеспечению заявителю надлежащей охраны частной жизни посредством исключения из общенациональных медицинских баз данных сведений о заболеваниях близкого родственника в связи с возможностью через данную информацию на основе наследственных признаков вывести генетическую информацию о заявителе.

2. Вторым перспективным направлением совершенствования отношений по поддержанию принципа достоинства личности и его сопутствующего правового регулирования в сфере геномики представляется обращение к проблематике морального статуса эмбриона. Эксперименты с человеческим эмбрионом стали повседневной практикой во многих странах (Хэ Цзянькуй, Китай 2018 г.; Хуан Карлос Исписуа Бельмонте, США, 2017 г.; Кэфи Ниакан, Великобритания, 2016 г.; Джон Джанг, Мексика, 2016 г. и др). Необходимость упрощения правовой базы в области редактирования эмбриона человека (в том числе для излечения болезней геномного импринтинга, включая метод CRISPR-Cas9 и коррекцию геномных вариаций) многими учеными оправдывается достижением несоизмеримо важной цели – излечения от генетических патологий, редких (орфанных) или эндемических заболеваний. Ниоим образом не оспаривая необходимость развития медицинского прогресса и персонифицированной медицины (все больше опирающейся на достижения геномики), обеспечивающей достойную жизнь и благополучие как отдельного человека, так и социума, считаем, что необходимо более детально обсудить вопрос о начале отсчета реализации принципа достоинства личности. С одной стороны, Федеральным законом «О биомедицинских клеточных продуктах» запрещено использовать материал, полученный в результате

прерывания процесса развития эмбриона, с другой – право на жизнь и корреспондирующее ему право на достоинство в российской Конституции обозначено после момента рождения (ст. 17 и 20 Конституции Российской Федерации).

Угрозы реализации принципа достоинства личности в геномике базируются на вмешательстве и проникновении в соматическую (биологическую) природу человека и нарушении баланса интересов:

1. Современные технологии, допускающие межвидовое смешение человека и объектов животного мира (пересадка кожи свиньи человеку 2019 г. [13], создание химерных эмбрионов [14], мыши-химеры [15] и др.), вызывают дискуссии о видовой неприкосновенности человека, его индивидуальной целостности [16] и, как следствие, о создании химер с неопределенным правовым статусом. Закономерным следствием будет выступать очерчивание границ человеческого достоинства при получении новых биомедицинских знаний, а также достоинства полученного гибридного существа, способов его реализации с учетом принципов биобезопасности.

2. Второй угрозой выступает отсутствие единой практики применения и оптимального сочетания баланса частных и публичных интересов в сфере геномики, в частности в вопросе защиты геномной и генетической информации и обязательного ДНК-скрининга (См: Burlington Northern Santa Fe Railway Co; BNV Home Care Agency; решение Заводского районного суда г. Кемерово от 16.06.2016 по делу № 2-2761-16 [17]) при сопутствующей угрозе коммерциализации геномики (в частности, в случае коммерческой эксплуатации полученных геномных данных и интересах отдельных групп и компаний: см. Association for Molecular Pathology v. Myriad Genetics, Inc., 569 U.S. 576, 2013 г. [18]), которая прямо противоречит как принципу недопустимости использования генома человека в качестве источника дохода, так и принципу недопустимости умаления достоинства личности на основе генетических характеристик (ст. 2, 4 Всеобщей декларации о геноме человека и правах человека, 1997 г.). Кроме того, 17.11.2021 Президент Российской Федерации В. В. Путин обра-

тил особое внимание на проблему использования генетических данных людей в части допустимых пределов этических норм в области генетических технологий и их соотношения с вопросами биобезопасности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, приведенный обзор показал стремительную вовлеченность науки и общества в активное применение технологий биосовершенствования человека, влекущее за собой вмешательство в его соматическую и индивидуально-нравственную природу, воплощенную в конституционном принципе поддержания и реализации собственного достоинства. В связи с этим применение инновационных разработок геномики должно сопрягаться с глубоким анализом перспектив и

угроз реализации конституционного принципа достоинства личности как абсолютного и необходимого вектора развития новейших биомедицинских технологий.

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА

Исследование выполнено за счет средств субсидии из федерального бюджета на реализацию научного проекта на тему: «Выявление проблем правового регулирования в сфере использования генетической и геномной информации. Подготовка научно-обоснованных предложений по внесению изменений в систему российского законодательства с целью их устранения» (шифр темы: FEUW-2020-0005).

ЛИТЕРАТУРА

1. Васильев Г. В. Геномика // Вавиловский журнал генетики и селекции. 2014. Т. 18, № 1. С. 158–165.
2. Доронина Н. Г., Семилотина Н. Г., Цирина М. А. Контракт на оказание медицинских услуг в системе правового регулирования научных исследований генома человека // Международное публичное и частное право. 2020. № 5. С. 22–28. DOI 10.18572/1812-3910-2020-5-22-28.
3. Степанов В. А. Популяционная геномика народов России // Медицинская генетика. 2020. № 19 (7). С. 6–7.
4. Руденко В. В. Конституционное право в системе международного права // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 2. С. 75–80. DOI 10.34822/2312-3419-2020-2-75-80.
5. Романовский Г. Б., Трусина Н. Н., Мохов А. А. и др. Биомедицинское право в России и за рубежом : моногр. М. : Проспект, 2015. 368 с.
6. Romanovskiy G. B., Romanovskaya O. V. Human Rights and Modern Biomedicine: Problems and Perspectives // RUDN Journal of Law. 2021. Vol. 25, No. 1. P. 14–31.
7. Мохов А. А., Яворский А. Н. Этика высоких технологий: проблемы формирования и перспективы развития // Юрист. 2020. № 12. С. 2–8.
8. Богданова Е. Е., Малеина М. Н., Ксенофонтова Д. С. Отдельные проблемы защиты прав граждан при использовании геномных технологий // Lex Russica. 2020. № 5. С. 129–142.
9. Невинский В. В. Право человека на достойную жизнь в системе конституционных ценностей России (не взятый рубеж постсоветской истории) // Конституционное и муниципальное право. 2018. № 12. С. 56–65.
10. Кравец И. А. Конституция РФ, права человека и достоинство личности: диалог конституционной

REFERENCES

1. Vasilyev G. V. Genomika // Vavilov Journal of Genetics and Breeding. 2014. Vol. 18, No. 1. P. 158–165. (In Russian).
2. Doronina N. G., Semilyutina N. G., Tsirina M. A. A Medical Services Agreement in the System of the Legal Regulation of Human Genome Research // Public International and Private International Law. 2020. No. 5. P. 22–28. DOI 10.18572/1812-3910-2020-5-22-28. (In Russian).
3. Stepanov V. A. Population Genomics of Russian populations // Medical Genetics. 2020. No. 19 (7). P. 6–7. (In Russian).
4. Rudenko V. V. Constitutional Law in the System of International Law // Surgut State University Journal. 2020. No. 2. P. 75–80. DOI 10.34822/2312-3419-2020-2-75-80. (In Russian).
5. Romanovsky G. B., Trusina N. N., Mokhov A. A. et al. Biomeditsinskoe pravo v Rossii i za rubezhom : Monograph. Moscow : Prospekt, 2015. 368 p. (In Russian).
6. Romanovskiy G. B., Romanovskaya O. V. Human Rights and Modern Biomedicine: Problems and Perspectives // RUDN Journal of Law. 2021. Vol. 25, No. 1. P. 14–31.
7. Mokhov A. A., Yavorsky A. N. High-Tech Ethics: Establishment Issues and Development Prospects // Jurist. 2020. No. 12. P. 2–8. (In Russian).
8. Bogdanova E. E., Maleina M. N., Ksenofontova D. S. Certain Problems of Citizens' Rights Protection When Using Genomic Technologies // Lex Russica. 2020. No. 5. P. 129–142. (In Russian).
9. Nevinsky V. V. The Human Right to Decent Life in the System of Constitutional Values of Russia (an Unconquered Milestone of the Post-Soviet History) // Constitutional and Municipal Law. 2018. No. 12. P. 56–65. (In Russian).

- теории, практики конституционного правосудия и международных норм // Юридическая наука и практика. 2019. Т. 15, № 2. С. 93–104.
11. Власова О. В. Достоинство человека как нравственно-правовая ценность: общетеоритическое исследование : дисс. ... докт. юрид. наук. Ханты-Мансийск, 2011. 417 с.
 12. Бондарь Н. С. Конституционная категория достоинства личности в ценностном измерении: теория и судебная практика // Конституционное и муниципальное право. 2017. № 4. С. 19–31.
 13. Блинов А. Г., Лапунин М. М. Пределы вмешательства уголовного права в сферу исследования генома человека // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 4. С. 804–831.
 14. Романовский Г. Б. Конституционная правосубъектность граждан в условиях геномной медицины // Вестн. Перм. ун-та. Юридические науки. 2017. № 3. С. 260–271.
 15. Пестрикова А. А. Формирование этико-правовых способов контроля за научными исследованиями в области развития и использования генетических технологий // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. С. 157–167.
 16. Романовский Г. Б. Геномика и права человека на видовую неприкосновенность // Гражданин и право. 2019. № 8. С. 15–25.
 17. Каличенко П. А. Развитие судебной практики в сфере геномики человека: мировой опыт и Россия // Lex Russia. 2019. № 6. С. 30–36.
 18. Посулихина Н. С. Правовые режимы развития генетических технологий в медицине: опыт зарубежных стран // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 1. С. 167–180.
 10. Kravets I. A. The Constitution of the Russian Federation, Human Rights and Human Dignity: Dialogue of Constitutional Theory, Practice of Constitutional Justice and International Norms // Juridical Science and Practice. 2019. Vol. 15, No. 2. P. 93–104. (In Russian).
 11. Vlasova O. V. Dostoinstvo cheloveka kak нравственно-pravovaya tsennost: obshcheteoriticheskoe issledovanie : Doctoral Dissertation (Law). Khanty-Mansiysk, 2011. 417 p. (In Russian).
 12. Bondar N. S. Constitutional Category of Human Dignity in Value-Based Measurement: Theory and Court Practice // Constitutional and Municipal Law. 2017. No. 4. P. 19–31. (In Russian).
 13. Blinov A. G., Lapunin M. M. Limits of Criminal Law Intervention in Human Genome Research // Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki. 2020. No. 4. P. 804–831. (In Russian).
 14. Romanovsky G. B. Constitutional Status of Citizens in the Context of Genomic Medicine // Vestnik Permskogo Universiteta. Yuridicheskie Nauki. 2017. No. 3. P. 260–271. (In Russian).
 15. Pestrikova A. A. The Formation of Ethical and Legal Methods of Control over Scientific Research in the Field of Development and Use of Genetic Technologies // Actual Problems of Russian Law. 2020. No. 10. P. 157–167. (In Russian).
 16. Romanovsky G. B. Genomika i prava cheloveka na vidovuiu neprikosnovennost // Grazhdanin i pravo. 2019. No. 8. P. 15–25. (In Russian).
 17. Kalichenko P. A. Development of Court Practice in Cases Involving Human Genomics: World Experience and Russia // Lex Russica. 2019. No. 6. P. 30–36. (In Russian).
 18. Posulikhina N. S. Legal Regimes of Genetic Technologies Development in Medicine: Experience of Foreign Countries // Actual Problems of Russian Law. 2021. No. 1. P. 167–180. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Крылатова Ирина Юрьевна – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, директор центра биоэтики и права, ведущий научный сотрудник Научно-исследовательской лаборатории правового обеспечения безопасного использования генетической и геномной информации, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия.

ORCID: 0000-0003-4624-998X.

E-mail: krylatova_iy@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Irina Yu. Krylatova – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Department of Constitutional Law, Head, Center of Bioethics and Law, Leading Researcher, Research Laboratory of Legal Support for Secure Use of Genetic and Genomic Information, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

ORCID: 0000-0003-4624-998X.

E-mail: krylatova_iy@mail.ru

УДК 342.727

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-111-121

ПАРАДОКС АНОНИМНОСТИ В ИНТЕРНЕТЕ И ПРОБЛЕМЫ ЕЕ ПРАВОВОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ

А. Н. Мочалов

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: artur.mochalov@usla.ru

В статье приводится анализ современных тенденций в области правового регулирования анонимности в сети Интернет, описываются юридические и организационно-технологические проблемы обеспечения анонимности. Автор исследует подходы к анонимности пользователей, сложившиеся в международном праве, в законодательстве и правоприменительных актах отдельных стран, в том числе в России. Делается вывод, что сегодня в Интернете не существует абсолютной анонимности или конфиденциальности. Анонимность в Интернете является относительной и условной. При этом правительства разных стран и глобальные технологические компании стремятся обеспечить себе доступ к максимально возможному объему данных о пользователях глобальной Сети. Несмотря на это, анонимность продолжает рассматриваться в качестве важной юридической гарантии реализации многих прав человека, в числе которых право на имя, неприкосновенность частной жизни, тайну корреспонденции, свободное выражение мнения. В этих условиях важным направлением правового регулирования является закрепление баланса между анонимностью и открытостью в ходе интернет-коммуникаций, а также установление надлежащих юридических процедур раскрытия данных о пользователях и эффективных судебных гарантий в связи с раскрытием таких данных.

Ключевые слова: Интернет, анонимность, права человека, неприкосновенность частной жизни, свобода выражения мнения.

Для цитирования: Мочалов А. Н. Парадокс анонимности в Интернете и проблемы ее правового регулирования // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 111–121. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-111-121.

THE PARADOX OF ANONYMITY ON THE INTERNET AND THE PROBLEMS OF ITS LEGAL REGULATION

A. N. Mochalov

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: artur.mochalov@usla.ru

The article analyzes the contemporary tendencies in the field of legal regulations of anonymity on the Internet, describes legal and organizational and technological problems of ensuring anonymity. The author analyzes the approaches to the users' anonymity that were developed in the international law, legislation and judgments of various countries, including Russia. It is concluded that today the Internet does not provide the full anonymity and confidentiality. The anonymity in the Internet is relative and conditional. At the same time, governments of the various countries and global technological companies aim to provide the access to the maximum possible amount of data about the Internet users. However, despite this, the anonymity is still considered as an important legal guarantee of ensuring many human rights, including right for a name, inviolability of private life, privacy of correspondence, and free expression of opinions. In such conditions, the establishment of balance between anonymity and openness during Internet communications, as well as establishment of proper legal procedures to disclose the users data and effective court guarantee related to the disclosure of such data are the important direction of legal regulation.

Keywords: Internet, anonymity, human rights, inviolability of private life, freedom to express opinions.

For citation: Mochalov A. N. The Paradox of Anonymity on the Internet and the Problems of Its Legal Regulation // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 111–121. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-111-121.

ВВЕДЕНИЕ

Проблемам анонимности в Интернете посвящено большое количество исследований. Разные авторы акцентируют внимание на этических [1], технологических [2, 3], правовых [4–8], психологических [9] аспектах обеспечения анонимности. Интерес к анонимности в Интернете обусловлен тем, что до настоящего времени ни в академической науке, ни в практике не сложилось единообразных критериев для определения ее границ и условий реализации. В литературе об анонимности часто говорится как о неотъемлемом праве человека, гарантирующем безопасную и конфиденциальную коммуникацию в Интернете [2, 7, 10]. В то же время многие авторы подчеркивают, что абсолютная анонимность в глобальной Сети невозможна [5, 11].

Концепция анонимности в Интернете оказалась крайне подвижной. В начале существования глобальной Сети анонимность пользователей считалась одним из ее ключевых признаков. Интернет-протокол не предусматривал передачи информации о пользователе или о конечном оборудовании. Однако впоследствии (особенно с появлением Web 2.0 и социальных сетей) ситуация в корне изменилась, и сегодня Интернет – это пространство, скорее, открытого, а не конфиденциального общения, где анонимность стала во многом лишь иллюзией. Вместе с тем соблюдение фундаментальных прав человека в Интернете является не менее важным, чем в офлайн-среде. Не становится исключением право на неприкосновенность частной жизни и право на тайну корреспонденции. Парадокс состоит в том, что анонимность – при всей ее относительности и условности – продолжает рассматриваться как одна из важнейших гарантий реализации указанных прав в интернет-коммуникациях [4, 7, 10].

Целью настоящей статьи является анализ правовых возможностей регулирования анонимности в Интернете в условиях, когда государства и глобальные интернет-компании стремятся получить максимальную информацию о пользователях и их действиях. Для этого будут рассмотрены подходы к анонимности, сложившиеся в международном

праве и в национальном праве ряда государств, в том числе в России; показана связь анонимности с фундаментальными правами и свободами человека; описаны юридические и организационно-технологические проблемы обеспечения анонимности пользователей глобальной Сети.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В центре внимания статьи находится правовое регулирование анонимности в Интернете, в частности ограничений анонимности. В статье исследуются отдельные положения нормативных и правоприменительных актов различных стран, посвященные правовым аспектам анонимности в сети Интернет, а также акты международных органов, в том числе Европейского Суда по правам человека, и пользовательские соглашения социальных сетей. Ограниченный объем статьи не позволяет представить все многообразие подходов к регулированию анонимности, сложившихся в разных странах и на различных цифровых платформах. Поэтому приведенные в статье примеры носят, скорее, иллюстративный характер, демонстрируя наиболее общие тенденции.

Для получения результатов использован сравнительно-правовой метод. Он позволяет проводить сопоставительный анализ правовых норм и документов и фиксировать сходства и различия в подходах, а также выявлять тенденции правового регулирования и правоприменительной практики.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Право на анонимность не упоминается в основополагающих международных документах о правах человека и само по себе не относится к категории основных или фундаментальных прав человека. В конституционных актах некоторых стран данное право гарантируется (например, главой 3 Акта о свободе печати Швеции), в то время как в ряде других государств установлен запрет на анонимную корреспонденцию (например, параграф 5 ст. 141 Конституции Бразилии).

В наиболее общем виде под анонимностью следует понимать состояние, когда подлинная личность одного (анонимного) участника

коммуникации не известна остальным ее участникам. В широком смысле анонимность включает в себя и случаи использования псевдонимов и иных вымышленных идентификаторов, чтобы скрыть реальную личность. С точки зрения правового механизма реализации данное состояние может достигаться как в пассивной форме (путем несообщения своего имени или других идентифицирующих признаков), так и в активной форме (посредством принятия активных мер по сокрытию своей личности).

Интернет в первые годы после своего появления описывался многими либеральными мыслителями как глобальное пространство, в котором обмен мнениями будет осуществляться свободно, независимо от государственных границ и анонимно. Считалось, что сам пользователь вправе решать, раскрывать ли в Сети свою подлинную личность, действовать под вымышленными данными (псевдонимом) или вообще без указания каких-либо идентифицирующих признаков. Широкую известность получила иллюстрация, опубликованная в *The New Yorker* 5 июля 1993 г. На ней изображены две собаки, сидящие перед монитором компьютера, и одна говорит другой: «В Интернете никто не знает, что ты – собака» (*On the Internet, nobody knows you're a dog*) [10, с. 558].

Эта подпись к картинке стала распространенной поговоркой, отражающей ранние представления об Интернете как о среде, гарантирующей полную приватность пользователей и сохранение в тайне их действий. Один из идеологов «свободного Интернета», американский писатель Дж. П. Барлоу в «Декларации независимости киберпространства», озвученной на Давосском форуме в феврале 1996 г., полагал, что традиционное для государственно-правовой действительности понятие «личности» неприменимо к отношениям в Интернете: «Наш мир одновременно везде и нигде, но не там, где живут наши тела... Наши индивидуальности не имеют тел, поэтому... мы не можем достичь порядка посредством физического принуждения» [12].

Монитор компьютера (а впоследствии также экран смартфона) сформировал у зна-

чительной части пользователей Сети представления об отделении их виртуальных личностей от физических тел. В результате этого анонимность, которая и до этого существовала в физическом мире, в онлайн-пространстве стала восприниматься по-иному. Как отмечается в литературе [9], неприсутствие физического тела в киберпространстве (и как следствие «отсутствие непосредственной угрозы повреждения или смерти тела») и возможность в любое время прервать коммуникацию в Сети создали ощущение безопасности и нередко «безнаказанности за такой стиль коммуникации, который в офлайн-общении никто не допускает». Для своей самопрезентации в Сети пользователи стали создавать виртуальные проекции идентичности («виртуальные оболочки»), в том числе технологические маски, не имеющие ничего общего с действительными параметрами идентификации соответствующего лица.

Мотивы анонимизации в Интернете также отличаются от мотивов, которыми руководствуются люди в физической среде. Это не только реализация авторского права при создании творческого результата (право обнародовать произведение под своим именем, под псевдонимом или без указания имени), но также анонимность «ради возврата к себе» или «ради бегства от себя», ради безопасности и т. д. [9, с. 67]. В цифровом мире человек, используя виртуальные проекции, способен выбирать такие социальные роли, на которые он не решился бы в физической реальности, преодолевая стеснение или страх разоблачения. Он может преследовать цель забыться, «уйти» от своей физической идентичности, если он ею по тем или иным причинам не удовлетворен.

Неслучайно анонимность в Интернете рассматривается не только в контексте права на имя (возможность использовать собственное или вымышленное имя либо не указывать имя вообще), но прежде всего в качестве гарантии права на уважение частной жизни, которое, в свою очередь, интерпретируется как важная гарантия и предпосылка реализации свободы выражения мнений. В рекомендациях Комитета министров Совета Европы от 23 февраля

1999 г. № R(99)5 анонимный доступ к интернет-сервисам, их анонимное использование, а также анонимные платежи названы «лучшими средствами обеспечения приватности» [13]. В Декларации о свободе обмена информацией в Интернете (принята 28 мая 2003 г. на 840-м заседании представителей Комитета министров Совета Европы) устанавливается обязанность государств-членов «учитывать желание пользователей интернетом не идентифицировать свою личность». Как отметил Специальный докладчик ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их выражение Д. Кей, «в условиях анонимности... пользователь гораздо более свободен изучать и распространять идеи и мнения, чем если бы он использовал свое настоящее имя» [14].

Анонимность в Интернете подразумевает, как правило, возможность анонимного поиска информации и посещения интернет-сайтов («серфинга»), анонимного соединения (когда сервер назначения не имеет возможности установить источник такого соединения (в частности, IP-адрес) или присвоить ему собственный идентификатор), анонимного распространения информации («постинга») или пересылки сообщений, анонимного создания и обнародования произведений и т. д.

По иронии Интернет, сперва рассматривавшийся многими как пространство подлинной приватности и безграничных возможностей самоидентификации, привел к определенной девальвации анонимности и конфиденциальности. Это случилось, по крайней мере, по двум причинам.

Во-первых, возможность действовать от имени вымышленной личности привлекла в глобальную Сеть большое число тех, кто стал злоупотреблять анонимностью с целью совершения мошеннических действий, интернет-травли, торговли запрещенными товарами. Для пресечения правонарушений и поимки злоумышленников государства стали предпринимать попытки вводить регулирование, предписывающее пользователям раскрывать свою подлинную идентичность при вступлении в юридически значимые отношения в Интернете. В числе пионеров оказа-

лись Соединенные Штаты Америки. В штате Джорджия еще в 1996 г. был принят Закон о защите компьютерных сетей (Georgia Computer System Protection Act). Он запретил гражданам скрывать свою личность при осуществлении интернет-коммуникаций, в том числе действовать анонимно. Впрочем, уже в сентябре того же года данный Закон был оспорен в федеральном окружном суде, который отменил соответствующие положения, сочтя их нарушающими Первую поправку к Конституции США (дело ACLU of Georgia v. Miller (977 F. Supp 1228, N. D. Ga. 1997)). В решении суда отмечалось, что Закон устанавливает необоснованный запрет на защищаемые Конституцией высказывания, в том числе на использование ложной идентификации, целями которой могут служить преодоление социального ostracизма, предупреждение дискриминации и домогательств, защита приватности пользователя [15, с. 2]. За несколько лет до этого в схожем ключе высказался о праве на анонимность и Верховный суд США в решении по делу McIntyre v. Ohio Elections Commissions.

Тем не менее в законодательстве многих государств последовательно расширялись возможности органов власти по контролю интернет-активности граждан. С этой целью вводились различные правовые предписания: от обязанности интернет-провайдеров предоставлять информацию о пользователях по запросам правоохранительных органов (например, в Великобритании или Вьетнаме) или судов (во Франции, Канаде, США) до необходимости идентификации всех пользователей, пользующихся интернет-сервисами, под своими реальными именами (Китай, Иран). В 2007 г. требование идентификации было установлено законом в Южной Корее, однако впоследствии Верховный суд признал данное регулирование несовместимым с Конституцией [6]. Тем не менее в данной стране сохраняются требования обязательной идентификации пользователей на сайтах «для взрослых» (с целью подтверждения возраста) и при использовании некоторых других сервисов.

Во-вторых, в экономике резко возросла ценность сведений о пользователях Интерне-

та (как агрегированной информации в формате «больших данных», так и персональных данных, относящихся к каждому конкретному человеку). Такая информация позволяет на основе анализа действий пользователей профилировать их, т. е. предсказывать их вероятное поведение, а также индивидуализировать рекламу. Если на заре Интернета возможности применения огромных массивов пользовательских данных еще не были изучены и освоены, то уже к началу 2000-х годов экономика во многом стала зависеть от персональных данных, результатов их обработки и трансграничной передачи. Революционным здесь стало появление социальных сетей, в которых десятки и сотни миллионов пользователей стали добровольно раскрывать информацию о себе, в том числе конфиденциального характера [7, с. 88]. Хрестоматийным примером, иллюстрирующим ценность информации о пользователях, стал проект, реализованный Cambridge Analytica в ходе президентских выборов 2016 года в США. Данная организация на основе данных 50 млн пользователей Facebook создала пользовательские профили с целью таргетирования политической рекламы [16]. Существует мнение, что такой подход к предвыборной агитации во многом определил победу республиканцев. Впоследствии такая практика получила неоднозначную интерпретацию, поскольку фактически она означала использование персональной информации частной консалтинговой компанией без согласия человека для насаждения ему определенных политических взглядов. В связи с этим обнажилась и проблема недостаточного регулирования защиты персональных данных в американском законодательстве.

Интерес к пользовательским данным (при этом реальным, а не вымышленным) стали проявлять не только правительства, но и (даже в первую очередь) коммерческие компании – провайдеры интернет-услуг. Обладание такими данными стало служить залогом эффективных рекламных коммуникаций. Пока государства, сдерживаемые императивами уважения прав человека, осторожно пытаются найти баланс между приватностью и безопасностью при установлении ограничений

анонимности в Сети, интернет-гигантам ничто не мешает закреплять в пользовательских соглашениях (регулируемых частным, а не публичным правом) запрет анонимных действий. Например, «политику реальных имен» на протяжении последних лет пытается внедрить Facebook (п. 1 раздела 3 Пользовательского соглашения, размещенного по адресу: <https://www.facebook.com/legal/terms>). Данная инициатива сопровождалась громкими заявлениями руководства компании. Рэнди Цукерберг, в прошлом директор по маркетингу Facebook, заявляла: «Анонимность должна быть изгнана из Интернета... Люди ведут себя намного лучше под своими реальными именами» [6, с. 28]. Свою позицию социальная сеть Facebook не изменила даже после утечки реальных данных полумиллиарда пользователей весной 2021 г. [17]. Схожее регулирование использует и социальная сеть ВКонтакте: согласно п. 5.3 и 5.4 Правил пользования Сайтом (доступны по адресу: <https://vk.com/terms>) пользователь обязан предоставить при регистрации «достоверную и актуальную информацию для формирования персональной страницы», включая фамилию и имя, и несет ответственность за полноту, достоверность, актуальность предоставленной информации и ее соответствие законодательству Российской Федерации. Сервис микроблогов Twitter предъявляет требование подлинности данных только к профессиональным учетным записям (Политика в отношении профессиональных учетных записей: <https://help.twitter.com/ru/rules-and-policies/professional-account-policy>). Не способствует анонимности и широкое использование Facebook и другими социальными сетями алгоритмов распознавания лиц на фотографиях, а также геолокации. Сегодняя реальность такова, что именно глобальные интернет-компании, а не государства фактически определяют стандарты раскрытия пользователями своих данных [4].

Особенности цифрового мира таковы, что, даже скрываясь под вымышленными идентификационными данными, пользователь Интернета оставляет после каждого своего действия, совершенного в Сети, «цифровой след», который (подобно следам в физиче-

ском мире) может способствовать установлению реального человека, стоящего за виртуальной оболочкой. В отличие от физических следов многие цифровые следы не стираются со временем, не исчезают и доступны для потенциально неограниченного круга других участников интернет-коммуникации: правительств, компаний, а также злоумышленников. Например, фотография, размещенная на псевдонимизированной странице в социальной сети, — даже если на ней не изображены конкретные лица — может содержать метаданные об устройстве, с помощью которого был сделан кадр (в том числе о серийном номере изделия), о месте и времени, когда была сделана фотография. При наличии достаточной технической возможности не составит труда определить по номеру изделия и месту абонентский номер и оператора связи, а затем и выйти на владельца. В специальной литературе утверждается, что именно таким образом (по метаданным фотографии в Twitter) в 2012 г. органами полиции США, Белиза и Гватемалы было определено местонахождение находившегося в розыске программиста, создателя известного антивирусного программного обеспечения Джона Макафи [3, с. 225–227].

Раскрытию подлинной личности могут способствовать «цифровые следы» и других действий пользователя в Сети (например, поисковых запросов, посещенных сайтов), особенно в совокупности с технической информацией (данными об устройстве, операторе связи, динамическом или статическом IP-адресе, местоположении и т. д.), а также фиксируемыми многими провайдерами интернет-услуг характеристиками взаимодействия пользователя с устройством (скорость нажатия клавиш клавиатуры или мыши, угол наклона смартфона, время и продолжительность выхода в Интернет и т. д.). Последние столь же индивидуальны, как и биометрические персональные данные. Проблема, связанная с оставлением «цифровых следов», затронула реализацию не только права на неприкосновенность частной жизни, но и права каждого человека поступать в соответствии с собственными убеждениями. Убеждения человека, его мысли, которые

традиционно рассматривались правоведами как часть внутреннего мира человека, не подлежащего контролю со стороны кого бы то ни было, в Интернете становятся во многом возвращеными наизнанку: о них способны рассказать поисковые запросы, просмотренные видео, «лайки» в социальных сетях и другие подобные следы.

Описанные тенденции и особенности позволяют прийти к выводу, что в сети Интернет не существует абсолютной анонимности. Интернет, благодаря своим свойствам и предоставляемым возможностям, послужил причиной определенной девальвации не только анонимности, но и в целом права на неприкосновенность частной жизни. Анонимность в Интернете оказалась во многом иллюзией. В лучшем случае мы можем рассуждать об относительной, или условной анонимности, т. е. неизвестности подлинного имени или других характеристик пользователя другим пользователям — участникам коммуникации, находящимся в таком же статусе. Но при этом многочисленные идентифицирующие данные фиксируются аппаратно-технологическими технологиями провайдеров [5, с. 61], могут быть запрошены у третьей стороны (например, у оператора связи), а также выявлены (раскрыты) путем сопоставления косвенных идентификаторов пользователя (например, указанных в его профиле в социальной сети сведений о дне рождения, учебном заведении и т. д.) и анализа его поведения.

Европейский Суд по правам человека (далее — ЕСПЧ) рассуждает о различных степенях (градациях) анонимности в Интернете: «Интернет-пользователь может быть анонимным для широкой публики, но известным поставщику услуги по данным аккаунта или контактной информации, которая может либо оставаться неподтвержденной, либо подлежать какому-либо контролю ... [вплоть до] использования национальных электронных удостоверений личности или данных для онлайн-идентификации клиента банка, позволяющей с большей уверенностью установить личность пользователя. Поставщик услуг может также предусмотреть более высокую степень анонимности для своих поль-

зователей... [когда] не требуется сообщать о себе вообще никаких сведений и их можно установить в ограниченной степени только по данным, сохранившимся у интернет-провайдера» (постановление ЕСПЧ от 16 июня 2015 г. по делу «Компания “Делфи АС” (Delfi AS) против Эстонии»).

В сложившихся условиях оправданным выглядит стремление государств и ряда международных органов и организаций установить довольно жесткое регулирование, гарантирующее сохранение анонимности пользователей в Интернете, в том числе установить процедуры, связанные с получением доступа к пользовательской информации, а также пресечь неконтролируемый массированный сбор персональных данных технологическими компаниями – провайдерами интернет-услуг. Данное обязательство государств прямо вытекает из п. 2 ст. 17 Международного Пакта о гражданских и политических правах, предписывающего обеспечивать защиту частной жизни от незаконного и произвольного вмешательства или посягательств. Так, Верховный суд Канады в решении от 13 июня 2014 г. по делу R. V. Spencer счел, что «определенная степень анонимности является характерной чертой значительной части интернет-активности и, в зависимости от совокупности обстоятельств, может лежать в основе интересов человека в сохранении приватности, предполагающей конституционную защиту от необоснованного слежения». На этом основании Суд посчитал противоречащей Конституции возможность предоставления информации о пользователях по запросу полиции. Такие данные могут быть раскрыты только по судебному решению.

Также государства пытаются противостоять глобальным интернет-компаниям, устанавливающим чрезмерные ограничения анонимности в правилах пользования своими сервисами. Например, в Германии в свое время был инициирован ряд судебных процессов против Facebook в связи с его «политикой реальных имен», которая вступала в противоречие с германским законодательством, гарантирующим анонимность электронных коммуникаций [4, с. 75].

Вместе с тем в национальном правовом регулировании сохраняется и противоположная тенденция: для обеспечения безопасности и противодействия киберпреступности и международному терроризму государства стремятся (каждое – в разной степени и с переменным успехом) ограничить анонимность пользователей и закрепить механизмы, позволяющие правоохранительным органам и судам получать в определенных случаях доступ к сведениям о лице и его действиях в Интернете. Одновременное существование двух названных тенденций приводит к тому, что регулирование вопросов интернет-анонимности подчас оказывается непоследовательным и противоречивым; избыточно ограничительным либо страдающим от недостаточности юридических гарантий интересов пользователей. Компании, в свою очередь, стараются ограничить доступ органов власти (в особенности иностранных государств) к собранным ими данным о пользователях. С этой целью они избегают размещения серверного оборудования, на котором хранятся данные, в странах с неустойчивыми политическими режимами или низким уровнем защиты прав человека, а также лоббируют принятие законов, осложняющих предоставление такой информации по запросам зарубежных органов [18, с. 59–63].

В пользу анонимности в Интернете высказывался ЕСПЧ, интерпретируя ее в контексте права на уважение личной и семейной жизни (ст. 8 Конвенции о защите прав человека и основных свобод). По мнению Суда, для оценки того, имел ли пользователь Интернета разумные ожидания в отношении сохранения конфиденциальности своей личности, следует принимать во внимание все его действия, в том числе использование динамических IP-адресов, которые хотя и видимы другим пользователям Интернета, но сами по себе не позволяют однозначно установить личность участника коммуникации без обращения компетентных органов государства к оператору связи (постановление ЕСПЧ от 24 апреля 2018 г. по делу «Бенедик (Benedik) против Словении»). Впрочем, ЕСПЧ (как и национальные правоприменительные органы) признает, что право на со-

хранение конфиденциальности личности не является абсолютным, при необходимости гарантии такого права «должны отступать перед иными законодательными императивами, такими как поддержание порядка и предотвращение преступлений или защита прав и свобод других лиц (постановление ЕСПЧ от 2 декабря 2008 г. по делу «К. У. против Финляндии»).

В числе гарантий анонимного использования Интернета часто называют возможность использования шифрования [2, с. 11–12]. Упомянутый выше доклад Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их выражение от 22 мая 2015 г. в параграфе 12 акцентирует внимание на том, что «шифрование и анонимность вместе и по отдельности создают некоторое конфиденциальное пространство, в котором мнения и убеждения защищены... С их помощью сохраняется тайна переписки, а высказанное мнение ограждается от внешнего контроля, что особенно актуально во враждебной политической, социальной, религиозной и правовой среде».

В России на возможность анонимного «постинга» в Интернете в свое время указал Конституционный Суд: «Информация, распространяемая посредством сети Интернет, размещается на сайтах, ресурсы которых, как правило, технически и технологически объективно доступны неопределенному кругу лиц, что не исключает возможность их анонимного использования, в том числе в противоправных целях, например, для распространения сведений, порочащих честь, достоинство или деловую репутацию граждан» (Постановление от 9 июля 2013 г. № 18-П «По делу о проверке конституционности положений пунктов 1, 5 и 6 статьи 152 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Е. В. Крылова»)¹. Впрочем, как видно из данной цитаты, Конституционный Суд рассуждал об ано-

нимности не как о правовой возможности, которая должна защищаться государством, а, скорее, как о проблеме. Принимаемые в России на протяжении последнего десятилетия законодательные акты последовательно сужают возможности анонимного использования Интернета. В качестве примера можно привести Федеральный закон от 6 июля 2016 г. № 374-ФЗ, установивший для организаторов распространения информации в Интернете обязанность хранить переписку пользователей и предоставлять Федеральной службе безопасности России информацию, необходимую для декодирования зашифрованных электронных сообщений. Организаторы сервисов обмена мгновенными сообщениями также обязаны осуществлять идентификацию всех своих пользователей по абонентскому номеру телефона (подп. 1 п. 4.2 ст. 10.1 Федерального закона от 27 июля 2006 г. № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»). Идентификация лица требуется и при получении доступа в Интернет – как в рамках договоров оказания услуг связи (ст. 44 Федерального закона от 7 июля 2003 г. № 126-ФЗ «О связи»), так и через публичные точки wi-fi.

Курс России на отказ от анонимности в Интернете был явно обозначен в подп. «д» п. 34 Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы (утверждена Указом Президента РФ от 9 мая 2017 г. № 203), в котором подчеркивается необходимость выработки «системы доверия в сети Интернет, гарантирующей конфиденциальность и личную безопасность пользователей, конфиденциальность их информации и *исключающей анонимность*, безответственность пользователей и безнаказанность правонарушителей» (выделено мной. – А. М.). Приведенная цитата, мягко говоря, не совпадает со сложившейся в международном праве трактовкой анонимности в Интернете как гарантии сохранения конфиденциальности данных о личности пользователей.

Различия в подходах обусловлены во многом тем, что в вопросе об анонимности в Интернете в российском обществе (как, впрочем, и во многих других странах) по-

¹ Здесь и далее ссылки на правовые акты приведены в соответствии с текстами указанных актов, размещенными в справочно-правовой системе «Консультант Плюс» по состоянию на 10 ноября 2021 г.

прежнему не сложилось осмысления соответствующих ценностей и расстановки их приоритетов. Российское государство исходит из несовместимости анонимности пользователей, с одной стороны, и обеспечения их безопасности – с другой. На самом деле личная безопасность включает в себя в том числе возможность каждого человека сохранять в тайне информацию, касающуюся только его, поскольку данное право непосредственно вытекает из гарантированной статьей 23 Конституции неприкосновенности частной жизни. Нет никаких юридических оснований считать, что факт совершения лицом каких-либо действий в Интернете лишает его этой конституционной гарантии. Иное противоречило бы ст. 55 Конституции РФ, не допускающей умаления прав и свобод человека и гражданина. Очевидно, что в онлайн-среде человек должен пользоваться теми же конституционными правами, которые принадлежат ему в «традиционном» офлайн-пространстве.

И если в вопросе сохранения или ликвидации анонимности интересы интернет-пользователей и государства кажутся, на первый взгляд, противоположными, то обеспечение безопасности личности в Интернете – цель, представляющая одинаковый интерес для всех сторон [2, с. 7]. Именно на этой цели следовало бы сфокусироваться государствам при регулировании вопросов анонимности, которая сама по себе является не конечной целью, а лишь средством, направленным на обеспечение личной безопасности граждан. Другими словами, на обеспечение безопасности должно быть направлено не ограничение анонимности в Интернете, а нахождение разумного и справедливого баланса между анонимностью и открытостью.

Поскольку анонимность в Интернете тесно связана с реализацией многих основополагающих прав и свобод человека, ее регулирование должно основываться на правозащитном подходе. В частности, при установлении ограничений анонимности должны использоваться критерии необходимости и пропорциональности, установленные ч. 3 ст. 55 Конституции РФ и фундаментальными международными документами о правах че-

ловека. Стремление государства защитить граждан от злоупотреблений в глобальной Сети и обеспечить их безопасность не должно сопровождаться тотальным запретом анонимности, остающейся наиболее эффективным инструментом обеспечения неприкосновенности частной жизни в Интернете. Частные же случаи ограничения анонимности должны подвергаться эффективному судебному контролю, а законодательно установленные случаи идентификации пользователей (которые, во всяком случае, не могут быть чрезмерными) должны сопровождаться гарантиями неразглашения персональных данных, в том числе ограничением оснований их предоставления и установлением связанных с этим надлежащих правовых процедур.

Не способствует установлению адекватного регулирования анонимности и ее очевидно устаревшее восприятие как статического и одномерного явления. На самом деле анонимность в Интернете (всегда оставаясь относительной) – подвижное состояние, характер которого зависит от контекста и ситуации [10, с. 562]. Соответственно, ограничения анонимности, в необходимости установления которых нет сомнений, не должны носить характера универсального запрета.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Парадокс анонимности в Интернете, вероятно, еще долго не найдет своего разрешения. Очевидно, что свойства современного Интернета и его существующая технологическая инфраструктура не располагают к сохранению в тайне сведений о пользователях и делают эту информацию потенциально уязвимой. Сложно спорить с тем, что государства и технологические компании и дальше будут стремиться получать максимально возможные достоверные сведения обо всех интернет-пользователях и совершенных ими действиях. В определенном смысле можно говорить о конкуренции между государствами и глобальными провайдерами интернет-услуг за доступ к таким данным.

В этой ситуации пользователи, желающие сохранить конфиденциальность, могут оказаться «разменной монетой» в игре между правительствами и компаниями, а их право

сохранять анонимность будет окончательно принесено в жертву политическим и коммерческим интересам под предлогом обеспечения безопасности. Чтобы этого не произошло, требуется установление стандартов (возможно, на международном уровне), определяющих случаи, в которых интернет-пользователям должны быть гарантированы анонимные коммуникации, а также устанавливающих правовые процедуры раскрытия пользовательской ин-

формации на основе общепризнанных международных норм в области прав и свобод человека и принципов справедливости и пропорциональности.

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта 18-29-16204.

ЛИТЕРАТУРА

1. Watt E. The Right to Privacy and the Future of Mass Surveillance // *Int J Hum Rights*. 2017. Vol. 21, Is. 7. P. 773–799. DOI 10.1080/13642987.2017.1298091.
2. Murphy M. H. Technological Solutions to Privacy Question: What Is the Role of Law? // *Inform Comm Tech Law*. 2016. Vol. 25, Is. 1. P. 4–31. DOI 10.1080/13600834.2015.1134148.
3. Митник К. Искусство быть невидимым: как сохранить приватность в эпоху Big Data (пер. с англ.). М. : Эксмо, 2021. 464 с.
4. Rossi A. Internet Privacy: Who Sets the Global Standard? // *The International Spectator*. 2014. Vol. 49, Is. 1. P. 65–80. DOI 10.1080/03932729.2014.875823.
5. Жарова А. К. О соотношении персональных данных с IP-адресом. Российский и зарубежный опыт // *Вестник УрФО. Безопасность в информационной сфере*. 2016. № 1. С. 61–67.
6. Михайлов С. В. Анонимность в Интернете // *Журнал Суда по интеллектуальным правам*. 2017. № 17. С. 26–32.
7. Щербович А. А. Реализация конституционных прав и свобод в Интернете. М. : Теис, 2015. 148 с.
8. Право на доступ в Интернет, анонимность и идентификация пользователей (конституционно-правовые проблемы) / под ред. М. С. Саликова. Екатеринбург : Изд-во УМЦ УПИ, 2020. 167 с.
9. Зудилина Н. В. Мотивы использования анонимности в киберпространстве Интернета как фактор формирования идентичности человека // *Известия Волгоградского государственного технического университета. Серия: Проблемы социально-гуманитарного знания*. 2013. № 9. С. 63–68.
10. Sarda T., Natale S., Sotirakopoulos N., Monaghan M. Understanding Online Anonymity // *Media Cult Soc*. 2019. Vol. 41, No. 4. P. 557–564. DOI 10.1177/0163443719842074.
11. Устинович Е. С. Зарубежный опыт законодательного регулирования анонимности в Интернете и судебная практика // *Вопросы экономики и права*. 2016. № 2. С. 7–9.
12. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed: 11.11.2021).

REFERENCES

1. Watt E. The Right to Privacy and the Future of Mass Surveillance // *Int J Hum Rights*. 2017. Vol. 21, Is. 7. P. 773–799. DOI 10.1080/13642987.2017.1298091.
2. Murphy M. H. Technological Solutions to Privacy Question: What Is the Role of Law? // *Inform Comm Tech Law*. 2016. Vol. 25, Is. 1. P. 4–31. DOI 10.1080/13600834.2015.1134148.
3. Mitnick K. The Art of Invisibility. The World's Most Famous Hacker Teaches You How to Be Safe in the Age of Big Brother and Big Data (Trans. from English). Moscow : Eksmo, 2021. 464 p. (In Russian).
4. Rossi A. Internet Privacy: Who Sets the Global Standard? // *The International Spectator*. 2014. Vol. 49, Is. 1. P. 65–80. DOI 10.1080/03932729.2014.875823.
5. Zharova A. K. On the Relation of Personal Data with the IP Address. A Study Russian's and Foreign Experience // *Journal of the Ural Federal District. Information Security*. 2016. No. 1. P. 61–67. (In Russian).
6. Mikhailov S. V. Anonimnost v Internete // *Zhurnal Suda po intellektualnym pravam*. 2017. No. 17. P. 26–32. (In Russian).
7. Shcherbovich A. A. Realizatsiia konstitutsionnykh prav i svobod v Internete. Moscow : Teis, 2015. 148 p. (In Russian).
8. Pravo na dostup v Internet, anonimnost i identifikatsiia polzovatelei (konstitutsionno-pravovye problemy) / Ed. M. S. Salikov. Yekaterinburg : Izd-vo UMTs UPI, 2020. 167 p. (In Russian).
9. Zudilina N. V. Motives of the Use of Anonymity in Cyberspace of the Internet as a Factor of Identity Formation of Man // *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta. Serriia: Problemy sotsialno-gumanitarnogo znaniia*. 2013. No. 9. P. 63–68. (In Russian).
10. Sarda T., Natale S., Sotirakopoulos N., Monaghan M. Understanding Online Anonymity // *Media Cult Soc*. 2019. Vol. 41, No. 4. P. 557–564. DOI 10.1177/0163443719842074.
11. Ustinovich E. S. Zarubezhnyi opyt zakonodatelnogo regulirovaniia anonimnosti v Internete i sudebnaia praktika // *Voprosy ekonomiki i prava*. 2016. No. 2. P. 7–9. (In Russian).

13. Recommendation No. R (99) 5 of the Committee of Ministers to Member States for the Protection of Privacy on the Internet (Adopted by the Committee of Ministers on 23 February 1999 at the 660th meeting of the Ministers' Deputies). URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804f4429 (accessed: 11.11.2021).
14. Доклад Специального докладчика ООН по вопросу о поощрении и защите права на свободу мнений и их выражение Дэвида Кея от 22 мая 2015 г. (A/HRC/29/32). URL: <https://www.undocs.org/ru/A/HRC/29/32> (дата обращения: 11.11.2021).
15. Freeman E. Anonymity on the Internet: ACLU of Georgia v. Miller // J Inform Syst Secur. 2000. Vol. 9, Is. 4. P. 1–6. DOI 10.1201/1086/43311.9.4.20000910/31363.3.
16. Government Policy for the Internet Must Be Rights-Based and User-Centred. URL: <https://www.un.org/en/chronicle/article/government-policy-internet-must-be-rights-based-and-user-centred> (дата обращения: 11.11.2021).
17. Личные данные и номера 500 млн пользователей Facebook попали в сеть. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/425327-lichnye-dannye-i-nomera-500-mln-polzovateley-facebook-popali-v-set> (дата обращения: 11.11.2021).
18. Смит Б., Браун К. Э. IT как оружие: Какие опасности таит в себе развитие высоких технологий / пер. с англ. М. : Альпина Паблишер, 2021. 352 с.
12. A Declaration of the Independence of Cyberspace. URL: <https://www.eff.org/cyberspace-independence> (accessed: 11.11.2021).
13. Recommendation No. R (99) 5 of the Committee of Ministers to Member States for the Protection of Privacy on the Internet (Adopted by the Committee of Ministers on 23 February 1999 at the 660th meeting of the Ministers' Deputies). URL: https://search.coe.int/cm/Pages/result_details.aspx?ObjectID=09000016804f4429 (accessed: 11.11.2021).
14. Report of the Special Rapporteur on the Promotion and Protection of the Right to Freedom of Opinion and Expression, David Kaye of May 22, 2015 (A/HRC/29/32). URL: <https://www.undocs.org/ru/A/HRC/29/32> (accessed: 11.11.2021). (In Russian).
15. Freeman E. Anonymity on the Internet: ACLU of Georgia v. Miller // J Inform Syst Secur. 2000. Vol. 9, Is. 4. P. 1–6. DOI 10.1201/1086/43311.9.4.20000910/31363.3.
16. Government Policy for the Internet Must Be Rights-Based and User-Centred. URL: <https://www.un.org/en/chronicle/article/government-policy-internet-must-be-rights-based-and-user-centred> (accessed: 11.11.2021).
17. Lichnye dannye i nomera 500 mln polzovatelei Facebook popali v set. URL: <https://www.forbes.ru/newsroom/tehnologii/425327-lichnye-dannye-i-nomera-500-mln-polzovateley-facebook-popali-v-set> (accessed: 11.11.2021).
18. Smith B., Brown K. A. IT as a Weapon. What Are the Dangers Inherent in the Development of High Technology / Trans. from English. Moscow : Alpina Publisher, 2021. 352 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мочалов Артур Николаевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия.
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

ABOUT THE AUTHOR

Artur N. Mochalov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: artur.mochalov@usla.ru

УДК 342.565.2
DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-122-127

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА КОНСТИТУЦИОННОГО ЗАПРЕТА ДИСКРИМИНАЦИИ И ЕГО МЕСТО В РОССИЙСКОМ ПРАВОВОМ ПОРЯДКЕ

А. И. Окулич

*Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия
E-mail: nancyok08@gmail.com*

Полноценная реализация конституционного запрета дискриминации в российском правовом порядке является важным критерием оценки обеспечения прав и свобод личности, закрепленных в Конституции Российской Федерации. Запрет дискриминации в силу той роли, которая возложена на него международным правом, призван защищать права и свободы человека и гражданина от столь пагубного социального явления, как дискриминация.

В настоящей работе рассмотрен конституционный запрет дискриминации, которым пронизано каждое право личности, зафиксированное в Конституции Российской Федерации. Вместе с тем наука конституционного права несправедливо подменяет конституционный запрет дискриминации так называемым конституционным принципом недискриминации.

Исследование конституционного запрета дискриминации позволило прийти к выводу о неочевидности его закрепления в российской правовой действительности. Однако автор заметил, что о запрете дискриминации как о конституционном запрете в своих решениях прямо говорит Конституционный Суд Российской Федерации, который принимает непосредственное участие в формировании российской правовой системы. Также на существование конституционного запрета дискриминации косвенно указывает и часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, что обосновывается автором в настоящей статье.

Ключевые слова: конституционный запрет дискриминации, конституционный принцип недискриминации, Конституционный Суд Российской Федерации, российский правовой порядок.

Для цитирования: Окулич А. И. Правовая природа конституционного запрета дискриминации и его место в российском правовом порядке // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 122–127. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-122-127.

THE CONSTITUTIONAL PROHIBITION OF DISCRIMINATION: ITS LEGAL NATURE AND PLACE IN THE RUSSIAN LEGAL ORDER

A. I. Okulich

*Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia
E-mail: nancyok08@gmail.com*

The full implementation of the constitutional prohibition of discrimination in the Russian legal order is an important criterion for assessment of protection of individual rights and freedoms enshrined in the Constitution of the Russian Federation. The prohibition of discrimination, by virtue of the role assigned to it by international law, is intended to protect human and civil rights and freedoms from such a pernicious social phenomenon as discrimination.

The article analyses the constitutional prohibition of discrimination, which is connected to every individual right enshrined in the Constitution of the Russian Federation. At the same time, the science of the constitutional law unfairly replaces constitutional prohibition of discrimination with so called “constitutional principle of non-discrimination”.

In the course of the study, it was concluded that the constitutional prohibition of discrimination is not clearly enshrined in the Russian legal reality. However, the author notes that the Constitutional Court of the Russian Federation, which directly involved in the Russian legal system formation, openly speaks about the prohibition of discrimination as a constitutional prohibition in its decisions. In addition to that, the author substantiates that the Article 15, Part 4 of the Constitution of the Russian Federation indirectly indicates on the existence of the constitutional prohibition of discrimination.

Keywords: constitutional prohibition of discrimination, constitutional principle of non-discrimination, Constitutional Court of the Russian Federation, Russian legal order.

For citation: Okulich A. I. *The Constitutional Prohibition of Discrimination: Its Legal Nature and Place in the Russian Legal Order* // Surgut State University. 2021. No. 4. P. 122–127. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-122-127.

ВВЕДЕНИЕ

История XX века наглядно продемонстрировала, что пренебрежение к дискриминации и ее последствиям чревато драматическими потрясениями для всего мира. Поэтому на международном уровне был установлен запрет дискриминации, закрепляющий за государствами обязанность обеспечивать права и свободы личности без какой бы то ни было дискриминации. Российская Федерация, ратифицировав Конвенцию о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Международный пакт о гражданских и политических правах 1966 г., выразила свое согласие с обязательностью всех норм данных документов, в том числе положений, устанавливающих запрет дискриминации.

Вместе с тем доктринальные положения теории конституционного права подменяют запрет дискриминации так называемым принципом недискриминации, что ошибочно. Считаем, что как в международном, так и в российском правовом порядке существует исключительно запрет дискриминации.

Основные цели настоящего исследования: мотивировать позицию относительно того, что в российском правовом порядке отсутствует принцип недискриминации, но существует конституционный запрет дискриминации; охарактеризовать конституционный запрет дискриминации и дать его понятие.

В соответствии с поставленными целями в исследовании были решены следующие задачи: выявлены и исследованы источники суждений о существовании конституционного принципа недискриминации; проведен анализ международных норм, закрепляющих запрет дискриминации; установлен факт существования конституционного запрета дискриминации в российском правовом порядке; определена сущность и конституционная ценность конституционного запрета дискриминации.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объектом настоящего исследования выступают общественные отношения в сфере

реализации личностью своих прав и свобод без какой бы то ни было дискриминации, урегулированные нормами конституционного права в целом и конституционным запретом дискриминации в частности.

Предмет исследования диктует необходимость применять как общенаучные, так и специальные методы исследования. Так, с помощью сравнительного метода проанализирован спектр международных документов. Настоящий анализ показал, что ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и ст. 26 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г. содержат положения о запрещении дискриминации. В противовес этому Замечание общего порядка № 18 «Недискриминация» от 1989 г. и Замечание общего порядка № 20 «Недискриминация экономических, социальных и культурных прав» от 2009 г. Комитета ООН по правам человека гласят, что «недискриминация, наряду с равенством перед законом и правом на равную защиту закона без какой-либо дискриминации, представляет собой основополагающий и общий принцип».

Вместе с тем, исходя из природы данных Замечаний общего порядка, стоит сказать, что они являются лишь рекомендательными субъективными правовыми позициями Комитета ООН, тогда как положения Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. и Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г., в силу их ратификации Российской Федерацией и ее последствий, предусмотренных частью 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, являются частью национальной правовой системы.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Как уже было отмечено, природа Замечаний общего порядка Комитета ООН предполагает, что они являются субъективными суждениями Комитета ООН. Однако некоторые российские ученые восприняли осторожные наработки Комитетов ООН в качестве

непреложной истины и привнесли их в отечественную юридическую науку, провозгласив существование конституционного принципа недискриминации [1, с. 31; 2, с. 50].

Вопрос разграничения природы правового принципа и правового запрета представляется значимым для целей развития правовой системы. По сути, принцип выступает системообразующим началом и ориентиром для правовой системы любого государства, и его назначение заключается в выражении содержания правового регулирования в сжатом виде. Запреты же, наряду с «дозволениями» и «обязываниями», выступают способами правового регулирования. Запрет отражает регулятивную, а не фактическую сторону права, как это делают принципы. Смещение данных понятий, в свою очередь, способно внести в правовую действительность чужеродные и плохо реализуемые на практике элементы, снизить качество правового регулирования.

Если рассматривать запрет дискриминации в качестве принципа недискриминации, то можно заметить, что им, как тем же принципом равенства, российское законодательство не проникнуто, поскольку норм, содержащих или детализирующих такой принцип, попросту нет. Ко всему прочему принцип недискриминации не прослеживается ни в решениях Конституционного Суда Российской Федерации, ни в Пленумах Верховного Суда Российской Федерации, ни в судебной практике судов общей юрисдикции. По сути, принцип недискриминации существует только в рамках одной из ветвей российской правовой науки и не обладает возможностью оказывать ориентационное воздействие на правовое регулирование.

Как уже было сказано ранее, международное законодательство в области прав человека устанавливает не принцип недискриминации, а запрет дискриминации. Обращаясь к Конституции Российской Федерации, можно заметить, что прямого текстуального закрепления запрета дискриминации в ней нет. Несмотря на это, запрет дискриминации наличествует в российской правовой действительности. Здесь в первую очередь важно отметить, что о запрете дискриминации как о конституционном запрете прямо говорит Конституционный Суд Российской Федера-

ции. К слову, именно Конституционный Суд Российской Федерации принимает непосредственное участие в формировании российской правовой системы. Как справедливо отмечает профессор М. С. Саликов, «правовые позиции, формулируемые Конституционным Судом Российской Федерации при разрешении им конкретных дел, несомненно, обогащают не только теорию конституционализма, но и служат неоценимым вкладом в развитие правовой системы страны в целом» [3, с. 59].

В одном из определений Конституционного Суда Российской Федерации указано, что «применение мер ответственности без учета характеризующих личность виновного обстоятельств противоречило бы конституционному запрету дискриминации и выраженным в Конституции Российской Федерации принципам справедливости и гуманизма (постановления от 19 марта 2003 г. № 3-П, от 11 декабря 2014 г. № 32-П и от 15 ноября 2016 г. № 24-П)» [4]. При анализе данной правовой позиции Конституционного Суда Российской Федерации возникает резонный вопрос: где в Конституции Российской Федерации закреплен запрет дискриминации?

Как можно заметить, говоря в своих решениях о конституционном запрете дискриминации, Конституционный Суд Российской Федерации здесь же перечисляет принципы справедливости и гуманизма. Объединяющим фактором принципов справедливости и гуманизма является их текстуальная невыраженность в Конституции Российской Федерации. Вместе с тем их фундаментальный характер подтвержден тем, что ими пронизаны все нормы, институты и закономерности общественной жизни. Ставя в один ряд принципы справедливости, гуманизма и запрет дискриминации, Конституционный Суд Российской Федерации подчеркивает всеобщую природу такого запрета.

Именно всеобщий характер запрета дискриминации не позволяет нам считать, что такой запрет закреплен в ст. 19 Конституции Российской Федерации. Буквальное истолкование нормы указанной статьи говорит о том, что она распространяет свое действие лишь на граждан и запрещает ограничение прав по закрытому перечню личностных признаков. Отметим также, что Конституци-

онный Суд Российской Федерации в своих решениях прямо указывает, что ст. 19 Конституции Российской Федерации содержит не что иное, как принцип равенства [5]. Как верно отмечает И. Ю. Остапович: «Конституционный Суд Российской Федерации посредством сформулированных правовых позиций санкционирует общеобязательность понимания конституционных и иных правовых норм и возводит ее в ранг государственной воли» [6, с. 39]. Таким образом, предположение о закреплении всеобщего запрета дискриминации в ст. 19 Конституции Российской Федерации не находит своего подтверждения.

Развивая вопрос, где именно в Конституции Российской Федерации содержится конституционный запрет дискриминации, следует обратить внимание на ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации, в которой указано, что «общепризнанные принципы и нормы международного права являются составной частью правовой системы Российской Федерации».

Международные документы содержат нормы о запрещении дискриминации (ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г., ст. 26 Международного пакта о гражданских и политических правах 1966 г.). Отметим, что Российская Федерация ратифицировала данные документы, следовательно, можно констатировать, что конституционный запрет дискриминации имеет имплементированный характер.

Стоит обратить внимание на точку зрения профессора В. В. Лазарева, который справедливо отмечает, что «полнокровная интеграция права материализуется только в судебных решениях». Здесь же В. В. Лазарев пишет, что именно «через суд идет правообразование, правореализация и правоохрана» [7, с. 7]. Сеем предположить, что в первую очередь речь идет о Конституционном Суде Российской Федерации с учетом той роли, которую данный орган играет в формировании российского правопорядка. Убеждены, что именно Конституционный Суд Российской Федерации путем своих решений интегрировал в российскую правовую систему нормы международного права, касающиеся запрета дискриминации, а не принципа недискриминации.

По сути, Конституционный Суд Российской Федерации посредством своих решений не только обозначил существование запрета дискриминации в российской правовой системе, но и наделил этот запрет всеобщим характером. Таким образом, следует сказать, что запрет дискриминации является интегрированным в российскую правовую систему благодаря практике Конституционного Суда Российской Федерации.

С учетом вышесказанного считаем, что конституционный запрет дискриминации есть разновидность универсального правового запрета, имплементированного нормами Конституции Российской Федерации в российскую правовую систему и устанавливающего недопустимость любых форм дискриминации.

В отличие от многих других правовых запретов конституционный запрет дискриминации обладает рядом отличительных характеристик. Во-первых, запрет дискриминации текстуально не выражен, но это не препятствует его существованию в российской правовой действительности, ввиду того что он является имплементированным в силу ч. 4 ст. 15 Конституции Российской Федерации. Во-вторых, несмотря на то, что запрет дискриминации формально не определен в нормах Конституции Российской Федерации, Конституционный Суд Российской Федерации наделяет запрет дискриминации всеобщим характером. В-третьих, ввиду формальной неопределенности запрет дискриминации не приобрел строго конкретного содержания и четких границ своего распространения.

При этом несложно заметить, что всеобщность запрета дискриминации вступает в логический конфликт с формальной его неопределенностью, что, в свою очередь, приводит к необеспеченности данного запрета в российской правовой действительности. Нормы отраслевого законодательства лишь частично гарантируют конституционный запрет дискриминации. В частности, обращаясь к норме, содержащейся в ст. 5.62 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, можно заметить, что запрет дискриминации обеспечивается по закрытому перечню личностных признаков, тогда как ст. 14 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. устанавливает за-

прет дискриминации по открытому перечню идентифицирующих характеристик человека.

Представляется, что решить названную проблему можно путем внесения изменений в само понятие дискриминации, содержащееся в нормах отраслевого законодательства. Под дискриминацией предлагается понимать любое действие, бездействие или установление, ведущее к различию, исключению, ограничению, предпочтению или иному неправомерному обращению с человеком на основании его биологических, социальных или иных личностных качеств и имеющее целью или следствием аннулирование, умаление признания, использования или осуществления на равных началах прав человека, его основных свобод и интересов.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итог вышесказанному, сделаем акцент на следующих основных моментах. Проанализировав международные докумен-

ты и существующий российский правовой порядок, можем сказать, что принципа недискриминации как такового в российской правовой действительности нет, поскольку он не отражен ни в российском законодательстве, ни в правоприменительной практике судебных органов. По сути, принцип недискриминации появился в результате привнесения российскими учеными в отечественную науку некоторых субъективных суждений Комитетов ООН по правам человека.

Значение конституционного запрета дискриминации сложно переоценить, поскольку именно он, в силу той роли, которая возложена на него международным и российским правом, призван защищать права и свободы человека и гражданина от дискриминации. Вместе с тем всеобщий характер запрета дискриминации требует доработки отечественного законодательства в части расширения понятия дискриминации.

ЛИТЕРАТУРА

1. Крусс В. И. Дискриминация и дифференцированный подход к обладателям конституционных прав и свобод // Государство и право. 2005. № 12. С. 31–42.
2. Сычев В. Б. Защита конституционного принципа недискриминации Конституционным судом Российской Федерации : дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2015. 217 с.
3. Саликов М. С. Правовые позиции Конституционного суда Российской Федерации: понятие и система // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2003. № 5. С. 49–59.
4. Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Андреевой Юлии Владимировны на нарушение ее конституционных прав частью третьей статьи 72 Уголовного кодекса Российской Федерации и Федеральным законом «О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации» : определение Конституционного Суда РФ от 25.11.2020 № 2641-О. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. По делу о проверке конституционности положений пункта 2 части второй статьи 30 и пункта 1 части третьей статьи 31 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, части второй статьи 57 и части второй статьи 59 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина В. Д. Лабусова : постановление Конституционного Суда РФ от 16.03.2017 № 7-П. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
6. Остапович И. Ю. О нормативности решений органов конституционного контроля в Российской

REFERENCES

1. Kruss V. I. Discrimination and Differentiation Approach Towards the Constitutional Rights and Freedoms // State and Law. 2005. No. 12. P. 31–42. (In Russian).
2. Sychev V. B. Zashchita konstitutsionnogo printsipa nediskriminatsii Konstitutsionnym sudom Rossiiskoi Federatsii: Cand. Sci. Dissertation (Law). Saratov, 2015. 217 p. (In Russian).
3. Salikov M. S. Legal Positions of the Constitutional Court of the Russian Federation: Concept and the System // Pravovedenie. 2003. No. 5. P. 49–59. (In Russian).
4. On Refusal to Accept the Complaint of the Citizen Andreeva Yuliya Vladimirovna on Violation of Her Constitutional Rights by the Article 72, Part 3 of the Criminal Code of The Russian Federation and the Federal Law “On Amendments to the Article 72 of the Criminal Code of the Russian Federation” : Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 2641-O of 25.11.2020. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
5. On Case of Verification of Constitutionality of Provisions of Article 30, Part 2, Chapter 2 and Article 31, Part 3, Chapter 1 of the Criminal and Procedural Code of the Russian Federation, Article 57, Part 2 and Article 59, Part 2 of the Criminal and Procedural Code of the Russian Federation Due to the Complaint of the Citizen V. D. Labusov : Resolution of the Constitutional Law of the Russian Federation No. 7-P of 16.03.2017. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).

- Федерации // Вестн. Воронеж. гос. ун-та. Сер. Право. 2015. № 2. С. 37–48.
7. Лазарев В. В. Интеграция права и имплементация интегративных подходов к праву в решении суда // Журнал российского права. 2017. № 7. С. 5–18.
6. Ostapovich I. Yu. O normativnosti reshenii organov konstitutsionnogo kontrolya v Rossiiskoi Federatsii // Proceedings of Voronezh State University. Series: Pravo. 2015. No. 2. P. 37–48. (In Russian).
7. Lazarev V. V. Integration of Law and the Implementation of Integrative Approaches to Law in a Court Decision // Journal of Russian Law. 2017. No. 7. P. 5–18. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Окулич Анастасия Ивановна – соискатель кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия.

E-mail: nancyok08@gmail.com

ABOUT THE AUTHOR

Anastasiya I. Okulich – Candidate, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: nancyok08@gmail.com

УДК 323.1:34

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-128-134

ОТДЕЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ИДЕНТИЧНОСТИ В ДОКУМЕНТАХ СТРАТЕГИЧЕСКОГО ПЛАНИРОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Н. В. Панкевич, В. В. Руденко ✉

Институт философии и права Уральского отделения

Российской академии наук, Екатеринбург, Россия

✉ E-mail: emikh.valentina@gmail.com

Предметом исследования являются ценностные комплексы, составляющие основу общероссийской идентичности и отраженные в документах стратегического планирования РФ. Исследовательской целью является выявление проблем идентичности в действующих документах стратегического планирования РФ и определение путей их решения в свете конституционной реформы 2020 г.

Решаются следующие задачи: 1) выявить и содержательно определить ключевые ценности, фундирующие стратегические направления российской государственной политики; 2) выявить вероятные противоречия, связанные с возможностью различного содержательного наполнения и терминологической вариативности указанных ценностей. Методологически значимым для получения результатов исследования стал тезис о трансграничности политических субъектов и их солидаризации не вокруг институтов национальной государственности, а вокруг тех или иных ценностных комплексов. Основные методы исследования: метод системного анализа, синтеза, сравнительного правоведения, а также формально-юридический метод.

Сделан вывод о том, что в свете конституционной реформы 2020 г. назрела потребность совершенствования ценностного комплекса общероссийской идентичности, определяемого программно-стратегическими документами РФ. Государственная политика в данной области на современном этапе направлена на обеспечение социального и духовного единства российского народа. Данная задача сложна тем, что в процессе конструирования единой гражданской идентичности необходимо также учитывать характерное для РФ социальное, конфессиональное, национальное и региональное разнообразие.

Ключевые слова: общероссийская идентичность, стратегическое планирование, суверенитет, безопасность, конституционная реформа 2020 г.

Для цитирования: Панкевич Н. В., Руденко В. В. Отдельные проблемы идентичности в документах стратегического планирования Российской Федерации // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 128–134. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-128-134.

VARIOUS PROBLEMS OF IDENTITY IN THE DOCUMENTS OF STRATEGICAL PLANNING OF THE RUSSIAN FEDERATION

N. V. Pankevich, V. V. Rudenko ✉

Institute of Philosophy and Law,

Ural Department of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia

✉ E-mail: emikh.valentina@gmail.com

The subject of the study is complexes of values that form a basis for all-Russian identity and are reflected in the documents of strategical planning of the Russian Federation. The research aim is to identify problems of identity in the documents of strategical planning of the Russian Federation in force and determine ways to improve those due to the Constitutional reform of 2020.

The following problems are to be solved: 1) to identify and meaningfully define the key values that substantiate strategical directions of Russian state policy; 2) to determine possible contradictions related to the possibility of various meaningful and terminological variability of named values. The thesis about cross-border of political subjects and their solidarization not according to institutes of national statehood but ac-

cording to certain value complexes has become the methodological significant to receive the results of the study. The main research methods are the following: method of systematic analysis, method of synthesis, method of comparative jurisprudence and formal legal method.

The conclusion is made that the necessity to improve the complex of values of all-Russian identity, which is determined by the program-strategical documents of the Russian Federation, is emerging due to the Constitutional reform in 2020. At the present level, the state policy in the field is directed to provide social and spiritual unity of the Russian nation. The objective is difficult due to the necessity to consider typical social, confessional, national and religious diversity in the Russian Federation while forming the united civil identity.

Keywords: all-Russian identity, strategic planning, sovereignty, security, constitutional reform of 2020.

For citation: Pankevich N. V., Rudenko V. V. Various Problems of Identity in the Documents of Strategic Planning of the Russian Federation // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 128–134. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-128-134.

ВВЕДЕНИЕ

В фокус общественных наук сегодня все чаще попадает ситуация дестабилизации макроуровня глобальной политической системы. Объективно проблемную ситуацию задает наблюдаемая сегодня интенсификация массовых политических, социальных и экономических процессов, связанная с их выходом на глобальный уровень. Она влечет за собой глубокие структурные изменения всей институциональной системы, служившей основой нормативного порядка современности. Результатом сложной совокупности трансформационных процессов является усиление политической субъектности слабоформализованных социальных акторов при относительном сокращении эффективной власти институтов, связанных с национальной государственностью [1, с. 83]. Реальность глобального массового общества открывает возможности формирования политического класса, который не столь прочно увязан с институтом гражданства как правом гарантированного влияния на персональный состав формальных правительственных органов и политическое содержание их деятельности в рамках публичного представительства. Возникающие негосударственные регуляторы черпают силу в специфическом понимании политического сообщества как общности, ориентированной на общие смыслы и ценности за пределами их официальных трактовок на уровне государств, но при этом способной к их коллективной артикуляции внутри государственных пространств. Понимание политического класса в его шмиттовском определении как субъекта, заключенного и значимого только в государственных контекстах [2], контрастирует

с формирующимся сегодня представлением о трансграничности политических субъектов и их солидаризации не вокруг институтов национальной государственности, но вокруг тех или иных ценностных комплексов.

Такое усложнение организационной среды ставит перед государствами чрезвычайно сложные задачи, поскольку возникающие ценностные расколы дополняют и в ряде случаев усиливают значимость исторически сложившихся и непреодоленных противоречий, существующих во внутривнутриполитических пространствах, и становятся существенным фактором радикализации социальных различий.

В этих условиях геополитическая конкуренция между государствами радикальным образом изменяет свой инструментарий и смещается в гуманитарную сферу, где борьба за лояльность стратегических ключевых групп в составе национального социума становится одним из ключевых элементов обеспечения безопасности [3, с. 111]. Данная ситуация радикально повышает ценность социального единства на государственном уровне, и потому способность государства к стратегическому действию в области формирования и закрепления ценностных основ, определяющих идентичность соответствующего социума и основания солидаризации общественных групп, является сегодня ключевым атрибутом и условием действительного суверенитета государства [4].

Осознание остроты момента и усилия российского государства в области политики ценностей вписываются в определившиеся глобальные и региональные тренды, в рамках которых государства, стремящиеся к упрочению своего положения в междуна-

родной системе, заявляют об уникальности свойственных им ценностных комплексов [5]. Именно такое обращение к уникальному коллективному опыту характеризует сегодня программно-стратегическое регулирование и планирование в РФ.

Целью настоящей статьи является выявление проблем идентичности в действующих документах стратегического планирования РФ и определение путей их совершенствования в свете конституционной реформы 2020 г. Анализ текстов данных документов представляется необходимым, исходя из того, что именно они в наиболееотрефлексированной форме выражают содержание долгосрочной государственной политики, ее задач, методов достижения заявленных целей и, таким образом, являются ориентирами не только для государственных органов, но и доступны другим субъектам для согласования своих действий с общезначимыми приоритетами. Для достижения указанной цели поставлены следующие задачи: 1) выявить и содержательно определить ключевые ценности, фундирующие стратегические направления российской государственной политики; 2) выявить возможные противоречия и линии напряженности, связанные с возможностью различного содержательного наполнения и терминологической вариативности указанных ценностей.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

В качестве материала использованы нормативные правовые акты программно-стратегического характера федерального и регионального уровня. Методологическую основу заложили общенаучные методы познания (метод системного анализа, восхождения от абстрактного к конкретному, восхождения от единичного к общему (индукции), синтеза, сравнительный метод) и специальные правовые частнонаучные методы (метод сравнительного правоведения, формально-юридический метод и метод правовой герменевтики).

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Необходимость изменения ценностных основ Конституции РФ назрела давно, что во многом обусловлено возникшей ситуацией

противопоставления граждан себя государству, отстранением граждан от государства, отсутствием связи граждан с Российским государством [6]. Оформление нового ценностного ряда произошло в 2012 г., когда была утверждена Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. (далее – Стратегия национальной политики) [7] и опубликована статья В. В. Путина по национальному вопросу [8]. В ходе конституционной реформы 2020 г. не только претерпели изменения основы организации публичной власти в России, но и была предпринята попытка закрепить общероссийскую идентичность как конституционную ценность, оформить ее идеологемы на конституционном уровне. Во-первых, в конституционном тексте впервые появляется термин «общероссийская культурная идентичность», употребляемый в контексте поддержки соотечественников за рубежом (ч. 3 ст. 69 Конституции РФ [9]). Во-вторых, получают дополнительную фиксацию и закрепляются новые принципы и ценности, значимые для формирования общероссийской идентичности. В качестве принципов и ценностей государства и общества фиксируются: независимость Российского государства (ст. 80), суверенная российская государственность как особая конституционная ценность (ч. 2¹ ст. 67), международный принцип невмешательства во внутренние дела государств (ст. 79¹), государственная граница как ценность (ч. 2¹ ст. 67), русский язык как язык государствообразующего народа (ч. 1 ст. 68), культура как уникальное наследие многонационального народа (ч. 4 ст. 68), этнокультурное и языковое многообразие (ч. 2 ст. 68) и др. Среди ценностей личности выделяются: благополучие граждан (ст. 75¹), традиционные семейные ценности (п. «в» ч. 1 ст. 114), материнство (дополнительная фиксация в п. «ж¹» ч. 1 ст. 72), семья (дополнительная фиксация в п. «ж¹» ч. 1 ст. 72), патриотизм, гражданственность, уважение к старшим – в контексте воспитания детей (ч. 4 ст. 67¹), дети – в контексте определения важнейших приоритетов государственной политики (ч. 1 ст. 67¹), отцовство (дополнительная фиксация в п. «ж¹» ч. 1 ст. 72), институт брака как союз мужчины и женщины (п. «ж¹» ч. 1 ст. 72), забота

о родителях (дополнительная фиксация в п. «ж¹» ч. 1 ст. 72) и др. [10, с. 74]. Обращает на себя внимание обилие ценностей исторической направленности: вера в Бога в историческом контексте (ч. 2 ст. 67¹), память предков (дополнительная фиксация в ч. 2 ст. 67¹), память защитников Отечества (ч. 3 ст. 67¹), историческая правда (ч. 3 ст. 67¹), тысячелетняя история (ч. 2 ст. 67¹), идеалы предков (ч. 2 ст. 67¹). В-третьих, на конституционном уровне прозвучал концепт государствообразующего народа, однако только применительно к русскому языку. Таким образом, общероссийская идентичность возводится в ранг конституционной ценности [11].

Реализация конституционных изменений, направленных на формирование общероссийской идентичности, обеспечивается прежде всего посредством разработки, принятия и изменения документов стратегического планирования [12]. Внедрение заложенных в данных документах ценностных установок в правовые акты РФ способствует укреплению единства российской правовой системы и подчинению согласованной системе императивов морально-нравственного и ценностного характера всей системы государственного управления. В течение последнего десятилетия наблюдается существенная эволюция ценностного регулирования. Регуляторы ценностного и морально-нравственного, культурного характера, которые считались ранее относительно периферийными инструментами, теперь выносятся в центр политической и правовой системы РФ.

Именно такое развитие претерпевает один из ключевых российских программно-стратегических документов – Стратегия национальной безопасности [13]. Предшествующая ей Стратегия 2015 г. [14] относил традиционные российские духовно-нравственные ценности, их возрождение и укрепление, консолидацию гражданского общества вокруг общих ценностей, скорее, к контекстным условиям национальной безопасности (п. 11). Контрастно действующая ныне Стратегия обращена к вопросам ценностного обеспечения общественной безопасности как к фундаменту мирового морального лидерства, создания привлекательной идейной основы будущего мироустройства (пункты 19 и 84).

Стратегия апеллирует к ресурсам национальной идентичности как к условию сплоченности и единства перед лицом разнообразных угроз, вынося на первый план необходимость укрепления духовно-нравственных ценностей и сохранения культурного и исторического наследия народа России (пп. 7 п. 25). Вызывает интерес формулировка, которая обращена к народу не как к ассоциации граждан или сообществу групп, маркированных разнообразными партикулярными политическими статусами, но к народу как к согласованному социально-политическому единству, носителю суверенитета и главному достоянию страны (п. 28). Именно духовные ценности определяются в качестве стержня, обеспечивающего транспоколенческое и социальное единство многонационального и многоконфессионального российского народа. Данная трактовка интересна тем, что стратегические документы формулируют совершенно определенный образ социальной общности, которому будет соответствовать российский социум. Снижается политическая значимость социальных различий, связанных с сосуществованием в составе единой российской политической нации различных конфессиональных и этнонациональных групп, сохраняясь преимущественно как историко-культурный феномен. При этом задачей государственного управления становится преодоление конфликтов конфессионального и этнонационального толка, формирования этнических и религиозных анклавов, социальной и этнокультурной изолированности отдельных групп граждан (пп. 17 п. 47).

Таким образом, стратегическое программирование единства российской нации, конструирование общегражданской идентичности становится одним из основных приоритетов государственного строительства. Однако следует отметить, что в документах стратегического планирования не найдена разрешения проблема множественности идентичностей и их корреляции друг с другом. Идентичность всегда связана с самосознанием индивида: одно и то же лицо может совмещать несколько идентичностей, в то же время одна идентичность может быть замещена другой идентичностью под влиянием жизненных обстоятельств и в связи с измене-

нием мировоззренческих взглядов. Но идентичности могут и конкурировать. На первый взгляд, между гражданской и этнической идентичностью конфликт отсутствует. Стратегия национальной политики исходит из того, что российская нация скреплена русским культурным ядром, именно русский народ определяет смысл российской государственности: «Общероссийская гражданская идентичность основана на сохранении русской культурной доминанты, присущей всем народам, населяющим Российскую Федерацию. Современное российское общество объединяет единый культурный (цивилизационный) код, который основан на сохранении и развитии русской культуры и языка, исторического и культурного наследия всех народов Российской Федерации...». Данное положение Стратегии не получило надлежащего развития в документах по государственной национальной политике в субъектах РФ [15, с. 181]. Отдельные субъекты РФ реализуют национальную политику прежде всего посредством укрепления титульной этничности. Например, в Республике Татарстан государственная национальная политика строится на «необходимости обеспечения равных условий жизнедеятельности представителям всех народов, проживающих в Республике Татарстан, и всестороннего развития татарского народа и укрепления Республики Татарстан как исторически сложившейся формы его государственности» [16]. Очевидна необходимость согласованной реализации государственной национальной политики на федеральном и региональном уровне.

Еще в большей мере необходимость согласования ценностных оснований государственных стратегий обостряет достаточно новое в отечественной истории видение российского социума как трансграничной общности, объединенной общим культурным кодом. Появившийся в Конституции Российской Федерации в ходе конституционной реформы 2020 г. концепт культурной идентичности ориентирован также и на соотечественников за рубежом как на неотъемлемую часть российского социума. В то же время в Стратегии национальной политики используется понятие национальной идентичности, которое связывается с понятием «российская

нация», подразумевающим/включающим лишь граждан РФ, в том числе соотечественников за рубежом, имеющих гражданство РФ. При этом культура выступает в качестве ключевой идеологемы национальной идентичности и, более того, связана с культурным суверенитетом Российского государства, угроза утраты которого, согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, возникает вследствие «попыток фальсификации российской и мировой истории, искажения исторической правды и уничтожения исторической памяти, разжигания межнациональных и межконфессиональных конфликтов, ослабления государствообразующего народа» [13]. На уровне документов стратегического планирования требуется определить ценностный комплекс культурной идентичности (ее ключевые идеологемы и структурные составляющие) в соотношении с национальной идентичностью и закрепить механизмы ее формирования.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Таким образом, в свете трансформации системы ценностей в ходе конституционной реформы 2020 г. назрела потребность совершенствования ценностного комплекса национальной идентичности, определяемого программно-стратегическими документами РФ. Государственная политика в данной области на современном этапе направлена на обеспечение социального и духовного единства российского народа. Данная задача сложна тем, что в процессе конструирования единой гражданской идентичности необходимо также учитывать и характерное для РФ исторически сложившееся и являющееся частью ее уникальной культуры социальное, конфессиональное, национальное и региональное разнообразие. Значимая часть данных различий глубоко институционализована в структуре политической системы РФ, в частности в специфике ее федеративного устройства. Одновременно ориентация на интеграцию в состав российского социума значимого контингента соотечественников, проживающих за рубежом в совершенно различных политических, правовых, социальных условиях, требует поиска эффективных интеграторов культурно-ценностного

характера, одинаково значимых для всех частей российского социума.

В контексте построения общенациональной идентичности заслуживают пристального внимания научные разработки о конституционной идентичности [17, с. 12–16], которая может иметь весомое консолидирующее значение и служить сдерживающим фактором размытия российской национально-государственной идентичности как на национальном, так и на наднациональном уровне.

ЛИТЕРАТУРА

1. Неклесса А. И. Кризис истории. Мир как незавершенный проект // Полис. Политические исследования. 2018. № 1. С. 80–95. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>.
2. Schmitt C. Lectures // Kant-Studien. 1930. Vol. 35, No. 1–4. P. 28–118. (In German).
3. Сутырин В. Трансформация Восточного партнерства ЕС после 2014 г. // Современная Европа. 2020. № 2 (95). С. 11–122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020111122>.
4. Панкевич Н. В. Политические ценности в европейском постсоветском пространстве: идентичность и суверенитет перед лицом интеграционных процессов // Вестн. РУДН. Политология. 2021. № 4. С. 630–647.
5. Филиппова Н. А. Национальная идентичность в Евразийском контексте: особенности Российской конституционной реформы 2020 года // Вестник Сургутского государственного университета. 2020. № 2. С. 95–107. DOI 10.34822/2312-3419-2020-2-95-107.
6. Данилюк А. Я., Кондаков А. М., Тишков В. А. Концепция духовно-нравственного развития и воспитания личности гражданина России. М. : Просвещение, 2009. 24 с.
7. О Стратегии государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 г. : указ Президента Российской Федерации от 19.12.2012 № 1666. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
8. Путин В. В. Россия: национальный вопрос // Независимая газета. 2012. 23 янв.
9. Конституция Российской Федерации : принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
10. Руденко В. В. Российская конституционная реформа 2020 года: трансформация системы ценностей // Ленинград. юрид. журн. 2020. № 4 (62). С. 71–83.
11. Виноградова Е. В., Раттур М. В. Общероссийская идентичность как конституционная ценность в конституционных поправках 2020 года // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4 (184). С. 22–24.

ФИНАНСОВАЯ ПОДДЕРЖКА

Исследование проведено при поддержке Программы фундаментальных и прикладных научных исследований «Этнокультурное многообразие российского общества и укрепление общероссийской идентичности», 2020–2022 гг. (проект «Общественное согласие в России и конструирование гражданской идентичности как способ его достижения», руководитель – академик РАН В. Н. Руденко).

REFERENCES

1. Neklessa A. I. The Crises of History. The World as an Unfinished Project // Polis. Political Studies. 2018. No. 1. P. 80–95. DOI: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.01.06>. (In Russian).
2. Schmitt C. Lectures // Kant-Studien. 1930. Vol. 35, No. 1–4. P. 28–118. (In German).
3. Sutyurin V. Transformation of the EU's Eastern Partnership after 2014 // Contemporary Europe. 2020. No. 2 (95). P. 11–122. DOI: <http://dx.doi.org/10.15211/soveurope22020111122>. (In Russian).
4. Pankevich N. V. Political Values in the European Post-Soviet Space: Identity and Sovereignty in the Face of Integration Processes // RUDN Journal of Political Science. 2021. No. 4. P. 630–647. (In Russian).
5. Filippova N. A. National Identity in the Eurasian Context: Features of the 2020 Russian Constitutional Reform // Surgut State University Journal. 2020. No. 2. P. 95–107. DOI 10.34822/2312-3419-2020-2-95-107. (In Russian).
6. Danilyuk A. Ya., Kondakov A. M., Tishkov V. A. Kontseptsia dukhovno-nravstvennogo razvitiia i vospitaniia lichnosti grazhdanina Rossii. Moscow : Prosveshchenie, 2009. 24 p. (In Russian).
7. On Strategy of State National Policy of the Russian Federation for the period up to 2025 : Decree of the President of the Russian Federation No. 1666 of 19.12.2012. Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". (In Russian).
8. Putin V. V. Rossiia: natsionalnyi vopros // Nezavisimaia gazeta. 2012. 23 January. (In Russian).
9. The Constitution of the Russian Federation. Adopted by the popular vote on December 12, 1993. Accessed through Law assistance system "Consultant Plus". (In Russian).
10. Rudenko V. V. The 2020 Russian Constitutional Reform: Transformation of the Values System // Leningrad Legal Journal. 2020. No. 4 (62). P. 71–83. (In Russian).
11. Vinogradova E. V., Rattur M. V. All-Russian Identity as a Constitutional Value in the Constitutional Amendments of 2020 // Law and State: The Theory and Practice. 2020. No. 4 (184). P. 22–24. (In Russian).
12. On Strategical Planning in the Russian Federation : Federal Law No. 172-FZ of 28.06.2014. Accessed

12. О стратегическом планировании в Российской Федерации : федер. закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
13. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации : указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
14. О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации: указ Президента РФ от 31.12.2015 № 683. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
15. Яхшиян О. Ю. Согласованность положений об общероссийской гражданской идентичности, содержащихся в доктринальных документах по государственной национальной политике России и республик – субъектов Федерации // Вестн. унта. 2020. № 12. С. 176–183.
16. О Концепции государственной национальной политики в Республике Татарстан : указ Президента Республики Татарстан от 26.07.2013 № УП-695. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
17. Зорькин В. Д. Конституционное правосудие: процедура и смысл. СПб., 2021. 155 с.
- through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
13. On Strategy of National Safety in the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation No. 400 of 02.07.2021. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
14. On Strategy of National Safety on the Russian Federation : Decree of the President of the Russian Federation No. 683 of 31.12.2015. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
15. Yakhshiyani O. Yu. Consistency of the Provisions on the All-Russian Civil Identity Contained in the Doctrinal Documents on the State National Policy of Russia and the Republics–Subjects of the Federation // Vestn. un-ta. 2020. No. 12. P. 176–183. (In Russian).
16. On Conception of State National Policy in the Republic of Tatarstan : Decree of the President of the Republic of Tatarstan No. UP-695 of 26.07.2013. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”. (In Russian).
17. Zorkin V. D. Konstitutsionnoe pravosudie: protsedura i smysl. St. Petersburg, 2021. 155 p. (In Russian).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Панкевич Наталья Владимировна – кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия.

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Руденко Валентина Викторовна – кандидат юридических наук, старший научный сотрудник, Институт философии и права Уральского отделения Российской академии наук, Екатеринбург, Россия.

E-mail: emikh.valentina@gmail.com

ABOUT THE AUTHORS

Natalya V. Pankevich – Candidate of Sciences (Politics), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Department of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: n.pankevich@yandex.ru

Valentina V. Rudenko – Candidate of Sciences (Law), Senior Researcher, Institute of Philosophy and Law, Ural Department of Russian Academy of Sciences, Yekaterinburg, Russia.

E-mail: emikh.valentina@gmail.com

УДК 342.565.2[470+474.5]

DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-135-142

ОСОБЕННОСТИ КОНСТИТУЦИОННОГО СУДЕБНОГО КОНТРОЛЯ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И ЛИТВЕ

А. С. Сухоруков

Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия

E-mail: SuhorukovS@mail.ru

В статье рассматриваются особенности конституционного судебного контроля в Российской Федерации и Литве. Целью исследования является раскрытие системы нормативно-правовых актов, регулирующих основу конституционной судебной власти, системы органов конституционного судебного контроля Российской Федерации и Литвы, а также определение отличительных признаков данных систем. В статье проанализированы правила конституционного судопроизводства, рассмотрены основные различия между полномочиями конституционных судов Российской Федерации и Литвы. Особое внимание уделяется статусу конституционных судов в системе органов государственной власти Российской Федерации и Литвы. Также в историческом контексте проанализированы изменения системы конституционных судов и полномочий конституционных судов в части рассмотрения жалоб на нарушение прав и свобод человека и гражданина. В статье сформулированы предложения по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации и Литвы, регулирующего осуществление конституционного судебного контроля. Проведенное исследование позволило определить, что деятельность Конституционного Суда Литвы носит в основном политический характер, а Конституционного Суда Российской Федерации – правозащитный.

Ключевые слова: Конституционный Суд Российской Федерации, Конституционный Суд Литвы, конституционная судебная власть, конституционный судебный контроль, органы конституционного судебного контроля.

Для цитирования: Сухоруков А. С. Особенности конституционного судебного контроля в Российской Федерации и Литве // Вестник Сургутского государственного университета. 2021. № 4. С. 135–142. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-135-142.

THE PECULIARITIES OF CONSTITUTIONAL JUDICIAL CONTROL IN THE RUSSIAN FEDERATION AND LITHUANIA

A. S. Suhorukov

Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia

E-mail: SuhorukovS@mail.ru

The article analyzes the peculiarities of the constitutional judicial control in the Russian Federation and Lithuania. The aim of the study is to disclose the system of regulatory legal acts that regulate the basis of constitutional judicial authority, systems of bodies of constitutional judicial control of the Russian Federation and Lithuania, and definition of distinctive features of these systems. The article analyzes rules of the constitutional court proceedings, considers the main differences in the powers of the constitutional courts of the Russian Federation and Lithuania. In addition to that, the changes in the system of constitutional courts and the powers of constitutional courts regarding the consideration of complaints about violations of human and civil rights and freedoms are analyzed in the historical context. The article formulates proposals to improve the current legislation of the Russian Federation and Lithuania regulation the implementation of the constitutional judicial control. The conducted study made it possible to determine that the nature of the activity of the Constitutional Court of Lithuania is mainly political, while the Constitutional Court of the Russian Federation is human rights-based.

Keywords: Constitutional Court of the Russian Federation, Constitutional Court of Lithuania, constitutional judicial authority, constitutional judicial control, constitutional judicial control bodies.

For citation: Sukhorukov A. S. The Peculiarities of Constitutional Judicial Control in the Russian Federation and Lithuania // Surgut State University Journal. 2021. No. 4. P. 135–142. DOI 10.34822/2312-3419-2021-4-135-142.

ВВЕДЕНИЕ

Конституционно-правовые основы судебной власти представляют собой важный конституционный институт в регулировании отношений между органами судебной власти и гражданами по защите их прав и свобод. Особое значение в этом институте имеют основы конституционной судебной власти. Данные основы состоят прежде всего из нормативной части, структуры и полномочий органов конституционного судебного контроля, процедурных вопросов деятельности данных органов, а также характера и содержания выносимых ими решений. В данной статье мы рассмотрим вопросы нормативно-правовой основы конституционной судебной власти, особенности конституционного судебного контроля, структуры и полномочий органов конституционного судебного контроля.

МАТЕРИАЛ И МЕТОДЫ

Объектом исследования являются общественные отношения в сфере конституционного судебного контроля в Российской Федерации и Литве. Материалами исследования выступили конституционно-правовые нормы законодательства Российской Федерации и Литвы о судебной системе и конституционных судах, а также регламенты (правила рассмотрения дел) конституционных судов. В статье использованы общенаучные (анализ, синтез, дедукция и индукция) и специальные (формально-юридический, сравнительно-правовой, лингвистический, статистический и исторический) методы исследования.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ИХ ОБСУЖДЕНИЕ

Основы конституционной судебной власти Российской Федерации составляют прежде всего Конституция Российской Федерации от 25.12.1993 [1], Федеральный конституционный закон (далее – ФКЗ) от 31.12.1996 № 1-ФКЗ «О судебной системе Российской Федерации» [2], ФКЗ от 21.07.1994 № 1-ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» [3], а также Регламент Конституционного Суда РФ от 24.01.2011 [4]. В Литве

соответствующую базу образуют Конституция Литвы от 25.10.1992 [5], Закон от 03.02.1993 № 1-67 «О Конституционном Суде Литовской Республики» [6] и Правила рассмотрения дел в Конституционном Суде Литовской Республики от 05.03.2004 [7]. Отметим, что Российской Федерации как федеративному государству присуща двухуровневая система основ конституционной судебной власти. Федеральные конституционно-правовые основы представлены федеральным законодательством, регулирующим вопросы организации и деятельности Конституционного Суда РФ, а основу региональной конституционной юстиции составляют конституции (уставы) субъектов Российской Федерации, законы о конституционных (уставных) судах субъектов Российской Федерации и регламенты соответствующих судов. В связи с этим в Российской Федерации действует двухуровневая система органов конституционного судебного контроля.

Однако в 2020 г. в ФКЗ «О судебной системе в Российской Федерации» были внесены изменения, согласно которым конституционные (уставные) суды субъектов РФ подлежат упразднению до 2023 г. Вместо данных судебных органов субъекты РФ могут создавать конституционные (уставные) советы при законодательных (представительных) органах государственной власти субъектов РФ [8]. Данные конституционные (уставные) советы не являются органами судебной власти и не образуют с Конституционным Судом РФ единой судебной системы. Статус данных органов до конца не определен, однако является предметом научной дискуссии [9, с. 66–67; 10, с. 18–19; 11, с. 65–74]. Так, В. А. Кряжков предлагает один из вариантов статуса данного органа: конституционный (уставный) совет является высшим самостоятельным постоянно действующим органом государственной власти субъекта РФ, образуемым в целях обеспечения верховенства основного закона субъекта РФ и защиты прав и свобод граждан. При этом указание на то, что данный орган создается при законо-

дательном (представительном) органе государственной власти субъекта РФ, не влияет на его статус как самостоятельного органа конституционного контроля. Стоит согласиться с автором, что во многом статус данного органа будет зависеть от стремления субъектов РФ создать данные органы с максимально полезными функциями для государственности и граждан [11, с. 65–74]. Для Литвы такая система органов конституционного судебного контроля не характерна, во многом это объясняется тем, что Литва – унитарное государство. Функции органа конституционного судебного контроля в Литве выполняет только Конституционный Суд Литвы.

Относительно статуса конституционных судов в Российской Федерации и Литве отметим, что согласно ст. 111 Конституции Литвы Конституционный суд Литвы не входит в систему судебной власти, а является самостоятельным и независимым органом государственной власти. Судебную систему Литвы образуют Верховный Суд Литвы, Апелляционный суд Литвы, окружные и районные суды. Между тем в Конституции Литвы Конституционному Суду посвящена отдельная глава, что подчеркивает особый статус этого органа. Статья 1 Закона о Конституционном Суде Литвы говорит, что Конституционный Суд Литвы – это свободный и независимый суд, который осуществляет судебную власть и гарантирует верховенство Конституции. Как известно, согласно Конституции РФ, несмотря на свою специализированность, Конституционный Суд РФ входит в судебную систему Российской Федерации.

Основные различия между полномочиями Конституционного Суда РФ и Литвы. Конституционный Суд Литвы принимает решение о соответствии законов и других актов Сейма Конституции, а актов Президента Республики и Правительства – Конституции и законам. Конституционный Суд РФ осуществляет проверку только на предмет соответствия Конституции РФ, независимо от вида правового акта. Следовательно, Конституционный Суд Литвы проверяет подзаконные правовые акты на соответствие не только Конституции, но и законам. В этом смысле законам как нормативным актам придается большое конституционное значе-

ние, поскольку они образуют единое целое и составляют вместе с Конституцией нормативную основу для предмета проверки.

Различия наблюдаются и в субъектном составе лиц, которые могут обращаться с ходатайством. Если в Российской Федерации с запросом о проверке конституционности может обращаться довольно широкий круг субъектов (Президент РФ, Правительство РФ, Государственная Дума РФ, Совет Федерации РФ, 1/5 сенаторов РФ и 1/5 депутатов Государственной Думы РФ, Верховный Суд РФ, органы законодательной и исполнительной власти субъектов РФ), то в Литве это 1/5 депутатов Сейма, Президент, Правительство и суды. Но этот список варьируется в зависимости от того, какой вид правового акта обжалуется. Если обжалуется акт Правительства, то обжаловать его вправе 1/5 депутатов Сейма и Президент; если обжалуется акт Президента, то право предоставлено 1/5 депутатов Сейма; а если акты Сейма – 1/5 депутатов Сейма и Правительству. И во всех случаях право на обжалование принадлежит судам. Таким образом, Президент Литвы фактически не может поставить вопрос о конституционности актов Сейма, в чем выражается определенное неравенство между органами государственной власти и ограничение полномочий Президента Литвы по сравнению с Сеймом.

В силу федеративного государства Конституционный Суд РФ разрешает споры о компетенции, в Литве это полномочие у Конституционного Суда отсутствует. Но, несмотря на это, функция по разрешению споров между органами государственной власти осуществляется посредством иных полномочий (например, проверкой процедуры выборов или импичмента должностных лиц).

Так, Конституционный Суд Литвы дает заключения относительно того, имелись ли нарушения законов о выборах в ходе выборов Президента Республики и членов Сейма; позволяет ли состояние здоровья Президента Республики продолжать исполнение своих обязанностей; не противоречат ли Конституции конкретные действия членов Сейма и государственных должностных лиц, в отношении которых возбуждено дело об импичменте. В Российской Федерации возможна лишь проверка соблюдения порядка выдви-

жения обвинения против Президента РФ в государственной измене или совершении иного тяжкого преступления. Процедура проверки конкретных действий должностных лиц на предмет соответствия Конституции Литвы очень похожа на процедуру «ампаро», что не характерно для европейской модели конституционного судебного контроля и не является основной функцией органов конституционного судебного контроля. Как отмечает В. В. Маклаков, конституция не содержит определения понятия конкретных дел, это прерогатива Конституционного Суда Литвы или Сейма как органа, имеющего право проводить процесс импичмента [12, с. 542]. Следовательно, под категорию «конкретных дел» может подпадать практически любое политическое действие должностного лица. В научной литературе конкретный конституционный контроль иногда именуется инцидентным конституционным контролем [19, с. 17]. В связи с тем что термин «конкретный конституционный контроль» является общеупотребительным, далее в настоящем исследовании мы будем использовать именно этот термин.

По вышеназванным вопросам Конституционный Суд Литвы дает заключения, которые непосредственно направляются Президенту и Сейму. В соответствии со ст. 107 Конституции Литвы на основании заключений Конституционного Суда окончательные решения принимаются Сеймом. В данном случае мы видим некоторое нарушение принципа независимости судебной власти, поскольку, несмотря на окончательность принимаемых Конституционным Судом Литвы решений о неконституционности, решение о фактическом отстранении конкретного должностного лица от должности остается все же за Сеймом, хотя последний и не вправе опровергнуть, изменить или подвергнуть сомнению заключение Конституционного Суда. На неравенство правового статуса Сейма и Президента и их непростые взаимоотношения указывает то обстоятельство, что Сейм может потребовать дать заключение Конституционного Суда по любому вопросу, который относится к его компетенции, а Президент может просить Конституционный Суд Литвы провести расследование

лишь в двух случаях: если речь идет о правильности выборов членов Сейма или о порядке заключения международных договоров (ст. 74 Закона о Конституционном Суде Литвы).

Несмотря на все преимущества конкретного (инцидентного) конституционного контроля, связанные с возможностью проверки действий должностных лиц на предмет соответствия Конституции, открывается перспектива использования Конституционного Суда для борьбы с политическими конкурентами и исключения их из орбиты политической жизни. И это, бесспорно, недостаток обсуждаемой разновидности конституционного контроля. Примером может служить дело 2003 г. в отношении Президента Литвы Роландаса Паксаса (который обвинялся в незаконном предоставлении гражданства Юрию Борисову и распределении государственного имущества своим приближенным) или дело в отношении двух членов Сейма, которые более 10 раз нарушали процедуру голосования (один голосовал за другого во время зарубежной поездки, и оба скрыли этот факт) [13, с. 151–155].

В целом Сейм имеет больше возможностей инициировать конституционный контроль в отношении деятельности Президента, чем Президент в отношении Сейма. Фигура Президента в этом смысле оказывается зависимой от законодательной власти, а возможность обжалования актов Сейма Правительством практически не используется.

Одно из главных различий между Конституционным Судом Российской Федерации и Конституционным Судом Литвы заключается в том, что в Литве осуществляется в основном абстрактный нормоконтроль по запросам органов государственной власти. В Литве до 2019 г. отсутствовал институт конституционной жалобы, что существенно снижало гарантии защиты конституционных прав граждан и развития институтов гражданского общества. Однако, по мнению Председателя Конституционного Суда Литвы Э. Куриса, данная проблема решалась путем опосредованного обращения через суды и органы государственной власти (например, Президента) [14, с. 91]. Тем не менее полагаем, что форма опосредованного

обращения в Конституционный Суд не может в полной мере заменить форму прямого обращения, при которой граждане, независимо от сторонней воли, имеют право изложить собственные доводы о неконституционности того или иного правового акта.

В 2019 г. в ст. 106 и ст. 107 Конституции Литвы были внесены изменения, которые предоставили возможность гражданам напрямую обращаться с жалобой в Конституционный Суд Литвы за защитой своих конституционных прав и свобод. Причем формулировка ст. 106 Конституции Литвы «каждый человек» подразумевает возможность обращения в Конституционный Суд Литвы и граждан Литвы, и иностранных граждан, и лиц без гражданства. Также были внесены изменения в Закон о Конституционном Суде Литвы (ст. 65–70). Так, в ст. 65 данного Закона были сформулированы критерии допустимости жалобы: 1) правовой акт органа государственной власти (Президент, Сейм, Правительство) нарушил конституционные права и свободы человека и гражданина; 2) лицо исчерпало все внутригосударственные правовые способы защиты прав и свобод человека и гражданина и решение суда по делу заявителя окончательно, не подлежит обжалованию и вступило в законную силу; 3) со дня вступления в законную силу решения суда по делу заявителя прошло не более 4 месяцев. При этом жалоба может быть подана не только на предмет соответствия Конституции Литвы законов Сейма, правовых актов Президента и Правительства, но и на предмет соответствия законам Литвы правовых актов Президента и Правительства. Таким образом, Конституционный Суд Литвы выполняет функции не только конституционного нормоконтроля, но и обычного нормоконтроля на предмет соответствия отраслевому законодательству.

Так, в 2020 г. в Конституционный Суд Литвы из 248 обращений была подана 231 конституционная жалоба, из которой 181 была признана допустимой, и только 5 из них Конституционный Суд Литвы принял к рассмотрению [15]. Несмотря на то что количество дел, принятых к рассмотрению, довольно незначительно, стоит предполагать, что в дальнейшем, по мере развития института

конституционной жалобы в Литве, количество обращений будет возрастать. В ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» установлены аналогичные требования к допустимости жалобы, однако срок подачи жалобы при исчерпании всех внутригосударственных средств судебной защиты составляет не более 1 года с момента вынесения решения суда, что свидетельствует о более демократичном подходе к возможности подачи жалобы в Конституционный Суд РФ [16]. Более того, в деятельности Конституционного Суда РФ рассмотрение жалоб на нарушение конституционных прав и свобод человека и гражданина занимает ведущее место по сравнению с иными полномочиями (более 98 % от общего количества рассмотренных обращений) [17].

Обратим внимание на еще одно обстоятельство: принятие к производству неконституционного акта в Конституционном Суде Литвы приостанавливает его действие. Согласно положениям Конституции РФ приостановление действия обжалуемого правового акта не является обязательным.

По общему правилу Конституционный Суд Литвы не толкует нормы Конституции Литвы, такое отдельное полномочие отсутствует. Однако толкование возможно в рамках рассмотрения конкретного дела о неконституционности правового акта, также возможно последующее толкование своего решения (ст. 61 Закона о Конституционном Суде Литвы).

Отметим также, что в отличие от Российской Федерации решения Конституционного Суда Литвы могут быть пересмотрены им по собственной инициативе (ст. 62 Закона), если выяснятся новые существенные обстоятельства, которые не были известны Суду во время принятия решения и которые могли бы повлиять на содержание решения Суда. В данном случае следует положительно оценить эти нормы законодательства Литвы и закрепить в действующем законодательстве Российской Федерации аналогичные основания для пересмотра решений Конституционного Суда РФ исключительно в целях исправления ошибки при принятии решения, тем самым сняв проблему представления сторонами недостоверных доказательств или не-

представления в полном объеме достоверных доказательств, которые могут повлиять на содержание решения Суда. Однако проблема фактического действия нескольких, зачастую противоречащих друг другу, правовых позиций, закрепленных в разных решениях Суда в отношении аналогичных обстоятельств дела (т. н. «фактический пересмотр») остается.

В этой связи интересна позиция Конституционного Суда Литвы, выраженная в Решении от 21.11.2006, согласно которой Конституционный Суд Литвы связан своими правовыми позициями (должна соблюдаться преемственность правовых позиций), а изменение правовых позиций допускается только в исключительных случаях (например, изменение положений Конституции Литвы, если изменение правовой позиции вытекает из конституционных положений, когда это конституционно обоснованно и объективно необходимо в целях защиты прав и свобод человека и гражданина и охраны иных конституционных ценностей). При этом пересмотр ранее принятых решений Конституционного Суда Литвы при изменении правовой позиции не допускается [20]. Это свидетельствует о том, что окончательность решений Конституционного Суда Литвы остается неизменной. Ранее в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» (ред. от 02.06.2009) была закреплена возможность пересмотра правовых позиций (но не решений) Конституционного Суда РФ. Статья 73 данного ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» предусматривала возможность передачи дела, которое рассматривалось палатой Конституционного Суда РФ, для его рассмотрения в пленарном заседании в том случае, если большинство участвующих в заседании палаты судей приходило к выводу о том, что требуется принять решение, не соответствующее ранее принятым правовым позициям Конституционного Суда РФ [3]. В настоящее время такая возможность отсутствует в связи с изменением структуры Конституционного Суда РФ (отсутствие палат и рассмотрение дел в пленарном заседании), при этом основания для изменения правовых позиций Конституционного Суда РФ в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации»

не регламентировались. В связи с этим полагаем, что необходимо проводить разграничение между пересмотром решений Конституционного Суда и изменением его правовых позиций, для чего необходимо предусмотреть самостоятельные правовые основания для этих двух процедур.

Кроме того, необходимо отметить, что и для решений Конституционного Суда РФ, и для решений Конституционного Суда Литвы характерна правотворческая сила, которая позволяет восполнить правовыми позициями пробелы действующего законодательства, причем правовые позиции зачастую могут выполнять функцию правовых регуляторов общественных отношений [18, с. 55–60].

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Обобщая сказанное, можно констатировать, что Конституционный Суд Литвы – это орган конституционного контроля, который в значительно большей мере является политическим, нежели правозащитным, поскольку нацелен в основном на разрешение вопросов взаимодействия между органами государственной власти (особенно это характерно для отношений «Президент – Сейм»), а не защиты прав и свобод человека и гражданина. В связи с этим стоит рекомендовать предоставить равный доступ к конституционному правосудию всем органам государственной власти, являющимся субъектами обращения в Конституционный Суд Литвы, независимо от вида органа власти. Тем не менее в целях развития институтов гражданского общества и следования принципам правового государства, стоит положительно оценить закрепление в действующем законодательстве Литвы института конституционной жалобы. Поскольку это способствует защите населения, в том числе иностранных граждан, проживающих в Литве, от возможных нарушений их конституционных прав и свобод со стороны власти. В отношении Российской Федерации отметим, что в нашей стране существует довольно развитое и демократическое конституционное законодательство, регулирующее вопросы конституционной судебной защиты. Между тем в законодательстве сохраняется ряд пробелов, которые требуют восполнения. Например, не

определены основания для пересмотра решений и изменения правовых позиций Конституционного Суда РФ. В этом отношении, безусловно, полезен опыт разрешения этого вопроса в конституционном законодательстве Литвы. Поэтому отечественному законодателью можно рекомендовать предусмотреть в ФКЗ «О Конституционном Суде Российской Федерации» правовые основания для пересмотра решений и изменения правовых позиций Конституционного Суда РФ.

Более того, в свете проведенной в 2020 г. конституционной реформы можно было бы заимствовать опыт Литвы и в подходе к определению статуса Конституционного Суда РФ как самостоятельного и независимого органа государственной власти, занимающего особое положение в системе органов государственной власти в качестве органа, охраняющего Конституцию РФ и защищающего конституционные права и свободы человека и гражданина.

ЛИТЕРАТУРА

1. Конституция Российской Федерации от 25.12.1993 // Рос. газета. 2020. № 144.
2. О судебной системе Российской Федерации : федер. конституционный закон от 31.12.1996 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1997. № 1. Ст. 1.
3. О Конституционном Суде Российской Федерации : федер. конституционный закон от 21.07.1994 № 1-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 1994. № 13. Ст. 1447.
4. Регламент Конституционного Суда РФ от 24.01.2011. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. The Constitution of the Republic of Lithuania of 25.10.1992. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/ru/legalAct/TAR.47BB952431DA> (дата обращения: 23.10.2021).
6. The Law on the Constitutional Court of the Republic of Lithuania No. 1-67 of 03.02.1993. URL: <https://www.lrkt.lt/en/about-the-court/legal-information/the-law-on-the-constitutional-court/1475> (дата обращения: 23.10.2021).
7. The Rules of the Constitutional Court of the Republic of Lithuania of 05.03.2004. URL: <https://www.lrkt.lt/en/about-the-court/legal-information/the-rules-of-the-constitutional-court/1465> (дата обращения: 23.10.2021).
8. О внесении изменений в отдельные федеральные конституционные законы : федер. конституционный закон от 08.12.2020 № 7-ФКЗ // СЗ РФ. 2020. № 50 (часть I). Ст. 8029.
9. Астафичев П. А. Проблемы организации конституционной (уставной) юстиции в субъектах Российской Федерации // Конституция. Конституционализм. Конституционный Суд / под ред. А. А. Ливеровского, А. И. Овчинникова. М., 2021. С. 66–67.
10. Клеандров М. И. Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 18–19.
11. Кряжков В. А. Конституционный контроль в субъектах Российской Федерации: каким он может быть после упразднения конституционных (уставных) судов // Государство и право. 2021. № 9. С. 65–74.

REFERENCES

1. The Constitution of the Russian Federation of 25.12.1993 // Ros. gazeta. 2020. No. 144. (In Russian).
2. On the Court System of the Russian Federation : Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 31.12.1996 // Collection of legislation of the Russian Federation. 1997. No. 1. Art. 1. (In Russian).
3. On the Constitutional Court of the Russian Federation : Federal Constitutional Law No. 1-FKZ of 21.07.1994 // Collection of legislation of the Russian Federation/ 1994. No. 13. Art. 1447. (In Russian).
4. Rules of Proceedings of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.01.2011. Accessed through Law assistance system “Consultant Plus”.
5. The Constitution of the Republic of Lithuania of 25.10.1992. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/ru/legalAct/TAR.47BB952431DA> (accessed: 23.10.2021). (In Lithuanian).
6. The Law on the Constitutional Court of the Republic of Lithuania No. 1-67 of 03.02.1993. URL: <https://www.lrkt.lt/en/about-the-court/legal-information/the-law-on-the-constitutional-court/1475> (accessed: 23.10.2021).
7. The Rules of the Constitutional Court of the Republic of Lithuania of 05.03.2004. URL: <https://www.lrkt.lt/en/about-the-court/legal-information/the-rules-of-the-constitutional-court/1465> (accessed: 23.10.2021).
8. On Amendments to the Particular Federal Constitutional Laws : Federal Constitutional Law No. 7-FKZ of 08.12.2020 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 50 (Part I). Art. 8029. (In Russian). (In Russian).
9. Astafichev P. A. Problemy organizatsii konstitutsionnoi (ustavnoi) iustitsii v subektakh Rossiiskoi Federatsii // Konstitutsiia. Konstitutsionalizm. Konstitutsionnyi Sud / Eds. A. A. Liverovsky, A. I. Ovchinnikov. Moscow, 2021. P. 66–67. (In Russian).
10. Kleandrov M. I. Constitutional Changes in 2020 and the Mechanism of Justice: Pros and Cons // State and Law. 2020. No. 10. P. 18–19. (In Russian).
11. Kryazhkov V. A. Constitutional Control in the Subjects of the Russian Federation: How It Can Be after

12. Конституционный контроль в зарубежных странах / отв. ред. В. В. Маклаков. М. : Норма, 2007. 542 с.
13. Лапинскас К. Конституционная юриспруденция и развитие демократии в Литве // Конституционное правосудие. 2010. № 3 (49). С. 151–155.
14. Курис Э. Субъекты с правом обращения в Конституционный Суд // Конституционное правосудие. 2005. № 2 (28). С. 91.
15. Annual Report 2020. URL: <https://www.lrkt.lt/data/public/uploads/2021/07/annual-report-2020-web.pdf> (дата обращения: 25.10.2021).
16. О внесении изменений в Федеральный конституционный закон «О Конституционном Суде Российской Федерации» : федер. конституционный закон от 09.11.2020 № 5-ФКЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. 2020. № 46. Ст. 7196.
17. Заявители, подавшие обращения в Конституционный Суд Российской Федерации. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/NewReference.aspx> (дата обращения: 25.10.2021).
18. Сухоруков А. С. Правотворческая сила решений Конституционного Суда Российской Федерации в контексте судебной реформы // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2017. № 4 (117). С. 55–60.
19. Безруков А. В. Конституционное право России. М. : Юстицинформ, 2015. С. 17.
20. On the Construction of a Provision of Item 6.3. of Chapter II of the Reasoning Part of the Ruling of the Constitutional Court of the Republic of Lithuania “On the Compliance of Paragraph 3 (Wording of 22 December 1998) of Article 73 of the Statute of the Seimas of the Republic of Lithuania with the Constitution of the Republic of Lithuania” of 4 April 2006 : Decision of the Constitutional Court of the Republic of Lithuania No. 24/05-04/06 of 21.11.2006. URL: <https://www.lrkt.lt/en/court-acts/search/170/ta1328/content> (дата обращения: 25.10.2021).
- the Abolition of Constitutional (Statutory) Courts // State and Law. 2021. No. 9. P. 65–74. (In Russian).
12. Konstitutsionnyi kontrol v zarubezhnykh stranakh / Ed. V. V. Maklakov. Moscow : Norma, 2007. 542 p.
13. Lapinskas K. Konstitutsionnaia iurisprudentsiia i razvitie demokratii v Litve // Konstitutsionnoe pravosudie. 2010. No. 3 (49). P. 151–155. (In Russian).
14. Kuris E. Subekty s pravom obrashcheniia v Konstitutsionnyi Sud // Konstitutsionnoe pravosudie. 2005. No. 2 (28). P. 91. (In Russian).
15. Annual Report 2020. URL: <https://www.lrkt.lt/data/public/uploads/2021/07/annual-report-2020-web.pdf> (accessed: 25.10.2021).
16. On Amendments into the Federal Constitutional Law “On the Constitutional Court of the Russian Federation” : Federal Constitutional Law No. 5-FKZ of 09.11.2020 // Collection of legislation of the Russian Federation. 2020. No. 46. Art. 7196. (In Russian).
17. Zaiaviteli, podavavshie obrashcheniia v Konstitutsionnyi Sud Rossiiskoi Federatsii. URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Petition/Pages/NewReference.aspx> (accessed: 25.10.2021). (In Russian).
18. Сухоруков А. С. The Law-Making Power of Decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation in the Context of Judicial Reform // Вестник Саратов State Law Academy Bulletin. 2017. No. 4 (117). P. 55–60. (In Russian).
19. Bezrukov A. V. Konstitutsionnoe pravo Rossii. Moscow : Iustitsinform, 2015. P. 17. (In Russian).
20. On the Construction of a Provision of Item 6.3. of Chapter II of the Reasoning Part of the Ruling of the Constitutional Court of the Republic of Lithuania “On the Compliance of Paragraph 3 (Wording of 22 December 1998) of Article 73 of the Statute of the Seimas of the Republic of Lithuania with the Constitution of the Republic of Lithuania” of 4 April 2006 : Decision of the Constitutional Court of the Republic of Lithuania No. 24/05-04/06 of 21.11.2006. URL: <https://www.lrkt.lt/en/court-acts/search/170/ta1328/content> (accessed: 25.10.2021).

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сухоруков Александр Сергеевич – кандидат юридических наук, доцент кафедры конституционного права, Уральский государственный юридический университет, Екатеринбург, Россия.
E-mail: SuhorukovS@mail.ru

ABOUT THE AUTHOR

Aleksander S. Suhorukov – Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Department of Constitutional Law, Ural State Law University, Yekaterinburg, Russia.
E-mail: SuhorukovS@mail.ru

С правилами направления, рецензирования и опубликования материалов
можно ознакомиться на сайте журнала: surgutvest.elpub.ru/jour

Переводчик

А. В. Петрова

Редактор

М. Г. Азнагулова,

Ю. Р. Брбрус

Верстка

Е. А. Мельниковой

Фото на обложке

Татьяны Букиной

Оригинал-макет подготовлен в Издательском центре СурГУ

Тел. (3462) 76-30-66

Отпечатано в Издательском центре СурГУ

Адрес учредителя, издателя и типографии:

бюджетное учреждение высшего образования Ханты-Мансийского автономного округа – Югры

«Сургутский государственный университет»,

628412, Ханты-Мансийский автономный округ – Югра, г. Сургут, пр. Ленина, 1

Тел. (3462) 76-31-79

Подписано в печать 14.12.2021. Дата выхода в свет 22.12.2021. Формат 60 × 84/8

Усл. печ. л. 17. Уч.-изд. л. 14,3. Тираж 100. Заказ № 335

Цена свободная